

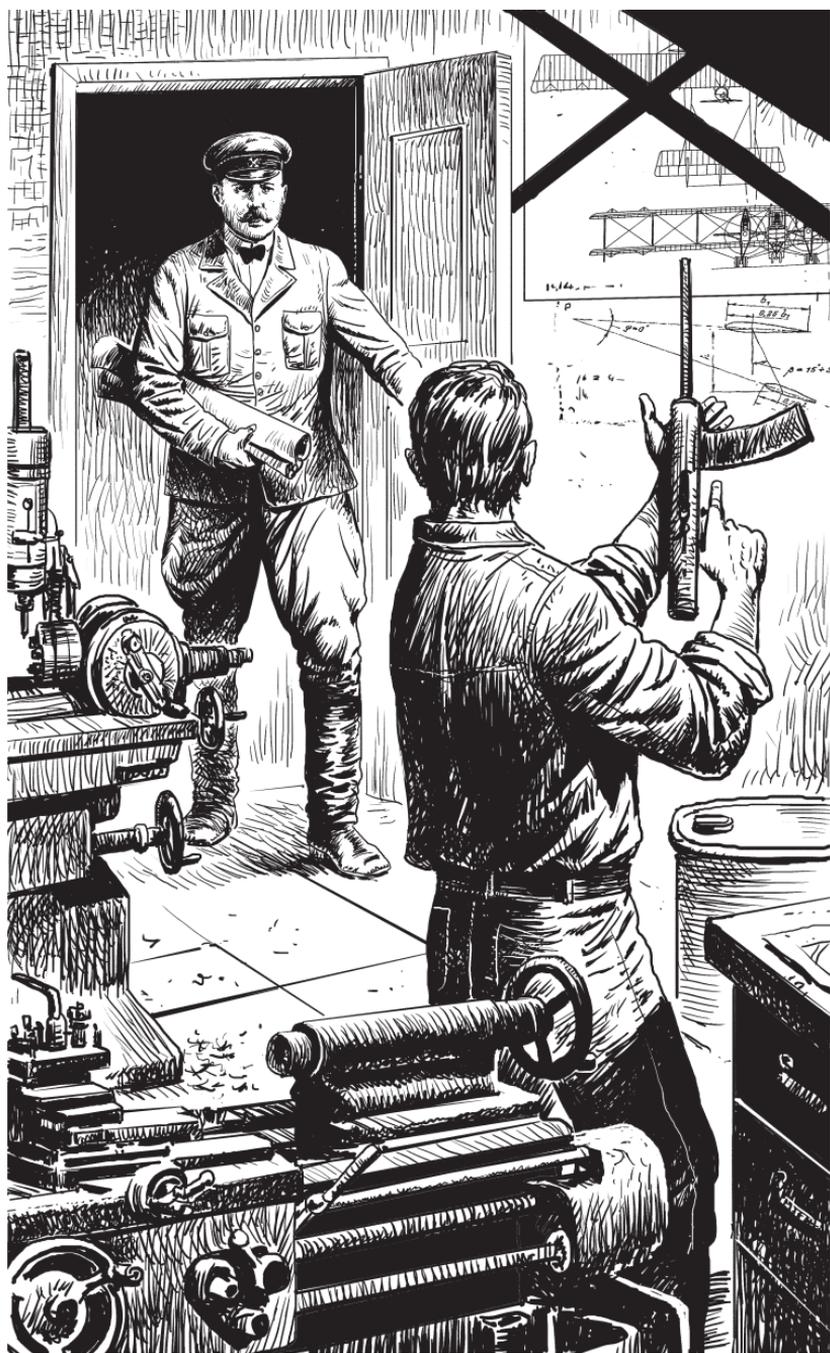


ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК



АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО
ИНЖЕНЕР
ЕГО ВЫСОЧЕСТВА







ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ИНЖЕНЕР
ЕГО ВЫСОЧЕСТВА



РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Обычно мемуары начинаются примерно с рождения воспомянутого и дальше идут двумя путями. Первый: я родился тогда-то и там-то, потом вскользь о родителях, о месте, где они сподобились произвести на свет героя, и снова о нем же — первые воспоминания, вторые, третьи... И так далее, более или менее равномерно по времени.

Второй же путь — сначала описание исторической обстановки в момент появления на свет автора, затем несколько фраз до перехода к описанию действительно интересных событий, происходивших с автором и вокруг него, ну а потом — уже подробно и со вкусом. Такой путь более рискован: если это только автору кажется, что он интересно описывает значимые вещи, а на самом деле нет ни того, ни другого, получается макулатура. Но я готов рискнуть. Итак...

Когда Сталин лежал в Мавзолее, а народ уже почти перестал задумываться, что же теперь будет, в семье механизатора и учительницы в деревне Григорьево Калининской области родился сын. Когда этот сын — то есть я — начал ходить, Сталина из Мавзолея вынесли, а народ снова принялся чесать репу — вот теперь точно что-то будет!

Когда я уходил в армию, водка стоила два восемьдесят семь, а Леонид Ильич был мужчиной в расцвете сил. Когда же вернулся, наш национальный напиток шел уже по три шестьдесят две, а генсек бормотал из телевизора про сиськи-масиськи и сосиски сраные... Через весьма непродолжительное время они именно такими и стали.

Когда я начинал трудовую деятельность, статус инженера был еще достаточно высок, а когда впереди, на расстоянии всего нескольких лет, замаячила пенсия, мое звание заслуженного изобретателя официально находилось всего на полступеньки выше статуса «бомж». Впрочем, это меня тогда не очень взволновало, а потом оно стало и вовсе по фигу, — да подавитесь вы вашей подачкой, у самого руки есть!

Вот, собственно, и все вступление, пора переходить к тексту.

ГЛАВА 1

*Фрагменты из дневника
Его Императорского Высочества Великого Князя
Георгия Александровича*

23 января 1899 г.

Сегодня грустный юбилей в моей жизни: вот уже минуло 8 лет, как закончилась моя служба в Российском Императорском Флоте.

Эти печальные для меня дни останутся в памяти до конца моей жизни, который, как я ясно понимаю, уже близок. Об этом мне говорят и красные пятна на моем платке, и глаза врачей, которые они прячут от меня. А как прекрасно начиналось то злосчастное плавание на броненосном фрегате «Память Азова»! Встреча с Ники в Триесте, а дальше были великие пирамиды в Египте, усыпальница Великих Моголов в Индии. А потом был тот злосчастный декабрь, когда «Адмирал Корнилов» и «Память Азова» стояли на якорях на Бомбейском рейде и я почувствовал, что заболел... и окончательный диагноз — чахотка. Сейчас я понимаю, что виной всему была моя беспечность. Сначала проводы после бала на «Азове» m-m N* на катере по холодному рейду в легком сюртуке, а затем сон у открытого окна на ледяном сквозняке в вагоне поезда после поездки к пирамидам в Египте. В это очень

тяжелое для меня время как «луч света в темном царстве» было то незабываемое прощание моряков со мной, когда к трапу «Памяти Азова» для переправы на «Адмирал Корнилов» для меня подали катер, на котором гребцами были офицеры фрегата, а на руле — сам командир, милый Н. Н. Ломен. А как самозабвенно кричали «ура!» команды кораблей, когда мы покидали гавань...

1 февраля 1899 г.

Я чувствую себя совершенно одиноким. Вокруг высокие горы, как тюремные стены, и только единственное, что скрашивает мою жизнь здесь в Аббас-Тумане, это моя отрада — обсерватория. Как часто, смотря на холодные величественные звезды, я ловлю себя на мысли, что хочу воззвать к Господу нашему явить милость и милосердие: помоги рабу твоему Георгию. Ведь это так тяжело осознавать в 27 лет, что жизнь уходит из меня неуловимо, как песок меж пальцев, и что, возможно, я не доживу и до 28 лет.

12 февраля 1899 г.

Этой ночью мне снился очень красивый, но непонятный сон. Я сижу на моторраде. Впереди и рядом другие — очень странных очертаний, разноцветные, — на них пилоты в облегающих одеждах и в шлемах наподобие рыцарских. Я чувствую, что волнуюсь... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее других... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости.

Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится набок и едет, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и

я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14.

Это невероятно, но он едет еще быстрее меня, и в результате закончил гонку я только третьим... Проснулся с мыслью, что мне надо больше тренироваться. Очень странный сон...

14 февраля 1899 г.

Я не знаю, что же мне делать: этот сон мне снится уже третью ночь. Сегодня исповедовался отцу Константину, рассказал ему о моих снах и попросил совета. Он был явно в смущении и сказал, что я должен больше молиться, и Господь явит мне милость. Боже, помоги рабу твоему Георгию!

15 февраля 1899 г.

Сегодня я понял, что этот сон есть знак свыше и я должен научиться искусству езды на моторраде; решил не откладывать дело в долгий ящик. Вызвал к себе моего управляющего и попросил выбрать самую совершенную и быструю модель.

27 февраля 1899 г.

Управляющий доложил, что самым совершенным моторрадом является «Мотоциклет» производства фирмы братьев Вернер. Их последняя модель в прошлом году экспонировалась в Велосипедном салоне и приобрела большую известность быстрходностью, так как позволяла достичь максимальной скорости 35 верст в час. Фирма братьев Вернер, кстати русских подданных, имеет магазин в Москве на Петровских линиях в доме Полякова, откуда они могут прислать моторрад и механика, чтобы его собрать. К тому же их московский представитель — один из братьев Верне-

ров, Ипполит Антонович, — узнав, для кого делается покупка, любезно вызвался сопровождать груз и дать мне несколько уроков езды.

* * *

Мелькают по сторонам последние домики, и теперь впереди только дорога. Скорее, тропа, по которой я еду на антикварном мотоцикле. Гора слева и не то обрыв, не то вообще ущелье справа. Крым? Впереди небольшая осыпь, за ней левый поворот. Да что же я делаю?! Заднее колесо сносит. Почему-то даже не пытаюсь применить контрруление. Ногами тоже не работаю. Переднее колесо входит в занос, и мотоцикл кувыркается. Как будто забыв абсолютно все навыки, я даже не пытаюсь оттолкнуться от падающего драндулета и сгруппироваться. Сильный удар вывернутым рулем в грудь. Ребра сломаны? Во рту кровь. Все. Конец. Больше ничего делать не надо, осталось только немного подождать, пока из меня вытечет жизнь. И тогда я проснусь.

Вот зараза, да что же это за дерьмо такое мне снится?! Яркое, в цвете и даже с запахами. И вторую ночь подряд. Хорошо еще, что я от природы не нервный — более впечатлительная личность уже неслась бы к психиатру за таблетками или к экстрасенсу на рихтовку кармы. А меня хватает только на вялое недоумение — с чего это сны такие одинаковые? Кстати, мысль. Если опять приснится оно же, можно попытаться сравнить — действительно ли картинки абсолютно совпадают или просто похожи.

Больше в тот день ничего интересного, кроме заклинившего колена на одном из клиентских скутеров, не было...

А ночью я третий раз посмотрел тот же сон. Никаких, даже самых мелких, отличий от первых двух просмотров зафиксировать не удалось.

Выходной. Валяюсь на диване и пытаюсь заставить себя мыслить. Итак, что мы имеем с гуся? Три одинаковых, во всяком случае на мой взгляд, неразличимых сна подряд. Идеи?

Первая. Едет крыша. Неконструктивно, однако.

Вторая. Какая-то сволочь изобрела аппаратуру для трансляции снов и теперь испытывает ее, гоняя мне один и тот же ролик. В принципе возможно, но почему такой странный выбор сюжета?

Третья. Сон вещей. Типа и куда ж ты, козел старый, еще и на мотоциклах гонять лезешь? Вот они, мотогонки-то, чем кончаются. Хм... Как-то я небольшой спец по вещим снам, может, обратиться к профессионалам? Еще бы понять, как среди сотен шарлатанов отыскать одного, который не совсем... Так что попробую сам. Представим себе, что я внял и ни в каких мотокроссах ни в Крыму, ни на Кавказе участвовать не буду, — так вроде и не собирался. Я больше по шоссейно-кольцевым, и ближайший этап в Курске. Там ничего даже отдаленно похожего на пейзажи из сна отродясь не было. Да и приснившееся мне не тянет на мотокросс. Скорее это что-то вроде первой поездки чайника. Вот именно, продолжим...

Четвертая. Это не я там еду. Я просто ухитряюсь телепатически (а что? никто меня еще не уличал в отсутствии соответствующих талантов вроде) видеть кусок чужей-то жизни — причем, судя по содержанию, этот кусок финальный.

Попробуем поглубже развить эту мысль. Итак, кто-то вбухал очень неслабые деньги в мотоцикл начала прошлого века, которых вообще-то сохранились единицы. Абсолютно не умея ездить, данный ориги-

нал намылился кататься по горам, где и убился. Причем когда я спал, у него там был день. И это случилось позавчера, если первый сон шел «в прямом эфире». Такая новость уже всю должна была бы обсуждаться в Интернете, если только дело не происходило в каком-нибудь южноамериканском или новозеландском медвежьем углу и трупик еще не нашли. Или же все сны транслировались «в записи». Этаким привет из прошлого. Кстати, если из достаточно далекого прошлого, то и мотоцикл по тем временам мог быть не раритетом, да и нулевая квалификация пилота вполне объяснима. Может, это даже какой-нибудь мой предок типа сводного троюродного прадедушки прорезался.

Чем-то мне эта версия нравится больше других. Кстати, я данный сон смотрю от первого лица — а смогу ли я вмешаться? Чуть сбросить скорость, повернуть руль... и предок выживет. А выжив, глядишь, еще и сотворит что-нибудь этакое. Вряд ли, конечно, но все равно интересно. Так что будем посмотреть...

День прошел как-то сумбурно, дела валились из рук. Наконец вечером я плюнул на все недоделанное, сел, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Что я видел в этих снах? В деталях? Мотоцикл с широким зю-образным рулем... ручки газа, кажется, нет... совсем древность мохнатая, вот манетка¹ на раме... тормозов вроде тоже не наблюдается... амортизации точно никакой нет, даже самой зачаточной...

Теперь вспоминаем действия пилота. Так, выехал из деревни... Блин, да он совсем рулить не умеет, как же так можно не вернуться! Впереди небольшой

¹ М а н е т к а — маленький рычажок наподобие применяемых на современных велосипедах для переключения скоростей. В первых мотоциклах она была вместо ручки газа и ставилась на раме. От себя — газ прибавляется, на себя — уменьшается.— *Здесь и далее примеч. авт.*

подъем... он двигает манетку вперед, движок тарахтит резвее... переваливает горб дороги, рука опять дергается к манетке, хочет, видать, сбросить газ... и опять вцепляется в руль! Он же просто не в состоянии нормально управлять одной рукой! А скорость все увеличивается... Если это можно назвать скоростью. Так, уже примерно сорок... Дальше все ясно. Левый поворот ему не пройти. Без моей помощи, конечно. Ладно, ждем ночи на предмет посмотреть сон в активном режиме, если получится.

Не буду вас томить, все получилось, причем не только все намеченное, но еще и кое-что сверх того. Вон на столе литровая банка с бижутерией (или как оно там называется — золотые брошки-колечки, камни всякие средней драгоценности) стоит, ждет конвертации в рубли или евро. И кого я считал предком — тоже жив, хотя, как оказалось, он мне вовсе не предок, уж настолько-то я свою родословную знаю. Зато тезка. Правда, еще не так чтобы уж совсем окончательно жив... В общем, мне еще придется подсуетиться. Но по порядку.

Бессонницы не случилось, я задрях вовремя и, как и надеялся, увидел дубль-4. Поначалу мои попытки вмешаться в управление имели нулевой эффект. Я и смотреть-то мог только туда, куда направлял свой взор персонаж (лучше бы за дорогой внимательней следил, недоумок!). Но вот в момент, когда мотоцикл преодолел подъем... Видимо, возможностей свободы маневра у горе-пилота уже не оставалось, дальше любые его действия не меняли результата. Но это что касается его, мне же удалось изменить этот результат сразу на сто восемьдесят градусов, причем в обоих смыслах. Как только зад мотоцикла пошел в занос, я слегка довернул руль вправо, потом резко дал газ до упора, ле-

вая нога и руль ушли влево. Газ на себя, мотор глохнет... Неплохо получилось: полицейский разворот без тормозов и одной рукой — это не каждый сможет. С другой стороны, мотоциклом этот аппарат можно называть только из вежливости. Так, велосипед с моторчиком. В общем, слез я с этого пепелаца, заодно рассмотрев его сбоку — похож на первую модель «Индияны», только бак совсем маленький и расположен над задним колесом. Хотел присесть, но тут персонаж из моего сна перехватил управление и сел сам. Я опять мог только смотреть. И слушать. Слушать? Или как это — принимать телепатемы? В общем, примерно так:

«Ты спас меня сейчас, я — из Сна? — Это он так и подумал, с заглавной буквы.— Надолго ли?»

«Я-то я, но не то я, которое ты, а которое наоборот, я... тьфу, зараза! Ну ладно, в общем, спас. Из какого еще сна?! Тебе тоже ролики снились?»

«Мне снился красивый, но странный сон. Много раз — один и тот же. Я сижу на моторраде (точно, термин «мотоцикл» появился не сразу, как их только не называли). Впереди и рядом другие... разноцветные, на них пилоты в странных одеждах и в шлемах наподобие рыцарских... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее всех... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости. Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится набок и мчится, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14 — это невероятно, но он едет еще быстрее, чем я...

Ага, понятно, что ему снилось. Прошлогодняя гонка М-1 на Подольской трассе. Не занял я там ни пер-

вого, ни второго места. Не помог мне мощный мотор, Иван меня обошел сразу, а на десятом круге и Сергей. Да что там, я и Василия-то обогнал только оттого, что он упал. Тренироваться надо было больше.

«Понятно. Тебе действительно снился кусочек моей жизни. Ну а дальше? Ты что, именно в результате увиденного этот свой кошмарик на колесах заимел?»

«Это было... Ну не знаю, как сказка. Я, в общем, догадываюсь, что жить мне осталось немного. Хотя прямо никто не говорит, но... Почему-то захотелось наяву испытать такое. Выписал моторрад... только он оказался вовсе не таким, как тот. Да и я мог управлять им совсем не так, как ты. Вот сегодня я рискнул первый раз выехать из Аббас-Тумана... Ты сам видел, что было дальше. Я бы точно разбился без твоего вмешательства?»

«Не так чтобы разбился, сломал бы пару ребер... но почему-то помер бы от этого (и что же это я за скотина такая нетактичная)».

«Почему-то? Чахотка. Давно и серьезно».

Та-ак... Чахотка... Аббас-Туман... то есть, скорее всего, Абастумани...

«Слушай, персонаж,— по возможности вежливо осведомился я,— а как тебя, болезного, зовут? И какой тут сейчас у вас год?»

Д-а-а, дела. В процессе беседы со своим визави я как-то незаметно проснулся. Потом встал, оделся и закурил — нужно было потянуть время, дабы привести мыслительный процесс в относительную норму. Спасаемый оказался моим тезкой. Имя Георгий. Отчество Александрович. Фамилию он не назвал, но выдал титулы и звания. Шеф девяносто какого-то Иркутского пехотного полка. Атаман казачьих войск. Ну и на закуску — великий князь, и не просто мелочь ка-

кая-нибудь великокняжеская, а цесаревич и наследник престола. Про год я и сам догадался — 1899-й. Все это время связь с ним не прерывалась — он, похоже, просто молчал, я же давился непечатными эпитетами. Еще сильно мешала невозможность увидеть собеседника — я мог либо своими глазами смотреть на свою же комнату, либо его глазами на летний грузинский пейзаж.

«Жалко, что я тебя не вижу», — «подал голос» Георгий.

Мне тоже было жалко, и вдруг показалось, что если повнимательнее присмотреться во-он туда, то вроде...

«Что это?» — Георгий привстал, он тоже что-то почувствовал.

Дальнейшие события заняли гораздо меньше времени, чем теперь потребуется на их описание. На стене, куда я пялился, вдруг образовался небольшой, сантиметров двадцать в диаметре, круг. Вроде иллюминатора, за которым стоял в напряженной позе и смотрел мне в глаза сухощавый бледный молодой человек. И тут началось. Как будто от могучего пинка снаружи, открылась форточка и с грохотом ударилась об угол стены. Воздух со свистом уходил в «иллюминатор», захватывая по дороге бумаги и всякий мусор. Георгий отшатнулся от бейсболки, летевшей прямо ему в лицо, я тоже отвел глаза. Безобразие прекратилось.

Так, что там Георгий делает? А, он с интересом рассматривает мое барахло. Прочитал надпись «Motul» на бейсболке, отложил ее в сторону и теперь вертит в руках столик.

«Интересные у вас деньги, надо же, маленькие какие». — «Это ты еще советского рубля не видел», — подумал я. — «И год интересный... тысяча девятьсот девяносто седьмой?»

«Две тысячи восьмой».

«Вот даже как... Некоторые считают, что к этому времени должен наступить золотой век».

«Это они сдуру. По мнению наших историков, золотой век был при Екатерине. У вас сейчас, как они считают, серебряный».

«А у вас, значит, бронзовый?»

«Точно не знаю, но вряд ли — бронза так не пахнет».

Я начал потихоньку понимать, что произошло. Москва находится почти на уровне моря. Абастумани на километр с хвостиком выше — имеет место быть разница давлений. Произошедший только что мини-ураган наглядно показал, что дырка между временами (или реальностями, потом уточним терминологию) была не иллюзорной, а вполне реальной. Перенос предметов отсюда туда возможен, вон они лежат на травке. Как насчет наоборот?

«Гоша, — осведомился я (он мысленно хмыкнул), — ты не хочешь слегка продолжить исследование данной катаклизмы? Или там хроноклазмы?»

Вообще-то я далеко не всегда сразу перехожу на «ты». Однако «выкаты» человеку, с которым общаешься мысленно, мне как-то не пришло в голову. Моему собеседнику тоже, судя по его следующей реплике:

«Я только что хотел задать тебе именно этот вопрос».

«Тогда минутку. — Я быстро убрал все, что могло слуть в дыру, распахнул не только форточку, но и окно. — Значит, пытаемся снова открыть портал, и ты пропихиваешь мне какой-нибудь мой предмет и какой-нибудь свой, хоть булыжник...»

«Мы сделаем лучше. Открываем?»

На сей раз дыра сразу получилась раза в три больше, а напор воздуха — несколько слабее.

«Попробуй еще увеличить! — Георгий с трудом сделал шаг против ветра. Края дыры поползли в стороны. — Руку давай! Ну что стоишь, меня же сейчас снесет!»

Я схватил протянутую руку и вдернул Георгия в комнату. «Думать потом будем, тащить надо, пока меня туда не выдуло», — мелькнула мысль. Дыра схлопнулась. В комнате медленно оседала поднятая ветром пыль. Георгий с интересом оглядывался.

— Ну ты и авантюрист, ваше высочество, — перевел дух я.

— Какой есть. И как, кстати, к тебе обращаться? Полным титулом ты мне не представился.

— Старший сержант запаса. Это благородие или не очень? В общем, обращайся по имени.

— Тогда и ты тоже. Вот только почему ты меня называл Гошей?

— Потому что это принятое у нас сокращение от Георгий. Жорой я тебя называть не могу, это я Жора, а Жорж... даже не знаю, мне это имя кажется каким-то... — «Чем бы заменить готовое уже вырваться «пидерастическим»? быстро!» — Э-э-э... немужественным.

— Ладно, зови так. И почему же, интересно, я авантюрист?

— Ты уверен, что мы сможем открыть портал, когда оба на одной стороне, а не каждый на своей?

— Даже если и нет — моя участь что, сильно изменится к худшему? И чего гадать, надо попытаться. Либо он откроется, либо нет.

— Погоди.

Я достал капроновый шнур, один конец привязал к батарее, другой свернул и бросил рядом с углом, в котором предполагалось открытие портала.

— Теперь мы оба идем ко мне? — уточнил Георгий.

— Да. Готов? Начали!

Нахождение обоих «операторов» по одну сторону портала не повлияло на его открываемость. Дыра образовалась именно там, где мы хотели, причем сразу нужного размера. Георгий сделал два шага по ветру, я, зажав в кулаке веревку, шагнул за ним и... вывалился в Грузии. Обернулся — там вместо моей комнаты была скала. И аккуратно обрезанный кусок капронового шнура.

— Приветствую тебя на земле Российской империи, — улыбнулся Георгий.

— Да, действительно, чего это я тут разлежся.

Я встал, отряхнулся и огляделся. Подсознательно стал искать чего-нибудь такого, на что глянешь и сразу поймешь, что ты в другом мире и тут вам не там! Но ничего особенного не наблюдалось. Горы как горы.

— И где это мы?

— Зекарское шоссе, близ Аббас-Тумана.

— Это шоссе?

Я с сомнением оглядел узенькую, кривую и ухабистую дорожку, местами засыпанную щебнем. Впрочем, и у нас «шоссе» не лучше бывает, но, правда, всегда шире.

— Интересные теперь открываются у нас возможности... — Георгий запнулся, явно хотел сказать что-то еще, но просто посмотрел на меня. Я понял.

— Хочешь спросить, лечат ли в нашем времени туберкулез? Лечат. Не так чтобы мгновенно и радикально, но лечат. То есть таблетки, которую слопал — и здоров, нет. Надо лечь в клинику, даже не знаю точно насколько. Но это вполне возможно, я выясню, если хочешь.

— Станный вопрос. Ты бы на моем месте отказался?

— И еще. Блин, как бы это сказать... Ты только не думай, что я из тебя тяну...

— Лечение не бесплатное?

— Есть и бесплатное, но от него сам помрешь, без всякой палочки Коха.

— Ясно. Деньги у меня, как ты понимаешь, есть, но ведь они у вас не имеют хождения? Тогда драгоценности?

— Наверное, да. Только не очень уникальные, а то их будет невозможно реализовать.

— Сколько?

— А хрен его знает. Горсть. Или две. Я узнаю, сколько надо на лечение, потом цены...

— Давай сделаем наоборот. Я сегодня же отдам тебе все, что смогу собрать. Ты узнаешь все необходимое, и не экономь, не хватит — еще добавлю. И что ты на меня так смотришь?

— У нас, понимаешь, как-то не принято при первом знакомстве сразу доверять значительные суммы...

— У вас там что, людей нет, одни воры?

— Люди есть, но и воров... явно могло бы быть поменьше. И кстати, вон там — это кто скачет?

— Похоже, это казаки за мной.

— Ладно, тогда мне пора.

— До встречи. Открываем?

Портал открылся без проблем, я нагнулся, схватился за конец веревки и втянул себя в комнату. Бардак, однако, тут образовался от всех этих переходов туда-сюда, надо будет что-то придумать на будущее.

За уборкой квартиры я не сразу обратил внимание, что чего-то вроде не хватает. Сосредоточился и понял — кошки. Ветром бедную небось выдуло... И где же она теперь?

«Имеется в виду вот это пушистое существо? — раздался у меня в голове голос Георгия. — За нее не вол-

нуйся, мы уже познакомились. Ты не против, если дама погостит у меня некоторое время? Отборными мышами мы ее обеспечим».

ГЛАВА 2

Наконец-то у меня появилось время в спокойной обстановке обдумать происходящее. Цейтнот кончился, Гоша поправляет здоровье в клинике, иногда связываясь со мной по майлу или мобильнику — когда мы оба в одном мире, телепатическая связь не действует. Кошку он вернул, и вредное животное мне теперь каждый день мявкает, что, мол, жизнь в трехэтажном коттедже на Кавказе ей, кошке, нравится больше, чем в трехкомнатной квартире в Москве. То есть проблему, что делать с возможностью перехода в другой мир, кошка для себя уже решила. Но у меня, в отличие от этой хвостатой, ясности нет. Кстати, мир там действительно не наш, у нас дата смерти цесаревича Георгия осталась прежней во всех источниках. Можно туда перебраться на ПМЖ. Тем более у меня там уже есть ну не то чтобы титул, но имя. Даже Имя, пожалуй. Дело было так. Обсуждали мы с Гошей детали его предстоящего лечения, и возник вопрос: а как объяснить, куда это он отправился? Идеи про любую из клиник их мира отпали сразу, персоны такого ранга в одиночку не путешествуют. Пришлось мне слегка подумать, после чего я изрек:

— Ты отправишься на лечение к горному старцу. Без сопровождающих, потому как к старцам такого уровня святости толпой не ходят. Напишешь об этом записку, что-то типа это твой последний шанс, и сюда.

— К какому старцу? — не врубился Гоша.

— Ну у вас ведь там горы кругом, куда ни плюнь. Могут в них водиться старцы повышенной святости? Еще как могут, никто ж не проверял! Живет он себе, например, в пещере, проводя дни в посте, молитве и постижении дао, ну и решил вот для разнообразия цесаревича излечить.

— Насчет дао — это обязательно?

— Да хоть мяо, нам, старцам, всякие мелочи по фигу.

— Наверное, искать начнут...

— И пусть себе ищут хоть до посинения. Ты, когда вернешься, объяснишь, что горные старцы — они такие, хрен их найдешь без должного просветления в душе.

Так что при желании можно попросить Гошу — я думаю, не откажет наследник — объявить народу, что старец решил снизойти: мол, познакомьтесь. Но только не вдохновляет меня знание того, что там должно начаться через пять лет, а особенно через пятнадцать. Неплохо бы, конечно, в меру сил попытаться все насквозь изменить, однако, скорее всего, хрен что из этого выйдет — не политик я, сожрут. Или не сразу сожрут, дадут время адаптироваться? Можно эту функцию возложить на Гошу, а самому изредка подавать умные советы. Если он их будет слушать, особенно после пары-тройки ляпов, а без них вряд ли выйдет. Так это и отсюда не хуже получится!

Можно плюнуть на возвышенные материи и просто помогать Гоше, когда попросит, потому как интересно, да и наверняка это хорошо отразится на кармане. Да, так и сделаю, но только после того, как Гоша задаст мне главный вопрос. Или ответит на мой, если не задаст. Что делать с Николаем? Про три революции Гоша уже много чего прочитал. Роль самодержца там, как правило, описывается ярко и выпукло. Ликвида-

цию с полным Гошиным алиби провести технически нетрудно — чего там, открыть портал да стрелнуть или бомбу бросить с надписью «Дорогому государю от благодарных левых эсеров». Прекрасно понимаю аргументы «за»: да как же, на кону жизнь миллионов, и все они должны умереть только оттого, что я не хочу сжечь пару патронов?! Может, оно и так, но не наверняка. А вдруг в результате вмешательства станет еще хуже?

Аргументы «против» тоже есть. Провернули мы, положим, это дело. И даже пусть Гоша окажется великим императором, при котором все подряд начнет процветать до дальше некуда, но ведь наверняка когда-нибудь у него со мной возникнут разногласия. И вот он, отправивший на смерть любимого старшего брата, сколько миллисекунд он будет сомневаться насчет моей дальнейшей судьбы?

По аналогичной причине не вдохновила меня и мысль предоставить портал благодарному человечеству. Оно ведь в лице своих лучших представителей (всенародно избранных или не очень, неважно) мгновенно законопатит меня в самую хорошо охраняемую камеру, какую найдет, а потом наворотит такого, что я там сам удавлюсь.

Вопрос с клиникой для лечения Гоши решился за два дня. Через одного знакомого врача я вышел на спеца по туберкулезу, который уже представил меня главврачу платной клиники данного профиля, той, что недалеко от платформы Лось. Я выдал легенду. Мол, один мой друг, человек весьма состоятельный, хочет подлечить сына. Этот сын в молодости малость поехал крышей на каких-то славянофильских идеях и ушел в народ, причем глубоко ушел, его долго искали. Когда наконец нашли, обнаружилось, что он где-то

подхватил ТБ. Лечить надо инкогнито, так как наличие такого сына мой приятель не афиширует. Потому и сам этим не занимается, попросил меня. Нужна отдельная палата, и чтобы персонал не обращал внимания на некоторые безобидные странности пациента. Разумеется, вопрос с деньгами даже не стоит: сколько надо, столько и будет, не стесняйтесь.

На следующий день Гоша на своем мотоцикле подъехал на знакомое нам обоим место, откуда был транспортирован в нашу Москву. Вид у него оказался — краше в гроб кладут. Похоже, в своем мире он и без аварии долго не протянул бы. Я отвез его на север Москвы и сдал медперсоналу.

— Случай очень запущенный, — сообщил мне врач, суя в карман очередную пачку денег, — но я думаю, все будет хорошо.

К вящему удивлению медиков, первичная фаза у Гоши закончилась через три недели. Мне-то это было примерно понятно, его позапрошлоговековые бактерии, не успевшие привыкнуть к антибиотикам, даже от стрептомицина дошли как мухи, а их травили и более серьезными препаратами. Так что на днях Гоша отправляется домой. За время лежания в клинике он вполне освоился с ноутбуком и продуктивно набивал диск вытащенной из Инета информацией. Поначалу он пытался экономить место, но я, широко разводя руки, все-таки сумел ему объяснить, что такое сто гигабайт. Предвидя, что у него возникнет масса вопросов, я заранее обновил в памяти устройство автомата Калашникова — и сел в лужу. Данный девайс его не заинтересовал. Он спросил только, как, с моей точки зрения, мосинка плохая винтовка или не очень, и, получив ответ «не идеал, конечно, но в общем весьма неплохо», переключился на более интересные вещи.

Интересовали его возможные варианты решения земельной проблемы в основном. Кроме этого он много скачивал про флот (линкор «Ямато» его потряс). Но это не шло ни в какое сравнение с совершенно детским восторгом от авиации. На его счастье, про летающие машины я мог рассказать если и меньше, чем про двухколесные, то ненамного. Кабы не близорукость, то я бы, наверное, стал летчиком, а не инженером. В детстве летал на планере БРО-11, потом построил самодельный самолет (по сути, тот же БРО с мотоциклетным мотором) и летал уже на нем. Да и сейчас в Серпуховском аэроклубе я не самый редкий гость. Узнав эти факты моей биографии, Гоша взял с меня обещание помочь ему с постройкой самолета в его мире, и, услышав «ты давай выздоравливай, а аэроплан мы потом с тобой за пару недель соорудим», еще полдня мне названивал, уточняя летные характеристики своего будущего чуда техники.

Пока Гоша лечился, я на остатки его средств прикупил еще один гараж, рядом со своим. Двери у него прочные, коробка кирпичная, разницу давлений между Москвой и Абастумани вполне выдержит. Это чтоб не устраивать при всяком открытии портала бардак в квартире, да и не очень там удобно, супруга хоть и живет сейчас отдельно (с дочерью, на предмет нянчить внука), но частенько там появляется.

Ну вот, блудный сын возвращается к себе на Кавказ. Лечение явно пошло ему на пользу, изможденность в облике пропала, лицо малость округлилось. Я привез его в гараж, он переоделся в свои шмотки, взял под мышку ноутбук и сказал, что он готов.

— Минутку... — Я открыл соседний гараж с моей мототехникой и подозвал его. — Ты, конечно, можешь вернуться на чем приехал, не нужен мне твой «Вер-

нер». Но больно уж убогий это механизм, да и опасный. Если хочешь, вот тебе типа подарка, он помощнее малость, и ездить на нем не так страшно.

Я показал на стоящий у двери китайский мопед. Гоша сначала с восхищением его оглядел, но потом посмотрел в глубь гаража, сравнил со всей стоящей там техникой... Тут, пожалуй, я сделаю небольшое отступление. Кошка живет у меня уже десять лет. А до нее жил крыс. Умнейшее существо, жаль, что век у него такой короткий. Так вот, у нас с крысом была традиция — мы ужинали вместе. Ставилась тарелка мне и маленькое блюдечко крысу. Он важно взбирался на стол, подходил к своему блюдцу, потом к моей тарелке, сравнивал ассортимент... И как же он обижался, если у него в блюдце чего-то по сравнению с моей тарелкой не доставало! Вот и Гоша сейчас выглядит как тот крыс.

— Ладно, ты сначала на этом научись нормально ездить, со скоростями разберись и сцеплением, а там и что помощнее тебе организуем, — утешил его я. — Ну что, двинули?

Мы с Гошей и мопедом перешли в соседний бокс, закрыли двери, открыли портал...

— Стой!

Что-то было не так. Я всмотрелся в картину по другую сторону портала. Время суток в Гошином мире, по моим наблюдениям, часов на шесть опережало московское. У нас день, значит, там должен быть вечер, а виден явно полдень. И масло... Перед затаскиванием в портал из Гошиного пепелаца пролилось немного масла, вон как раз на тот камешек — и оно там до сих пор, как будто прошло пять минут, а не месяц.

— Ну-ка посмотрим... — Я снял с руки часы, запомнил время и бросил в портал. — Закрываем и ждем десять минут.

Закрыли и подождали. Потом открыли. Я взял часы с кавказского гравия, посмотрел, положил на пол гаража.

— Все ясно, пошли.

Мы вышли сами и выкатили мопед на Зекарское шоссе.

— Что тебя так заинтересовало? — осведомился Гоша.

— Время. Когда мы оба в одном мире, время в другом, где ни одного из нас нет, стоит.

— То есть как? — Почему-то Гошу это очень удивило. — Не может быть, чтобы время всей Земли зависело от меня!

— А чего тут такого? Ты, например, команду «Кру-гом!» выполнять умеешь? И ничего, что при этом не только Земля, но и вся Солнечная система с остальной Вселенной до кучи вокруг тебя вертится?

— Но это же только кажется!

— Вовсе нет. Все зависит от того, что принять за начало координат. С временем тоже может быть аналогично, во всяком случае Эйнштейн так считал. Равномерно и прямолинейно оно течет только для наблюдателя внутри системы, а для внешнего скорость течения времени может быть любая, от нуля до бесконечности. А по отношению к тому миру, где нас нет, мы как раз внешние наблюдатели. В общем, почитай общую теорию относительности или лучше книжицу «Теория относительности для миллионов», там подобные вещи рассматриваются.

— Да? Чудны дела твои, Господи! Выходит, я вернулся в тот же миг, что и ушел. Но это значит, что история с горным старцем была придумана зря?

— Ну как же зря. Это, наоборот, старцу в плюс, что он тебя смог исцелить не за месяц, а мгновенно, да еще вдобавок успел твой мотоцикл кардинально усо-

вершенствовать. Ты на себя посмотри и сравни с тем полутрупом, что приехал сюда пять минут назад по времени этого мира! Тебя и узнают небось не сразу.

Мы договорились о том, что надо организовать место для открытия портала у Гоши во дворце, он обещал подобрать подходящее помещение, чтобы избыточное давление при открытии не вышибало окна-двери, ну и вообще чтоб этот процесс не вызывал излишнего ажиотажа. После чего я отправился к себе, а Гоша, еще пару раз напомнив про самолет, к себе.

ГЛАВА 3

До того как начать выполнять свое обещание об аэроплане, я съездил в Курск. Пропускать очередной этап гонок не хотелось. Да-а... Я и раньше подозревал, что, если не тренироваться хотя бы два раза в неделю, результат будет соответствующим. Именно таким он и оказался — шестое место. Это при том, что на старте было одиннадцать человек, двое из которых до финиша просто не доехали, ибо не поделили поворот и столкнулись, а еще двое участвовали в гонках первый раз в жизни. На закуску какой-то местный корреспондент с неуместным восторгом еще распространялся перед камерой в том духе, что для человека моего возраста это просто замечательный результат. С расстройства я начал серьезно обдумывать идею предложить Гоше организовать многодневные международные гонки в пику Турист-Трофи, типа Золотое кольцо Кавказа. Вот они там на своих трехколесных «Де Дионах» со склонов-то накувыркаются! А для поддержания ажиотажа приз. Например, золотое кольцо, символизирующее маршрут, метрового диаметра и весом

с мотоцикл. А что? Не разорится цесаревич, я же никому не скажу, что оно внутри свинцовое.

По прибытии домой я связался с Гошей, послушал новости. Оказывается, после его отъезда на лечение прислуга успела найти записку и отнесла ее лечащему врачу, Айканову. Он как раз соображал, что же делать, после того как во всем блеске явился Гоша. После недолгого осмотра доктор впал в экстаз и галопом помчался к телеграфу вызывать подмогу. Через день приехало случайно перехваченное в Тбилиси (то есть, тьфу, Тифлисе) петербургское светило медицины по фамилии, кажется, Бирюля. На пару с местным доктором они сутки измывались над Гошей и в конце концов вынесли вердикт: здоров. Правда, советовали еще некоторое время не покидать Кавказа во избежание... Тут я, кстати, был с ними солидарен.

Тем временем новость облетела Аббас-Туман. К Гоше явилась депутация аборигенов, узнать подробности. В процессе беседы был задан робкий вопрос о конфессиональной принадлежности старца. Гоша заверил, что с принадлежностью к православию у того все в порядке, вплоть до святости, и старец не канонизирован только потому, что он еще жив. Еще Гоша подчеркнул, что искать старца — дохлое дело, он открывается только достойным. В результате разносившихся слухов местная церковь оказалась второй день набита до отказа, вплоть до образования небольшой очереди на улице. От врачей во все стороны полетели телеграммы. Гоша тоже написал несколько писем, в том числе, естественно, и старшему брату. Кстати, этому письму предшествовал любопытный диалог.

— Пишу письмо Ники,— поделился со мной Гоша.— Знаешь, даже как-то неудобно лгать...

— Да зачем же такие крайности? — изумился я.— Писать надо чистую правду.

— То есть как? — в свою очередь изумился Гоша.

— Откуда я знаю, как ты письма пишешь, наверное, от руки. А вот что писать — сейчас подумаем. Давай для начала уточним, что во всей этой истории является чистой, неоспоримой и ничем не замутненной правдой. Итак: повинуюсь зову своей души и указаниям свыше, ты нашел путь в обитель старца. Хоть полслова неправды есть? Едем дальше. Старец встретил тебя, лучась мудростью, неземной добротой и еще хрен знает чем. Неужели скажешь, что у меня на морде все это не написано? Тут главное — всмотреться повнимательней, с искренним желанием увидеть.

— Ладно, чем ты лучился, я опишу,— фыркнул Гоша.

— Дальше. Старец тебя не исцелял, и так писать нельзя. Он всего лишь организовал этот процесс — вот как выглядит чистая правда. Значит, именно ее и надо донести до читателя. То есть стоило старцу только снизойти до твоих проблем и пожелать, чтоб ты выздоровел — и все, через мгновение болезнь исчезла! Слова «по часам этого мира» мы опустим как несущественные. Ну и дальше в таком же духе, главное — быть предельно правдивым, это, кстати, очень важное умение для политика.

Дальше, понятное дело, беседа повернула на тему самолета. Я уточнил, каких досок надо заказать (сосновых и немного буковых), сказал, что в качестве обшивки нужен перкаль, но в принципе сойдет и ситец. С местным лаком я решил не рисковать, сам притащу эмалит. Озвучил требования к аэродрому, чтобы Гоша заранее озадачил народ найти подходящую площадку и разровнять ее при необходимости. Наконец, выяснилось, что для меня уже выделены комнаты во двор-

це в комплекте с прислугой. Для кошки тоже, отдельно.

Пользуясь царящей вокруг суетой, Гоша объявил, что он выписал к себе известного гениального изобретателя, новозеландца русского происхождения по имени Джордж Найденофф (который в процессе окончательного обрусения станет Георгием Найденовым). И что тот на днях приедет и построит наследнику русского престола невиданную летающую машину. Это будет уже вторая моя аватара в том мире, горного старца решили в это дело не впутывать, не по чину ему такое.

Новозеландцем меня сделали потому, что за своего в том времени я бы никак не сошел, а тут эвон откуда — с другого края земли. Там вообще от хутора до хутора десятки верст дремучего леса с людоедами, даже в магазин за водкой несколько дней пути, поневоле самолет изобретешь, если не антиграв.

В качестве транспорта я приобрел себе простенький квадроцикл и ободрал с него пластик, чтобы не смущать народ видом незнакомого материала. В раздетом виде квадр вполне напоминал самобеглые коляски того времени, только что с непривычно широкими колесами. Дальнейшее уже потихоньку становилось рутиной. Гоша приехал на знакомое место, и через открытый портал в Россию девятнадцатого века вкатился известный изобретатель, механик и электрик на своем автомобиле. Высокого гостя сопровождала кошка. Гоша поехал вперед, показывать дорогу, я двинулся за ним.

А на следующий день Гоша был потрясен до глубины души, да и мне тоже стало не по себе. Дело в том, что у него была невеста, греческая принцесса Мария. Никаких особых чувств между ними не пылало, пла-

нировался обычный династический брак. И вот мы узнали, что двадцать восьмого июня, в день несостоявшейся Гошиной смерти, девушка слегла с сильнейшим жаром. Врачи оказались бессильны, и вечером следующего дня она скончалась.

На Гошу жалко было смотреть, я даже забеспокоился, не вернулась ли болезнь.

— Как же так? — растерянно сказал он. — Я ведь читал про ее судьбу, когда был в больнице. В вашей истории она жила еще долго! Почему же сейчас так?

— Ты и сам понимаешь почему, — вздохнул я. — Потому что в той истории умер ты. Если раньше у меня были сомнения насчет портала, а вдруг это просто у нас с тобой свойство такое, от природы, то сейчас... Вмешалась какая-то высшая сила и произвела рокировку. Не спрашивай зачем — не знаю.

— Но ведь тогда все бесполезно, — воскликнул цесаревич, — если, спасая одних, этим я обреку на смерть других!

У меня были аналогичные сомнения, но я твердо сказал:

— А ты что, тоже высшая сила? Это ей так захотелось — одного спасти, другую наоборот. А ты спасай по-простому, не оглядываясь на закон сохранения, тебе можно. Но, пожалуй, стоит твердо уяснить одну вещь. Без всяких вмешательств свыше спасение кого-то одного вполне может повлечь смерть другого. И вопрос тут стоит так: либо вообще ничего не делать, либо иметь в виду такую вот неприятную особенность мироздания. А Мария... жалко девушку. Но даже если ты прямо сейчас застрелишься, вряд ли она оживет.

Весь день Гоша ходил задумчивый и не вспоминал о самолете. Но на следующий он зашел ко мне и сказал:

— Прости меня за слабость. Мария умерла, чтобы я

мог что-то изменить в этом мире, ты прав. Ты мне можешь? Я не только про самолет, я вообще!

— Куда ж мне деться с подводной лодки. И вообще помогу, а пока давай начнем с аэроплана.

За две недели мы самолет не построили, мой отдых на горном курорте затянулся на месяц. Работы происходили в большом сарае рядом с дворцом. Кстати, поначалу я офигел — дворец оказался деревянным! Трехэтажным, с колоннами, верандами и башенкой на крыше. Очень красиво снаружи и удобно внутри, но меня сильно напрягала пожарная безопасность. Я просто не мог понять, почему это до сих пор не сгорело, и на всякий случай наташил из Москвы огнетушителей. Правда, там никто не курил, я тоже выходил смолить на улицу, то есть в дворцовый сад, там нашлась небольшая беседка, интерьер которой я тут же дополнил консервной банкой для бычков.

Строили мы классический вариант легкого самолета — цельнодеревянный подкосный высокоплан, хохлы и французы называют такую схему «парасоль». В качестве мотора я приволок пятидесяти сильный «Ротакс». При всем их консерватизме и, как следствие, не очень высоких удельных параметрах это исключительно надежные движки. В подручные мне было выделено трое казаков, хорошо знающих столлярное дело. Они пилили, строгали и клеили, а мое время поровну распределялось между руководством работами и объяснениями Гоше, что, собственно, делается и зачем. В перерывах я гулял по поселку, в основном разъезжая на квад্রে. Никакого ажиотажа он, кстати, не вызвал.

Аббас-Туман представлял собой одну улицу длинной около двух километров, вдоль речки Абастуманки. Дома были в основном довольно богатые, многие

двухэтажные или с мансардами. Познакомился я с настоятелем местного храма, отцом Константином. Он, кстати, мне сказал, что строящаяся новая церковь — это на деньги Гоши, который выделил более ста тысяч рублей. Про обсерваторию, построенную на его же средства, я и раньше знал. Не очень типичный великий князь, обычно, судя по многим источникам, их денежные потоки были направлены не из кармана, а наоборот. Вообще местный народ с большим уважением отзывался о Гоше, и это было не заученное «их высочество милостиво повелеть соизволили».

Меня несколько удивило практически полное отсутствие агентов соответствующих структур — все-таки тут живет брат императора. Но в Абастумани имелся только один пенсионного возраста жандарм, с которым мы слегка побеседовали после моего там появления, и все. Патриархальные времена, однако...

Вечерами мы разговаривали с наследником о вариантах его будущего — ну и России заодно. Собственно, Гоша сразу понял, что при попытке решения любой проблемы у него будут две трудности.

Первая — как это правильно сделать? Почти всегда вопрос неоднозначный.

Вторая — как убедить Николая поступить именно так? В том, что вынудить его выслушать и согласиться можно, Гоша не сомневался. Еще меньше сомнений было в том, что в конце концов Николай сделает все по-своему. Была мысль раскрыть действительное положение дел, но от нее, подумав, отказались. Удержать в тайне такое Николай не сможет, а когда информация расползется... Да первым делом Гошу грохнут, желающих и искать не придется. Решили для начала составить мини-список пророчеств горного старца, для обретения должного авторитета по мере их сбывания (до сих пор не знаю, как правильно — сбывание

мечтов или сбыча мечт). И еще я посоветовал Гоше создать концерн.

— Я не очень помню, что под этим подразумевается?

— Подконтрольная тебе организация, содержащая промышленные и торговые предприятия, банки, информационные и силовые структуры. Нечто наподобие вашего треста, но более самостоятельное. При любом раскладе лучше, если ты будешь иметь влияние в политике и экономике, помимо того, что ты просто брат царя.

— И какие промышленные предприятия ты предлагаешь создать?

— В порядке очередности: авиационный завод, моторный, радиоэлектротехнический, потом автомобильный. Ну и небольшое планово-убыточное оружейное производство для обеспечения своих силовых подразделений.

— Всего-то.

— А кто говорил, что будет легко?

— Информационные структуры — это газеты?

— Не только. Телеграф и телефон. Издательства. Еще технический вуз не помешал бы. Ну и специальное подразделение для распространения нужных слухов и пиара.

— Это слово у вас имеет странное значение, в отличие от своего английского прототипа чаще употребляется в смысле... э-э-э... у вас еще говорят «обосрать».

— Черный пиар. Тоже нужная вещь, без этого никак.

Наконец самолет был готов. Гоша рвался участвовать в первом полете, но я твердо объяснил ему, как называется индейское жилище. Аэроплан был притящен на взлетную полосу — просто сравнительно ров-

ный участок поля длиной метров триста. Я проверил тяги, уже из кабины — рули. Вроде норма. Нажал кнопку стартера, «Ротакс» завелся сразу и ровно заурчал. Я подождал пару минут для прогрева и двинул рычаг газа до упора. Мотор взвыл, и наше чудо техники рванулось вперед. Разгон был неплохим, где-то через пятьдесят метров я смог поднять хвост, а через сто взлететь. На высоте около трех метров я пролетел треть полосы, легкими движениями ручки проверив управляемость по крену и тангажу, и прибрал газ, аккуратно сев в самом конце аэродрома. Развернулся и таким же манером прилетел обратно. Казаки кричали «ура!», они, видимо, решили, что это и есть демонстрация всех возможностей аппарата. Гоша так не думал, он-то хорошо представлял себе, на что способно наше произведение. Я вылез из кабины и снова проверил тяги, крепления крыльев, мотора и шасси. В значительной мере это был спектакль для Гоши, сам-то я отличаюсь некоторым пофигизмом и умеренным разгильдяйством.

— Что-то не так? — с беспокойством спросил Гоша.

— Все так. Просто жизнь любого самолета, даже насквозь серийного, всегда начинается с подлётов — это те прыжки, которые я только что демонстрировал. И перед любым полетом обязательна проверка по специальному перечню, хоть бы ты был сто раз уверен в полной исправности всего. Если у тебя на мопеде лопнет трос, ты в худшем случае закукуешь посреди дороги. А при неисправности в самолете ты, скорее всего, так долбанешься с высоты, что и отскрести будет нечего. Ладно, не переживай, сейчас будет настоящий полет.

Снова газ до упора, поднимаю хвост, взлетаю, но теперь продолжаю тянуть машину вверх. Чуть качнул ручкой из стороны в сторону — признаков срыва потока нет. Скороподъемность даже несколько получ-

ше, чем я ожидал, учитывая почти полтора километра над уровнем моря. Быстрый взгляд на альтиметр — есть двести. Перехожу в горизонтальный полет и закладываю плавный поворот. К управляемости претензий нет. Смотрю вниз — там казаки подбрасывают шапки и Гоша, кажется, что-то кричит, во всяком случае, размахивает руками. Делаю восьмерку над поселком. Из домов уже кое-где вылезли жители и пялятся в небо. Ладно, можно садиться, пока там Гоша совсем не извелся от нетерпения.

В следующий полет самолет ушел с пассажиром. В передней кабине была предусмотрена установка дублирующего управления для ученика, но я его пока не ставил, пусть первый раз Гоша слетает в качестве балласта.

Поначалу я собирался ограничиться совсем коротким полетом, но Гоша был в полном восторге, так что я плюнул на свои благие намерения и покружил над Аббас-Туманом минут сорок, набрав полкилометра высоты.

Вечером вместо традиционной беседы я гулял по саду с кошкой — его высочество пребывало в таком состоянии, что нормально говорить с ним оказалось невозможно. А потом начались учебные полеты. На одном из них присутствовал специально приехавший из Тифлиса писака — никакого другого названия он, учитывая результаты его трудов, не заслуживал. Ну не Гиляровский. Вот что оказалось написано в газете «Кавказ»:

*«ПОЛЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА*

В понедельник, 9 августа, Наследник Цесаревич после прогулки по дворцовому саду приказал подать

бицикл с бензиновым двигателем. В 10 часов утра Его Императорское Высочество сел на сей моторный велосипед и совершил прогулку по шоссе. Наследник Цесаревич ехал очень быстро (бицикл Его Высочества развивает скорость до 50 верст в час). За дворцом великих князей Георгия и Александра Михайловичей Наследник уменьшил ход машины и остановился. Здесь на поле длиной более 100 саженьей уже находилась изобретенная Его Высочеством машина для полетов по воздуху, которую Его Высочество изволил назвать «аэроплан». Возле аэроплана находился инженер г. Найденов, который помогал Его Высочеству в постройке оной машины. Когда Наследник Цесаревич приблизился, г. Найденов отдал ему рапорт о готовности аэроплана к полету. Его Высочество милостиво принял рапорт и сел в переднюю кабину аэроплана. После чего г. Найденов сел в заднюю кабину. По прошествии малого времени мотор аэроплана заработал, издавая довольно громкий звук, и аэроплан поехал по полю. В середине поля он поднял от земли хвост и сразу после этого начал подниматься в воздух. Аэроплан Наследника Цесаревича поднимался очень быстро сначала до 100, а потом до 200 саженьей. На такой высоте он казался с земли малой птицей. Аэроплан летал над Аббас-Туманом 30 минут, после чего Его Высочество изволил направить машину к земле. Мотор стих, и аэроплан опустился на поле, с которого он поднимался в воздух. Вышедшего из кабины аэроплана Наследника Цесаревича приветствовали восхищенные зрители, среди них был автор этих строк».

Данный поток сознания был сопровожден фотографией, весь центр которой занимало лицо Гоши с совершенно ему несвойственной идиотской улыбкой,

а на заднем плане можно было рассмотреть кусок фюзеляжа, подкос крыла и мою руку в перчатке.

Гоша оказался довольно способным учеником, через неделю он уже нормально держался в воздухе, сносно поворачивал в горизонтальной плоскости и даже научился взлетать без грубых ошибок. Посадка ему пока не давалась, но видно было, что и этот этап он скоро освоит. Я пару раз сходил через портал в Москву за бензином, маслом и сигаретами, а в основном так и сидел в Абастумани. Чувствовал я себя отлично, как будто сбросил лет пять, а то и десять. Сначала я приписывал это влиянию горного воздуха, но потом стало как-то сомнительно. Если бы это место само по себе действительно обладало столь явственно выраженными лечебно-тонизирующими свойствами, то к двадцать первому веку только на доходах от его эксплуатации Грузия стала бы богатейшей страной мира. Гоша тоже с каждым днем чувствовал себя все лучше. И третий член нашей компании, кошка, буквально цвела — стала толстой и пушистой, как в молодости, и только отсутствие в поселке котов несколько омрачило ее безоблачное счастье. Налицо была тенденция — у всех троих, проходивших портал между мирами, наблюдалось улучшение здоровья. Я сделал пометку в памяти: проверить. На мышках, например.

Тем временем молва о Гошиных полетах расходилась все шире и шире. Пришло еще одно письмо от Николая, где император снова поздравлял брата с выздоровлением, просил сообщить подробности о горном старце и о покорении воздушной стихии. А дальше шла несколько заинтересовавшая меня приписка о том, что Аликс¹ тоже с большим энтузиазмом отнес-

¹ А л и к с — императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская) — супруга Николая II.

лась как к исцелению цесаревича, так и к его успехам на техническом поприще.

— А что тебя в этом удивляет? — спросил Гоша.— Она и с приобретением мотоцикла мне помогла.

— Вы с ней настолько хорошо знакомы?

— Вроде мы один раз встречались, когда я был маленький, и два года назад она ненадолго приезжала сюда с Ники.

— И ты попросил императрицу помочь с мотоциклом? Почему не Николая, да мало ли еще кого?

— Я не просил. Когда я поручил управляющему приобрести мотоцикл, она написала своим родственникам в Германию, и ему помогли выбрать и купить новейший.

— Вон оно что, а то твой «Вернер» мне покоя не давал, его серийное производство должно было только следующей весной начаться, опытный, значит, образец... интересно девки пляшут... И самолет ее величество вполне одобряет. Хм, действительно умная тетенька, этот ее ход надо будет запомнить и творчески развить.

— Ты это о чем?

— Да так, просто мысли вслух. Давай лучше про старца уточним.

— Мне почему-то кажется, что ты подозреваешь Аликс в какой-то гадости,— с сомнением пробормотал Гоша.— Я, конечно, отношусь к тебе с огромным уважением, но твой цинизм, как у вас говорят, несколько напрягает.

— А ты меньше напрягайся, и все будет зашибись. Так что там нам напорожил этот старый хрен?

Гоша вздохнул, порылся в бумагах на столе и достал листочек.

— Начало Англо-бурской войны, землетрясение в

Тифлисе и смерть королевы Виктории. Точные даты будем сообщать?

— А как же! Наш старец — это тебе не Нострадамус какой-нибудь паршивый.

— Да, к вопросу о будущем, как ты думаешь, скоро мне можно будет покинуть Аббас-Туман?

— Через месяц где-то покажешься нашим врачам, и если все будет в норме... Думаю, лучше все-таки зимой, от питерской осени и здоровый слечь может.

— Ты считаешь, что мне надо ехать именно в Петербург?

— Сначала — обязательно. А потом обосноваться где-нибудь малость в сторонке, это еще надо подумать где. И начинать потихоньку разворачиваться. Что ты там накопал в Интернете по биржевым спекуляциям?

Гоша с гордостью достал довольно толстую папку.

— Думаю, что даже при осторожной игре я смогу получить до миллиона в год.

— Ты все-таки не очень рискуй, в этой области я тебе помочь ничем не смогу, ты и сейчас уже знаешь здесь побольше меня.

— Вот именно. И вообще, при многих недостатках языка вашего мира там иногда встречаются очень глубокие афоризмы. Например, чему именно не надо учить отца. Я начал интересоваться банковским делом за шестьдесят лет до твоего рождения, кстати.

Наконец мы с Гошей выбрали время и провели детальное исследование свойств открывшейся нам по неизвестно чьему желанию межмировой дырки. Вкратце результаты получились такими:

— Когда мы в разных мирах, время там течет одинаково. Возможна телепатическая связь, но только если оба одновременно сосредоточены на этом. Стоит одному чуть отвлечься, связь пропадает.

— Из разных миров портал открывается опять же по обоюдному одновременному желанию и расположен между нами. Неважно, двигаемся мы или стоим.

— Из одного мира для открытия портала тоже нужны сосредоточенные усилия обоих, и открывается он только в том месте, где уже бывал ранее открыт из разных миров.

— Когда мы оба в одном мире, время в другом стоит или, по крайней мере, движется неопределимо медленно.

— Открытие и поддержание портала требует сил, и это зависит от его размеров. Маленькую дырочку мы с Гошей держали полчаса, наверное, и дальше смогли бы. А удержать большой портал, вроде того, через который я въехал на квад্রে, мы смогли только четыре минуты, и больше в этот день никаких открываний не получилось.

Следствием из этих свойств оказалась возможность телепортации в пределах одного мира. Для проверки мы с Гошей открыли портал из Абастумани в мою квартиру, я перешел в Гошин мир, затем оттуда сделали портал в гараж, и я вернулся к себе, в итоге преодолел полтора километра за пару секунд.

Но кое-что я не стал говорить Гоше. В конце концов, мало ли когда и чего мне кажется. А казалось мне, что я и один смогу открыть портал из Гошиного мира в свой, но проверять это не стоит, потому что такой портал будет последним.

ГЛАВА 4

И-и... раз-два, взяли! Ух... Я вытер пот со лба. Генератор и бочка дизтоплива были уже в Абастумани, а мотки провода, лампы и всякая фурнитура еще в моем

гараже. Но, похоже, на сегодня уже никаких порталов не получится. Ничего, Гоша и у меня переночует, чай, не барин.

Тем временем на улице послышалось «р-р-р фыр-фыр-фыр», затем скрип тормоза и легкий стук упавшего на асфальт заднего колеса. Гоша стоял у дверей гаража с отвисшей до пупа челюстью. Судя по звукам и Гошиной реакции, меня почтила присутствием племянница Машенька на своем «Дерби». Она, зараза, долго тренировалась делать стоппи (это когда при торможении мотоцикл встает на переднее колесо), за это время убив полтора комплекта пластика, который, между прочим, менять пришлось мне. Причем в момент зависания «Дерби» она с него грациозно спрыгивала. Поначалу, конечно, получалось, что скутер кувырком летел в одну сторону, Маша рыбкой — в другую, но наконец она освоила этот трюк и постоянно его применяла — для приведения в обалдение мужской половины человечества. Теперь достаточно было мельком взглянуть на Гошу, чтобы сделать вывод в пользу ее успеха.

— Добрый день, дядь Жора! Ты не очень занят? Помнишь, мы договаривались мне техобслуживание сделать? О-о, а выглядишь ты как обалденно! Вроде же этап был в Курске, а по тебе скорее скажешь, что на Канарах.

— Привет, племянница. Познакомься, это Гоша. Ну давай закатывай свой драндулет, посмотрю. Поди, уже ремень пора менять?

Я собрался позвать Гошу, чтобы повисить его технический кругозор демонстрацией полуразобранного скутера «Дерби Жипиван-250», но цесаревича в гараже не оказалось. Маши тоже. «Однако...» — подумал я, откручивая болты крепления вариаторной крышки.

— Дядя Жора! — В гараж изящно просочилась пле-

мянница.— У меня к тебе огромная просьба! Мы с Гошей хотим на Гору съездить, дай на пару часов свою «Хонду». Честное слово, ни одной царапинки на ней не будет!

Вообще-то Маша ездит очень неплохо — когда не выпендривается, конечно. Гора — это смотровая площадка в Лужниках, там часто собираются байкеры. В принципе пусть Гоша на Москву посмотрит...

— Ладно, дам, только вот что. Гоша только-только после тяжелой болезни, даже еще не совсем оправился. То есть ехать будешь как человек! Тебе-то, собаке, что — если упадешь, так отряхнешься и дальше, а ему может быть совсем плохо.

Отъехала Маша действительно вполне чинно. Но не учла, что у человека есть не только зрение, но и слух. Как только она свернула за гаражи, раздалось «щелк-щелк» — две скорости вниз, а затем быстро удаляющийся истошный вой раскручиваемого до предельных оборотов движка. Не потеряла бы она так Гошу... Хотя наверняка ж предупредила, чтобы держался покрепче.

Через два часа они, понятно, не приехали, но через три я опять услышал вой мотора своей «Хонды», писк тормозов, и из-за поворота степенно выкатилась эта парочка.

— Спасибо, дядь Жора, мы замечательно потусовались! И ездили совсем медленно, нас троллейбусы обгоняли, правда, Гоша?

Упомянутый промямлил нечто нечленораздельное, которое при большом желании можно было принять за полное согласие с предыдущим оратором.

Маша вкатила в гараж мой мотоцикл (Гоша увивался рядом, пытаясь помочь), села на свой «Дербик» и, послав Гоше воздушный поцелуй, умотала.

— Какая женщина! — вернулся к Гоше дар речи.

— Да уж, на свежего человека Маша производит совершенно убойное впечатление. Но ты не пугайся, это только когда ей вожжа под хвост попадает, а так большей частью вполне вмняемое существо. Как тебе, кстати, панорама нашей Москвы, понравилась?

— Нет, ну какая женщина!

«Диагноз ясен», — подумал я. И не ошибся. Весь вечер Гоша пытал меня на предмет подробностей об объекте своего восхищения. Но мало того, ближе к ночи позвонила Маша и, даже, похоже, несколько смущаясь, попросила рассказать, кто такой Гоша, откуда, женат ли он и вообще?

— Сами разбирайтесь, — буркнул я и сунул телефон Гоше (спать давно пора, между прочим!).

Они разобрались. Через пять минут Гоша вернул мне телефон, некоторое время мялся, но наконец выдал:

— Жора, я позвал Машу сюда. Я сказал, что по телефону ничего о себе говорить не могу. — «Интересно, что Машка теперь думает?» — Мне кажется, надо ей рассказать, кто я такой и откуда. Она обещала, что никому ничего не скажет.

В общем-то я уже начал прикидывать подобный вариант. Маша достаточно умна, чтобы понять — болтать о таком действительно ни к чему. А еще один человек в нашей команде лишним не будет, пожалуй.

— Ладно, расскажем. Кстати, она тебе не говорила, что тоже умеет летать, и неплохо? Можно уже в Абастумани первую российскую авиаэскадрилью формировать, есть из кого.

Вид приехавшей Маши добил Гошу окончательно. Сняв мотоцикбезд, она оказалась в шортиках и маечке. Поэтому кто он такой, объяснять пришлось мне. На Машу интересно было смотреть. Она видела, что я не шучу, но поверить не могла. Так и маялась. Пришлось

нам с Гошей показать свои способности в действии. Маленькая дырочка в Абастумани 1899 года поставила точку в Машиных сомнениях. Услышав, что завтра мы открываем из гаража большой портал, она заявила, что тут же помрет от разочарования, вот прямо не сходя с места, если завтра ее не пустят в тот мир!

— Ты там собираешься, как сейчас, в этих своих трусах щеголять или в мотокомбезе? — поинтересовался я.

— Ой, действительно... Гоша, а что у вас там носят?

Вопрос «что носят» оказался не единственным, требующим разрешения, так что на следующий день мы в Абастумани не попали. Зато через день в Российскую империю по приглашению наследника и цесаревича приехала племянница уже неплохо известного там инженера и пилота Найденова, сама тоже в какой-то мере (незначительной) инженер, пилот (вот это без оговорок, здесь она если и не лучший пилот в мире, то уж второй наверняка) и дизайнер (хрен его знает, известно ли тут это слово?). Госпожа Мария Островская явилась на фирменном мотоцикле производства своего дяди (в прошлой жизни это был хондовский «Зумер»). Правда, этот скутер не очень-то подходил на здешние мотоциклы, ну да ладно, он и в нашем мире был похож только на самого себя. На даме был камуфляжный костюм, зеркальные очки и черный шлем, сзади на скутер был приторочен здоровый баул со шмотками, а под седлом — сумка поменьше с какой-то дамской мелочью. По уже проторенной мной дороге Маша подъехала к Гошиному дворцу, где я по мере сил разыграл сцену «дядя встречает долгожданную племянницу». Впрочем, зрителей было немало, и я особо не надрывался. На этом легализацию мы сочли законченной, и Гоша взялся показать гостье

поселок, ну а я потребовал сначала открыть портал ко мне в гараж, что и было сделано.

Ладно, пару дней им на прогулки под лунной или под чем там получится, а мне есть чем заняться. Если кто помнит, у нас в планах было создание авиапромышленности, и на начальном этапе главной сложностью являлись моторы. С хорошим мотором полетит даже хреноватый самолет, а без оного... Продолжать таскать из Москвы «Ротаксы» не хотелось. Гоша, кстати, сразу ухватил суть: беда не в том, что в России сейчас нет ни самолетов, ни моторов, главное — нет людей, знающих, как это сделать, и нет производств, на которых эти люди смогут сначала приобрести знания, а потом их с толком использовать. Так что передо мной стояла задача родить документ: какое оборудование и инструменты вообще нужны, что покупать в России, что заказывать за границей и что может понадобится такого, чего в Гошином мире вообще пока не существует, — в общих чертах, понятно. Где потом покупать каждый напильник или станок, это в рабочем порядке разберемся. Ну и нужен был образец движка, достаточно простого, чтобы его можно было производить в России начала прошлого века. Мотор лучше двухтактный, при небольших мощностях он проще и легче аналогичного по параметрам четырехтактного, а повышенный расход горючего и небольшой ресурс на начальном этапе самолетостроения сильно не мешают. Так уж получилось, я знал, где этот образец взять. Мой старинный приятель Боря Фишман, с которым мы в далекой молодости строили первый самолет, собрался наконец, не дожидаясь выхода на пенсию, уехать к своим в Канаду. У него там еще с советских времен немало родственников осело проездом на историческую родину, а пару лет назад к ним присоединились и жена с детьми. Борю давно туда звали, но

он держался стойко, мотаясь через океан только в отпуск. Но нет таких крепостей, которые... Короче, грянул кризис, и перед Борей встала дилемма: или научиться питаться святым духом, или собирать манатки и ехать воссоединять семью. Вот он и паковал чемоданы. А в свое время Боря построил очень неплохой движок для самодельного самолета, оппозит¹ на базе двух цилиндров от ИЖ «Планеты». Последние двадцать лет он у него пылился без дела, и вот уж его тащить в Канаду никакого смысла не было. Так что отдал Боря этот мотор мне без возражений и даже денег не взял, сказав, что это подарок, а побыть евреем он еще успеет.

Еще я сделал несколько набросков самолета, которому предстояло стать первенцем русской авиапромышленности. Любой знакомый с историей авиации человек без проблем узнал бы в нем контуры «Фарман-4». Потому что не следует сразу показывать всему миру, как правильно строить аэропланы, пусть сначала посмотрят, как это делается через задницу, нагородят себе копий этого убоища... Не будем чрезмерно облегчать жизнь потенциальному противнику, да и всем остальным тоже. Гошин высокоплан — он пока останется уникальным и не для широкой публики.

Далее я пошарил в Интернете на предмет решения кадрового вопроса — были ли в России 1899 года яркие специалисты по двигателям? Оказалось, очень даже были, один Густав Тринклер чего стоит. Еще будучи студентом, построил компрессионный двигатель — гораздо более близкий к современным дизелям, чем тогдашние творения Рудольфа Дизеля. Потом долго и плодотворно занимался двигателями, в том числе и двухтактными. Много ли вы сейчас найде-

¹ О п п о з и т — двигатель, у которого цилиндры расположены горизонтально, головками в разные стороны.

те студентов, дипломный проект которых тянет на несколько полноценных патентов, за обладание которыми сразу начинается свара? Бывает, конечно, но редко. Так что пусть Гоша ему срочно письмо пишет, Густав сейчас как раз Петербургский технологический заканчивает.

Когда я наконец навестил народ в Абастумани, там как раз обсуждалось место будущей Гошиной резиденции, типа что лучше — Царское Село, Гатчина или вообще Царицыно? Я с ходу вступил в дискуссию, воспросив, почему не рассматривается Париж, Ницца и Монте-Карло? В смысле салонов, театров или пивных там очень даже неплохо. А вот вдруг мы захотим моторный завод построить, вроде ж собирались? Да и аэродром...

— Нам нужно,— продолжил я,— несколько обособленное место, на железной дороге, вблизи приличного озера или реки, недалеко от крупных промышленных центров. В Питер и на самолете слетать недолго, а в случае экстренной надобности можно и мгновенно, через порталы.

Маша слегка приуныла, похоже, в мыслях она уже блистала в высшем свете Питера и Москвы. Но, надо отдать ей должное, ненадолго, Гоша даже заметить не успел. И включилась в поиск. После недолгих обсуждений мы наметили Серпухов. Точнее, рядом с ним, на правом берегу Нары, где-то в районе женского монастыря. Гоша сделал пометку — завтра же отправить туда человека, осмотреться на месте.

В конце обсуждения Маша задумалась.

— Ладно, понастроим мы самолетов и мотоциклов, ну и еще не знаю чего. А стратегическая цель какая?

— Ясен пень, спасти Россию,— фыркнул я.— Чтобы она стала о-го-го, а не пес знает чем.

— Вот именно.— Гоша с благодарностью посмот-

рел на меня, видно, решил, что я это абсолютно серьезно.— Я просто не имею права изображать стороннего наблюдателя, тогда как моя страна катится в пропасть. Не знаю пока как, но я обязан вмешаться.

— Вот-вот, именно вмешаться. А чтобы иметь возможность это сделать... — Я полез было за сигаретами, но вспомнил, что в Гошиной резиденции не курят.— Нужна достаточно высокая должность. Нужен немалый финансовый вес. Нужен авторитет в разных слоях общества. Вот тут самолеты и помогут. Ну сам подумай, приехал ты в Питер. Все значимые места уже заняты. А тут прямо говоришь Николаю: мол, у России уже есть воздушный флот, нужен его главнокомандующий.

— Точно,— с лета ухватил идею Гоша,— пожалуй, серьезного противодействия это не встретит. Никто не увидит во мне конкурента, скорее даже наоборот, и будут советовать Ники побыстрее именно так и сделать, пока я не начал еще на что-нибудь претендовать.

— Тогда, чтобы не терять времени,— предложил я,— ты про это в своем ответе Николаю и напиши. Мол, да, имеют место быть успехи в покорении Пятого океана, в силу чего готов послужить вашему величеству на посту главкома ВВС.

Следующий день мы посвятили занятию фотоделом — для того чтобы в письме Николаю были не только слова, но и иллюстративный материал. Наснимали кучу кадров с самолетом на земле и в воздухе, Гошей в кабине и рядом с ней. В паре снимков на втором плане была Маша. Меня пока решили не засвечивать. Потом Маша поработала над этим в фотопопе, чтобы убрать всякую возможность по снимкам понять конструкцию аэроплана. Получившееся скинули на флешку. В Москве мне предстояло сделать бумажные черно-белые фото. Ну и загнать очередную порцию

Гошиного золота, ибо предстояли расходы. А также навестить свою сестру, то есть Машину мать, и сказать, что ее дочь едет на съемки сериала в Бразилию в качестве полуглавной героини. Надолго, сериал предполагается длиной в несколько лет.

— Вот увидишь, даже вопросов не будет,— сказала племянница.— У нас с мамой как-то все не очень пошло, еще когда она за этого своего Генриха вышла, а теперь, когда у меня братик появился, им вовсе не до меня.

ГЛАВА 5

Зима. Крестьянин, торжествуя... Да, в Серпухове января 1900 года имелись в наличии и зима, и крестьяне. В отличие от Москвы нашего времени, где со снегом опять напряженка, а вместо крестьян можно встретить разве что таджика с лопатой. Так что я ходил через портал в том числе и покататься на лыжах. А вообще мы начали подготовительные работы к возведению Георгиевска (пока это было неофициальное название, но вроде никто не протестовал). Купили несколько домов и большой сарай на окраине Серпухова, участок земли под застройку, провели переговоры с архитекторами и подрядчиками. Завербованный Гошей Густав Тринклер мотался между Тулой и Москвой, закупая оборудование, материалы и размещая заказы на комплектующие. Борин движок он разобрал на элементы и теперь адаптировал конструкцию под имеющиеся производственные возможности. Кстати, с этим движком и мне пришлось повозиться, чтобы убрать явные анахронизмы. На поршнях с внутренней стороны нашлись расплывчатые буквы «ИЖ» — убрал. Надпись «АТЭ» на катушках затер. Карбюраторы пришлось выкинуть, больно уж они не походили на

изделия конца девятнадцатого века. Вместо них я вставил эмульсионные трубочки с ввинчивающейся иглой, как на авиамодельных двигателях, и общий бак с клапаном наподобие унитаза в качестве поплавковой камеры. Самое интересное, что после этих вивисекций движок еще и работал, только похуже заводился и не держал малых оборотов. Густав, увидев мотор, почти сразу сказал, что все в нем замечательно, вот только приборы смесеобразования проектировал какой-то недоучка, и нарисовал свой вариант вместо моих поспешно приляпанных пульверизаторов. Еще он прикидывал, можно ли систему впуска оснастить лепестковым клапаном. В общем, парень с лихвой оправдал все ожидания, и теперь у еще не существующего Георгиевского моторного завода был вполне реальный главный инженер.

Гоша после трехнедельного пребывания в Питере тоже приехал в Серпухов, где его появление вызвало самый настоящий ажиотаж. Он в своей обычной манере тут же, не отходя от кассы, неслабо пожертвовал двум здешним монастырям и начал создавать местную газету. Как он мне при этом сказал: тренироваться на кошках.

А до этого он пробил-таки создание нового вида войск — Императорского военно-воздушного флота. Кстати, как он заявил, ему сильно помогла моя докладная записка, где я описывал роль авиации в будущих войнах, делая упор на массированное применение. Как же, помню, я два дня мучился, вспоминая и перенося на бумагу самые бредовые мысли военных теоретиков начала века. Вот уж действительно, никакой противник не выдержит массированного применения задуманных мной этажерок, ибо помрет от хохота. Но сошло. Думаю, окружение Николая было довольно, что Гоша сам нашел себе нишу, никого при

этом не задевая. Аликс, как я и предполагал, относительно авиации и Гошиного в ней места была только «за».

Да, и еще в качестве приложения к той своей авиабредятине я написал систему званий ИВВФ, вызвавшую резкую критику со стороны Гоши. Дело было так. Я почитал про чины в тогдашней российской армии и несколько офонарел — от всех этих секунд-майоров, эстандарт-юнкеров и прочих вахмистров рябило в глазах. Причем это еще и постоянно переписывалось. В общем, я предложил простую, логичную и строгую систему. Военнослужащие делятся на солдат, унтер-офицеров, обер-офицеров, штаб-офицеров и генералов. В каждой группе по три звания, причем с одинаковым порядком образования, а именно: младший чин, собственно чин и старший. Например, если штаб-офицеров мы назовем полковниками, то получится младший полковник, полковник, старший полковник. Вот тут Гоша взвился. Он кричал, что это против традиций российской армии, не согласуется с Табелем о рангах и просто неудобно в общении вне строя. Здесь я попросил поподробнее, он разъяснил. Оказывается, в этом случае была традиция опускать приставку перед званием, например, штабс-капитана именовали капитаном, то есть как бы повышали в звании. А если старшего полковника обозвать просто полковником, получится понижение! Ладно, согласился я, вот только в этом месте пойдем навстречу традициям. Пусть звание старшего звучит как-то по-другому. Старший сержант будет старшиной, старший лейтенант — капитаном, старший полковник — бригадиром, а старший генерал пусть называется генералом от авиации. По поводу остального, чему якобы не соответствует эта система, я заявил, что и слышать не хочу. Развели, понимаешь, бардак в чинах и званиях.

Авиацию кто будет создавать? Если я, то звания будут такие, которые мне легко запомнить — раз, и пусть они образуют красивую и симметричную систему — два. А если тут появятся всякие обер-кондукторы, то стройте все на фиг без меня.

И вот теперь по возвращении из Питера Гоша с тщательно скрываемым злорадством сообщил, что моя система воинских званий вызвала резкие возражения в инстанциях. Ничего, заметил я ему, время еще есть, первые самолеты появятся летом, так что у него полгода на то, чтобы продавить кого надо. И вообще, преодоление трудностей закаляет характер.

Был, естественно, в Питере поднят и вопрос о горном старце. Гоша сказал Николаю, что оный дед обещал его навещать и что, как только это произойдет, старику будет немедленно доложено о желании царственной четы с ним проконсультироваться. То, что старец на Кавказе, Гоша в Серпухове, а Николай в Питере — не помешает, при должном уровне святости это решаемые проблемы. Царская чета до конца не поверила, но впечатлилась и теперь пребывала в ожидании.

Собственно, вопрос явления старца народу упирался только в бороду. Имеющаяся у меня, по общему мнению, достаточной длиной не обладала. Гоша, будучи обуреваем нетерпением, нарыл кучу рекламных средств для выращивания волос, но я твердо сказал, что ни пить, ни мазать на себя эту дрянь не буду. Предложения племянницы о накладной бороде тоже были отвергнуты, во избежание аналогий с Санта-Клаусом. И вообще, сказал я Маше, чем над дядей издеваться, сделай лучше программку для ноутбука, чтобы я писал на нормальном русском языке, а оттуда лез текст с ятями и ижицами. Стиль править необязательно.

Но племяннице сейчас было не до того, они с Го-

шей готовились к биржевым играм, и Маша для этого пыталась адаптировать какие-то программы. Вскоро-сти им предстояла дорога в Москву девятисотого года, где предполагалось разместить штаб-квартиру будущей финансовой компании, а мне тоже надо было в Москву, только на сто девять лет позже.

Основа функционирования любой сложной структуры — бесперебойная связь. Следовало серьезно подготовиться к изобретению лампы-триода. Казалось бы, чего тут такого, вольфрамовая проволока, продетая сквозь спиральку-сетку, вместе они засунуты в трубочку-анод, все это внутри стеклянной колбы с откачанным воздухом. Мне как раз и предстояло своими руками проверить, насколько сложно в производстве такое изделие.

В свое время я работал в Институте кристаллографии, так что, порывшись в старых записных книжках, нашел телефон одного все еще трудившегося там знакомого и через день уже брал уроки стеклодувного мастерства. Там же, кстати, удалось прикупить вакуумный насос со списанного дифрактометра. Первую лампу я ваял три дня. Вторая пошла легче, с третьей вообще управился за день. Со схемой заморочек не было — «трехточку» я помнил еще с армейской службы, где мы частенько развлекались радиохулиганством. Так что по прибытии в Серпухов следовало начинать организовывать радиомастерскую.

Конечно, можно было притащить туда мешок транзисторов и не маяться, но... Как-то незаметно для себя я все больше проникался симпатией к тому миру, и не хотелось подкладывать ему свинью. Притащенные транзисторы кончатся. Приволеку еще — снова кончатся. Потом кончусь я, и Россия останется у разбитого корыта — с радиоаппаратурой, которую невозможно отремонтировать, зато без соответствующей про-

мышленности и кадров. Другое дело эксклюзивные изделия, предназначенные для нашей троицы,— тут современные технологии вполне допустимы, при соблюдении мер маскировки, понятно.

Следующая встреча произошла в феврале 1900 года. В Москве 2009-го был январь, и не из-за разницы в календарях, просто мы с Гошей гораздо чаще находились оба в его мире, чем в моем. Открылся портал из моего гаража в серпуховский дом, и я шагнул в прошлое. Сразу же услышал несколько неожиданные звуки — где-то рядом явно стреляли.

— Это что у вас тут за революция? — удивился я.

Бах! Бах! Бах-бах-бах!

— Да вот, понимаешь, сделал я Маше подарок...

— Наган подарил?

— Нет, девяносто шестой маузер. И вот она теперь третий день стреляет...

Ну и дела. В нашем мире племянница особым интересом к оружию вроде не страдала. В детстве стрельнула раз из охотничьего ружья, и синяк на плече надолго отбил охоту совершенствоваться в этом направлении. А тут, значит...

Бах! Бах! Бах!

Блин, да когда же у нее патроны кончатся, поговорить не дает.

Бах! Бах!

— Все, что ли?

— Она быстро перезаряжает,— вздохнул Гоша.

Мы вышли во двор. На деревянный щит, метрах в пятнадцати, была пришпилена бумажная мишень. Дальше были сложены мешки, похоже, с песком. Судя по разбросу дырок на мишени, до уверенного попадания комару в глаз было еще далеко.

— О, привет, дядь Жора! — Маша отложила приго-

товленную обойму и шагнула ко мне.— Вот, смотри, что мне Гоша подарил!

— Да, знатная железяка, и вся в каких-то завитушках. Здорово!

— Что б ты понимал! — возмутилась племянница.— Это не завитушки, а инкрустация, и вообще... мы же здесь собрались прогресс двигать.

— Ну понятно, без маузера это никак невозможно. Ладно, делай перерыв, можешь меня чаем угостить, он тут лучше, чем у нас.

— Да, дядь Жора, а тебе здесь пистолет не хочется?

Я задумался. Действительно, тут же это не криминал, а скорее наоборот, так что может пригодиться. Жаль, парабеллум еще не выпускается, позор господину Люгеру. Придется пушку, как у Маши, взять, заодно и унификация боеприпасов будет.

После чая Маша пошла продолжать пальбу, а мы с Гошей поделились достижениями. Я показал сооруженные своими руками одноламповые приемник и передатчик.

— Вот тут и проверим на дальность связи, там не та обстановка. Думаю, днем километров на пятьдесят с хорошими антеннами связь будет, а ночью и на раза в три подальше. Телеграфом. Для телефонной связи нужно еще микрофон из подручных материалов изобрести, да и лампы получше, чтоб не так шумели. Сделаем, но попозже.

— Питание?

— Шесть вольт накал и двести пятьдесят анод. Батареи я захватил, но вообще-то надо здесь искать.

— Стеклодувное оборудование в нашем мире есть, а подходящий насос?

— Да тоже вроде есть, но я там для нашего заводика прикупил по случаю один раритет аж шестьдесят второго года. Японский, между прочим. Год я спилил,

иероглифы оставил. Тяжеленный, гад, но вдвоем втащим, если поднатужимся.

— У меня тоже неплохо, потренировался в финансовых операциях, даже прибыль получил. На школу и, как ты это назвал, ПТУ? Вот на них и хватит. И еще насчет казаков...

Я, кажется, уже упоминал, что один из титулов Гоши звучит как августейший атаман всех Казачьих войск. Естественно, пока Гоша сидел в Абастумани, это была чистая фикция. Но теперь само собой напрашивалось наполнить ее реальным содержанием.

— Фамилия Богаевский тебе что-нибудь говорит?

Я задумался. Вроде был такой герой Гражданской войны, у белых, понятно...

— Вот про него вкратце.— Гоша протянул мне бумажку.

Так, Богаевский Африкан Петрович... Я невольно улыбнулся.

— Что там написано веселого? — изумился Гоша.

— Да, понимаешь, в одной из моих самых любимых книг главного героя именно так зовут.

— Дашь почитать?

— Обязательно. Но там совсем не этот Африкан. Ладно, что здесь дальше...

Двадцать восемь лет... Из старинной казачьей семьи, окончил Донской кадетский корпус, потом Николаевское кавалерийское училище с занесением на мраморную доску, то есть с отличием, надо полагать... сейчас заканчивает Академию Генштаба. Весьма перспективный персонаж, имеется в виду для реализации Гошиных планов.

— Думаешь его в командиры?

Гоша решил, что собственную силовую структуру лучше всего создавать из казаков, этакий Особый казачий отряд.

— До командирства этот отряд еще сформировать надо. А так, конечно, потом в командиры.

— А как там с казачьим отделом... в Генштабе, кажется?

— Казачий отдел Главного штаба. Начальник — генерал-лейтенант Щербов-Нефедович.

— Э-э-э... Так у вас что, кроме Генштаба есть еще и какой-то Главный штаб? Не до фиги ли?

— Нет Генштаба, есть только Главный штаб его императорского величества.

— Вот те раз — Генштаба нет, а его академия есть. Весело у вас тут, я смотрю.

Гоша пожал плечами — мол, так сложилось, это не его инициатива — и продолжил:

— Я написал письмо, что хочу лично познакомиться с работой отдела. Съезжу в Питер и гляну, как там этот Щербов-Нефедович, можно с ним работать или нет.

— А если нет? — с интересом спросил я.

— Намекну брату, что такой заслуженный генерал достоин большего, например, быть членом Совета военного министра.

Хлопнула дверь, и в комнату вошла румяная с мороза Маша.

— Ствол перегрелся, — с разочарованием сказала она. — Мороз вроде на улице, а он все равно... Да, кстати, ты просил программку для автоперевода на здешнюю орфографию? Я нашла готовую, давай ноут, установлю.

Смысл этого моего пожелания был вот в чем. Ладно, пусть странный вид моих рукописных текстов можно было списать на новозеландскую малограмотность, но переписывать вручную скачанные документы мне было лень. А печатный текст с соответствующим

щими ошибками мог уже натолкнуть народ на ненужные мысли. Естественно, все бумаги, для которых есть вероятность попасть в архивы, переписывались или перепечатывались секретарем, продукцию принтера все равно не замаскируешь, когда-нибудь обратят внимание. Но внутренние документы... Да и авторитет инженера Найденова от грамматических ошибок пострадает. В найденной же Машей программе было несколько шрифтов, в том числе и имитация каллиграфического рукописного. Я посмотрел «свой почерк» — красота! Вот пусть мне теперь все и завидуют.

И наконец сквозь специальную дырку в двери к нам явилась еще одна старая знакомая — кошка. Поглядев на меня, она важно мяукнула, разок из вежливости потерлась о мою ногу и направилась в угол, где обнаружился явно для нее сделанный маленький диванчик.

ГЛАВА 6

— Та-ак, вроде лучше... — с сомнением протянул Гоша, глядя на меня, тщившегося стоять в благословляющей позе, да еще и со значительным выражением лица.— Но все равно как-то не очень. Тренироваться надо.

Я и сам видел, что получается хреновато. А ведь это я пока репетировал только позы, не переходя к тексту. В общем, шел процесс дрессировки, превращения меня в горного старца. Подтолкнуло к этому Гошу прочтение книги Соловьева про Ходжу Насреддина.

— Помнишь, как там стражника муллой переодели? — спросил он.— «Но уста его, по многолетней привычке, для самого стражника неожиданно, вдруг изрыгнули сквернословие...» Вот именно это с тобой и будет, как только ты явишься перед Ники. Так что да-

вай еще раз, да не пыжься ты, а стой естественно и величаво.

— Естественно — это вот так! — огрызнулся я, сунув руки в карманы.

— Между прочим, в этом что-то есть... только вот подбородок чуть повыше и глаза шурить не надо...

— Да не вижу я ни хрена без очков!

— Линзы надо контактные,— подала голос Маша.— Знаешь, бывают такие, слегка голубоватые, в них взгляд становится прямо пронзительным. Неземным. О, придумала! Еще лимб надо!

— Лимб-то мне зачем, я же не прибор. Или ты нимб имеешь в виду? Так это у ангелов. Разве у живых людей нимбы бывают?

— Тогда просто сияние сделаем от фигуры, едва заметное... фиолетовое, пожалуй, в самый раз, в тон к джинсам. И голос пустим с реверберацией.

— Ну блин, Бондарчуки собрались,— буркнул я.— Ладно, вот так, что ли?

— Да, уже совсем почти как надо. Видишь, получается, а ты не верил, про нанять актера что-то выдумывал. Если и дальше аналогичными темпами пойдет, через неделю такой горный старец из тебя выйдет — лучше настоящего! Ладно, Жора, еще заход, и хватит, мне сегодня еще корреспонденцию надо почитать, накопилась уже.

После репетиции было совместное чаепитие, а потом Гоша пошел разбираться в бумагах, а мы с Машей — в чертежах. Пора было начинать производство первенцев грозного воздушного флота.

— Дядь Жора, я понимаю, что нормальный самолет выставлять на всеобщее обозрение нельзя. Но почему он именно такой? Сложнее же Гошиного парасоля вдвое!

— Давай я немножко издалека зайду. Каким дол-

жен быть идеальный результат? Чего ждут сейчас от самолета? Чтобы он взлетел повыше и поднял побольше, вот и все. Про маневренность никто ничего не знает. Про скорости самолетов тоже. И чем более тупиковая конструкция получится в рамках этих требований, тем лучше. Вот от этого и танцуем. Движок у нас слабенький, пока у Густава получается только шестьдесят килограмм тяги, это не больше тридцати сил. А поднять надо двоих. Значит, большое удлинение крыла — раз и работающее горизонтальное оперение — два. Так как самолет кроме всего и учебный, оно может быть только спереди, если сделать сзади, слишком сложный в пилотировании аппарат получается. То есть схема «утка». Дальше. Крыло. На малых скоростях лучше всего работает тонкий выпукло-вогнутый профиль. Что с ростом скорости у него непропорционально растет сопротивление, никто не в курсе. Значит, профиль выбрали. Про большое удлинение я уже говорил. Длинное тонкое крыло из нынешних материалов — это только бипланная коробка.

— А почему у него поперечного «V» нет? Перевернется же?

— Потому что не фиг народ на правильные мысли наводить. Да и не очень технологично это при такой конструкции получится. А чтоб не переворачивался, мы килей сделаем два и расположим их под углом.

— Ну и урод, однако...

— А то! Ты только вникни, какой замечательный набор получился... Схема «утка» — тупик. Тонкий выпукло-вогнутый профиль — тупик. Биплан с большим удлинением крыла — тупик. Да и двухтактный движок тоже тупик, по сути. Но все будут думать, что так и надо, потому что при заданной мощности у этой этажерки действительно близкая к максимально возможной грузоподъемность. Вот и пусть копируют. А вы с

Гошей с патентами не затягивайте, это тоже неслабые деньги. Пометь себе: патент на элероны, на управление с ручкой и педалями, на него же со штурвалом и на двухтактный синхронный оппозит. Вроде ничего не забыл?

— А обшивка крыла? Она же у нас с обеих сторон.

— Правильно, и на двухстороннюю обшивку тоже.

Следующие два с небольшим месяца пролетели в делах и заботах, причем я настолько много торчал в Гошином мире, что в моем за это время еще не кончился январь. А тут с наступлением весны развернулось строительство. Строили сразу авиационный завод (по сути, просто огромный сарай и пару небольших домиков-цехов) и моторный завод. В нем же будем производить радиоаппаратуру, для этого много места не надо. На вершине холма, в самой высокой точке Георгиевска, возводили Гошину резиденцию. Чуть ниже — общаги для рабочих (пока) и дома для инженеров. На Наре планировалась небольшая гидроэлектростанция. Конструкцию движка Густав наконец-то отработал, и таки он у него выдавал сорок сил, как и прототип. Правда, этот прототип весил двадцать пять килограмм, а творение Густава — сорок, но для технологий начала двадцатого века это, я считаю, отличный результат. Был готов и самолет. Как раз сейчас его выкатывали из сарая для первых полетов. На плоскостях и киях красовались черные звезды. Еще было название Н-2 и серийный номер 002 — первым номером мы посчитали парасоль, в данный момент в разобранном виде лежащий в подвале абастуманского дворца.

Я влез на пилотское место (кабина как таковая отсутствовала, имелся только небольшой обтекатель для ног) и велел запускать движок (где ты, «Ротакс» с электростартером?). Специально обученный казак,

хекнув, провернул винт. Потом еще раз. Потом еще. Через пару минут таких упражнений движок чихнул, выплюнул клуб сизого дыма, прокашлялся и затарахтел. Прогрев мотор, я дал газ. Пробежав всего метров семьдесят, сооружение вдруг взлетело, без малейших на то специальных действий с моей стороны, и бодренько так начало набирать высоту. Я дал ручку от себя. Набор высоты прекратился, скорость увеличилась. Еще чуть от себя с уменьшением газа — и я еле успел среагировать. Аппарат вдруг резко клюнул носом, мгновенно просел метров на десять, и только хорошая реакция спасла меня от встречи с землей. Не-э, так мы летать не будем. Я прибрал газ, этажерка села. Развернувшись и не взлетая, я направил машину к месту старта и заглушил мотор.

— Пока на этом летать нельзя,— объяснил я столпившимся зрителям.

— Как? — удивился Густав.— Вы же только что летали!

— То, что я делал, называется не летать, а колбаситься. Тащите этот механизм обратно в цех, доработывать будем.

Причины такого поведения самолета мне в общем-то были ясны, дело в принципиальной продольной неустойчивости схемы «утка». Я хорошо запомнил положение ручки, при котором нос рвануло вниз. А теперь приделал к рулю высоты ограничитель, чтобы он просто не мог уменьшать свой угол атаки ниже только что практически установленного. Кроме того, прямую качалку я заменил косой, так что в конце движения ручки вперед передаточное отношение к рулю высоты понижалось. Еще за время своего недолгого полета я заметил, что лететь прямо этот аппарат не желал категорически, так и норовил куда-нибудь свернуть. Явно не помешало бы увеличить курсовую

устойчивость — но как? Увеличивать кили не хотелось, они и так здоровые. Удлинять хвост — это нарушать центровку, тоже не фонтан. Подумав, я просто установил кили с небольшим, порядка градуса, схождение по курсу. Все это рукоблудие заняло остаток дня.

А остаток вечера ушел на не очень типичное для меня занятие — самоанализ. Ведь ситуация в полете была критической, спохватись я на треть секунды позже, лежал бы сейчас с переломанными костями, а они в моем возрасте очень плохо срастаются. Получается, что я уже настолько встроился в этот мир, что готов рисковать жизнью ради достижения тутошних целей? Причем вроде даже с меньшими сомнениями, чем дома... Похоже, что мой дом теперь тут.

Следующим утром красу и гордость российского воздушного флота опять выкатили из сарая. За время доработок она кроме номера обзавелась еще и именем — «Святогор».

Снова прогреваю движок и отрываюсь от земли. Теперь я уже готов к тому, что для взлета мне вообще ничего не надо делать. Набираю метров пятнадцать и осторожно пробую двинуть ручку вперед. Да, сейчас явно лучше, рывка вниз не происходит, самолет просто немного опускает нос и начинает снижаться, правда давая крен при каждом порыве ветра. Сажусь, делаю еще один подлет. Вроде ничего. Теперь — лететь всерьез.

В общем, после переделки поведение этажерки можно было считать приемлемым. Появилось какое-то подобие курсовой устойчивости. Исчезло свойство резко нырять вниз при неосторожном движении ручки. Но это был явно самолет только для горизонтальных полетов, любой вертикальный маневр он делал, почти не изменяя своего угла относительно

горизонта. То есть познакомить человека с небом и с общими принципами управления — годится. Обучить пилота для полетов на любом самолете, кроме этого, — нет.

Я покачал крыльями собравшимся на аэродроме зрителям и полетел в сторону Серпухова, в районе вокзала снизился и сделал несколько кругов метрах в пятидесяти над крышами. На втором круге из домов начал выскакивать народ. На четвертом его уже можно было обозвать словом «толпа». Нарезав над ней еще пару кругов, я дал газу, поднялся и полетел назад в Георгиевск. Летные данные воздушного лайнера меня просто умиляли. Максимальная скорость семьдесят. Крейсерская — шестьдесят. Взлетная и посадочная — тридцать пять. Фантастика!

После меня слетала Маша. Примерно через десять минут ей надоело унылое ползание по воздуху, и она села.

— Ну дядь Жора, ты и сотворил! Я... э-э-э... — Она оглянулась на Гошу. — Офигеваю. Даже после того парасоля это все равно что с мотоцикла на мотоблок пересеть.

Тем временем обстановка на аэродроме все менее напоминала нормальную. Густав уже примерялся в сорокасантиметровую щель между движком и пилотской спинкой, говоря, что он худой, легкий и имеет право на третий в России полет как конструктор двигателя. Побросавшие работу строители толпились у аэродрома, что-то орали и бросали вверх шапки. К тому же от Серпухова к Георгиевску тоже наметилось движение, сдерживаемое только речкой Нарой.

— Так, бардак прекращаем! — подал голос я. — Ваше высочество, всеподданнейше намекаю — пусть казаки примут дополнительные меры для недопущения на аэродром посторонних. Густав, слезьте с цент-

роплана, как только будет готов двухместный самолет, тогда и вы полетите. Маша, куда ты послала этого господина, не могла просто в задницу? Вежливей надо, это же корреспондент местной газеты!

Вот так в Гошином мире официально родилась русская авиация.

Вообще-то заложено было сразу три самолета, и строились они параллельно, но главную трудность представляли собой моторы. Воодушевленный Густав, недосыпая ночами, за четверо суток довел до ума второй. На третий самолет поставили мой прототип.

Гоша написал письма Жуковскому и Менделееву, приглашая их посмотреть на первые полеты российских аэропланов, но в случае с Жуковским опоздал. Тот явился сам, и не один, а в компании Гиляровского — да-да, того самого. Как выяснилось, известие о серпуховских полетах достигло Москвы вечером того же дня. Гости же приехали как раз к окончанию испытательных полетов «Святогора» номер 003 — двухместного, но без дублирующего управления для ученика. Так сказать, пассажирского лайнера. В отличие от учебного у этого самолета место пассажира было за пилотом, впритык к двигателю.

Гостей встретил Гоша.

— Николай Егорович, Владимир Алексеевич, я очень рад вас видеть. Чайку с дороги не хотите? А потом пройдем на аэродром, так мы называем место для взлета и посадки самолетов.

Гиляровский остался невозмутим, Жуковский не смог сдержать радостного удивления.

— Да-да, конечно, ваше высочество, как вам угодно, вы же здесь хозяин. Э-э-э... прошу извинить, вы что, читали мои труды?

— Только названия, — улыбнулся Гоша, — но наде-

юсь их еще прочитать. Посвященные аэродинамике, теории устойчивости самолетов, расчетам воздушного винта. В этом есть очень большая надобность, уважаемый профессор.

На аэродроме Гиляровский сразу спросил, возможно ли ему поучаствовать в полете.

— Разумеется, — сказал я. — Прямо сейчас готовы? Тогда полезайте вот сюда, поместитесь?

С некоторым трудом Владимир Алексеевич поместился.

— Значит, так. Видите ремень? Пристегнитесь. Держаться за эту рейку. Если захотите что-нибудь мне сказать, кричите вот в эту трубу. Причем сначала просто что-нибудь для привлечения моего внимания, а потом уже текст. Чтобы услышать мой ответ, прислоняйтесь к раструбу ухом. В полете будет шумно, сразу предупреждаю. Да, еще вот вам очки, наденьте.

Я проверил самолет и занял свое место.

— Заводи мотор!

Разбегался самолет долго и высоту набирал с большим трудом, все-таки Гиляровский был мужиком весьма весомым, примерно как два Тринклера. Полкилометра высоты мы набирали минут пятнадцать, долетев до того места, где в нашем мире был город Чехов, а тут — еле заметная с высоты деревенька. Развернулись и со снижением полетели обратно, а то мотор уже сожрал полбака. Время от времени я оглядывался назад, как там пассажир, не плохо ли ему. Не каждый организм хорошо себя чувствует, сидя на двух досках на высоте Останкинской телебашни. Но Гиляровский держался уверенно, словно летал далеко не первый раз, и иногда интересовался высотой и скоростью полета.

На пути с аэродрома он расспрашивал меня о том,

как я представляю себе применение летающих машин.

— Перевозка срочных грузов и пассажиров туда, где нет железных дорог, — начал перечислять я.— В военном деле — разведка, связь, корректировка артогня. Ну и скинуть можно что-нибудь на противника, бочку с порохом например.

— Что означают черные звезды на крыльях и... как называются эти поверхности сзади?

— Это кили. А черные звезды означают принадлежность к Императорскому военно-воздушному флоту.

Вообще-то эти звезды появились случайно. Еще в процессе сборки я велел нанести на плоскости опознавательные знаки, но, забыв уточнить какие, за чем-то нужным умотал в наш мир. Не найдя меня, исполнители поинтересовались у Маши, что такое «опознавательные знаки». Маша была занята и отмахнулась: «Звезды». Некоторое время народ пребывал в недоумении относительно их цвета, но потом сообразили, что в Георгиевске никакой краски, кроме черной, и нет. Задним числом Маша придумала, что звезды символизируют то, это и еще что-то, не помню уж, чего она там наплела. Но зато фигура получилась простая, самый бесталанный техник не ошибется, а попробуй его заставь, например, орла нарисовать.

— Пожалуй,— задумался Гиляровский,— мы с вами сейчас и не представляем себе всех возможностей вашей машины. Скажите, а как получилось, что вы вообще занялись изобретением аэроплана?

— Ну даже и не знаю... Вот как, например, случилось, что вы стали писателем? Есть же много гораздо менее хлопотных занятий — пить водку, например.

— Одно другому не мешает! — захохотал Гиляровский.— Если можно, еще вопрос. Кто кого нашел — вы Георгия Александровича или он вас?

— Процесс был обоюдным,— ответил я.— И сейчас от сотрудничества пользу получают обе стороны.

Беседа с Жуковским протекала на фоне показа нескольких простеньких бумажных моделек, склеенных мной специально для этого.

— Значит, определяем аэродинамическое качество как отношение подъемной силы к силе сопротивления. Оцениваю я его так: пускаем модельку. Видите, планируя с высоты метра, она пролетела метров семь. Значит, ее качество равно семи.

— Правильно,— кивнул Жуковский.

— Далее. Не совсем очевидный факт, но однозначной связи веса и качества нет. Вот смотрите.

Я приклеил к модельке копейку и снова пустил ее в полет. Она улетела на пару метров дальше. Приклеил еще копейку — и она пролетела всего пять метров.

— То есть ясно, что для каждой конкретной конструкции есть какая-то оптимальная нагрузка, выше и ниже которой качество падает.

— Точнее, оптимальная скорость,— заметил Жуковский.

Дальше мы побеседовали о профилях крыла и способах управления аэропланом в полете. Когда я как об очевидной вещи упомянул, что аэродинамический центр никоим образом не совпадет с геометрическим, Жуковский встрепенулся:

— Вы можете это доказать?

— Пожалуйста. Берем этот бумажный прямоугольник. Его центр тяжести совпадает с геометрическим, согласны? А теперь пускаем его в полет. Видите, вертится? Значит, аэродинамическая сила приложена не к центру тяжести, а, судя по направлению вращения, спереди от него.

— Поразительно, как вы смогли столь далеко продвинуться такими простыми средствами.

— Для этого потребовались десятилетия опытов, часто неудачных.— Я не стал уточнять, что это были не мои опыты, но закончил чистой правдой: — Первую летающую модель я построил, когда мне было десять лет.

— И еще вот что надо сказать,— продолжил я,— мы с Георгием Александровичем очень надеемся на дальнейшее сотрудничество с вами. Но — только на условиях соблюдения строжайшей секретности. Применение аэропланов будет в основном военное, а наши потенциальные противники имеют гораздо более развитую промышленность, чем Россия. И широкое распространение результатов научных разработок приведет к тому, что воспользоваться ими они смогут раньше нас. В общем, подумайте.

ГЛАВА 7

«Внимание! — раздался у меня в мозгу голос Гоши.— Поднимаюсь по лестнице. Получасовая готовность!»

«Есть получасовая. Маша, давай последнюю пробу».

Стены гаража, задрапированные бархатом и прочими тряпками, озарились мертвенным фиолетовым светом. Яркими пятнами выделялись подсвеченные светодиодами иконы на одной стене и какая-то намализованная Машей абстрактная хрень на другой. Я покосился на пришпиленный к рукаву наладонник со шпаргалкой. Многоваттные динамики, установленные у входа, гулко ухнули — это, по мнению Гоши с Машей, был звуковой эффект явления старца. Свечение усилилось.

— Вы звали меня, и я пришел! — прогудел я.

По гаражу заметалось эхо реверберации. Маша в углу передвинула несколько тумблеров на своем пульте.

— Тест кресла.

Кресло за моей спиной повернулось вправо-влево, откатилось к стене гаража, потом двинулось вперед и подъехало ко мне. Я сел.

— О чем вы хотели просить меня? — Теперь работали уже динамики кресла.

— Тест инфразвука! — скомандовала Маша.

Я нажал локтем клавишу, и мощный саббуфер, установленный под сиденьем, уперся в пол. По спине побежали мурашки, восемь герц здорово действуют на нервную систему.

— Все в норме.— Маша встала из-за пульта.— Теперь ждем Гошу.

Пятого мая одна тысяча девятисотого года, в полдень, в библиотеке Николая Второго (Зимний дворец) сам воздух, казалось, был наполнен напряженным ожиданием. Императрица, не находя себе места, то вставала, то без сил опускалась на стул. Его величество несколько растерянно переводил взгляд с супруги на входную дверь и обратно. Только великий князь Георгий стоял спокойно, облокотясь на перила лестницы.

— Скоро? — нервно сцепила пальцы императрица.

— Да,— кивнул Георгий.— Собственно, уже сейчас. Смотрите! — Он протянул руку в сторону двери.

Впрочем, никакой двери там уже не было — просто черный круг. С потусторонним звуком, напоминавшим вздох огромного животного, круг превратился в арку, из которой шло бледно-фиолетовое сияние, а в центре стоял величественный старик в синем. За ним можно было разглядеть контуры какой-то фантасти-

ческой пещеры. Старец перевел взгляд пронзительных голубых глаз с Алисы на Николая и мощным, нечеловеческим голосом произнес:

— Вы звали меня, и я пришел.

«...Пришел, шел, ол...» — несколько раз эхо переместилось из пещеры в библиотеку и обратно.

Царственная чета беззвучно открывала и закрывала рты, говорить пока не получалось.

Старец сделал несколько шагов вперед. Вдруг в глубине пещеры произошло какое-то движение, и оттуда выплыло большое, необычной формы черное кресло. Когда оно оказалось в центре библиотеки, горный старец сел в него и сделал жест рукой. Арка перестала светиться и исчезла, теперь вместо нее снова была просто дверь.

— О чем вы хотели просить меня? — Голос старца теперь стал уже более тихим и человеческим, но все равно казалось, что он говорит в огромном помещении с отличной акустикой, а не в небольшой дворцовой комнате.

Алиса встала, вся бледная от напряжения. Она явно хотела что-то сказать, но губы ее не слушались.

— Успокойся, девочка, — доброжелательно произнес старец, — и можешь говорить по-английски, если тебе так проще. Хотя мне приятнее слышать русскую речь.

— А-а... Ваше... — Императрица беспомощно оглянулась.

— Старец, — негромко подсказал Георгий.

— Скажите, старец, — наконец справилась с волнением Алиса, — смогу ли я подарить его величеству наследника? И когда это будет?

— Зачем? — В голосе старца лязгнул металл. — Его все равно убьют ребенком.

— Как?! — Теперь уже Николай вскочил.

— Штыками.— Старец был невозмутим, но в его глазах императору почудилась тень насмешки.— Труп потом бросят в колодец.

Он положил руки на подлокотники кресла, и императорская чета вдруг почувствовала, как от неосознанного ужаса перехватывает дыхание.

— Впрочем, вас тоже убьют, Ники и Аликс,— грустно добавил старец,— если вы не найдете в себе силы изменить ход событий. Это трудно, но возможно.

— Но как можем мы противиться Божьей воле? — с тоской спросил император.— И разве не все предопределено им?

Повисло тяжелое молчание, Аликс с трудом удерживалась от обморока. Наконец гость снова заговорил:

— Или не дал нам Господь свободной воли? Всем он в жизни посылает испытания. И никогда эти испытания не являются непосильными. Но и легкими они тоже не бывают. Подумайте об этом.

— Как? Как нам преодолеть грядущий ужас? — встрепенулась императрица.

— Только лишь неустанной заботой о благе России. И помните — это ваш крест, и больше ничей! Ваши родственники глупы и корыстны. Лишь он... — жест в сторону Георгия,— чист душой, за что и был исцелен. Помните — только вы и народ. Между вами никого нет. А народ голодает. Что вы сделали для облегчения этого? Там,— жест куда-то вверх,— уже переполняется чаша терпения. Вспомните об этом осенью. И когда смерть станет на пороге, не впадайте в грех отчаяния, а покайтесь и позовите меня. Я все сказал.

Старец встал, величавым жестом перекрестил императорскую чету и двинулся к двери, вместо которой снова сияла арка. За ним поспешило кресло.

В гараже я первым делом избавился от контактных линз, затем мысленно похвалил себя, что удержался от напутствия: «И не ешьте на ночь невымытых фруктов». Маша отсоединила провода от аппаратуры. Сегодня никаких порталов уже не получится, но завтра — в Серпухов. А перед этим отрезать как минимум две трети от надоевшей мне длинной седой мочалки, изображавшей старцеву бороду.

Ближе к вечеру со мной связался Гоша — оказывается, все это время он растолковывал Николаю с Алисой то, что я им наплел за пять минут. Он предложил в следующий раз после выступления старца вручать зрителям если не си-ди, то хотя бы валик фонографа с записью концерта, будет меньше вопросов типа «А что он сказал потом?».

Как и было задумано, Гоша остался в Питере порешать накопившиеся вопросы, а мы с племянницей пошли ко мне домой, где трое суток просидели в Интернете, скачивая всякие полезные вещи. Наконец Гоша вернулся в Георгиевск, и мы через портал перешли туда же.

Там нас ждала новость, повергшая меня в ступор. Оказывается, за время нашего отсутствия произошло сразу и первое в России летное происшествие, и первое ДТП. Вы, наверное, уже догадались — самолет столкнулся с автомобилем. В принципе дело житейское, но ведь автомобиль в России был всего один! Самолетов было три, но два из них без меня никто не трогал. «Хорошо еще, что мы подводных лодок не строим», — мрачно подумал я и пошел разбираться. Меня, собственно, интересовало — кто начудил?

Как только появился первый (и пока единственный) учебный самолет, была образована летная школа. Курсантов я набрал восемь: два пехотных поручика, два казачьих хорунжих, два рядовых казака и два

казачонка (чьи-то младшие братья). Из них право летать самостоятельно пока заработали тоже двое: один казачонок и один поручик. На моем же квад্রে вообще никто не должен был ездить!

Быстро выяснилось, что причина была насквозь стандартной. Два поручика нажрались, после чего тот, что уже имел право летать, решил покатать по небу того, кто еще не имел. Хорошо хоть на квад্রে никто не ехал, его просто выкатили из сарая, чтоб там прибраться. В результате — у квадра погнут руль, самолету нужно несколько дней на ремонт, а оба урода невредимы. Да, пора писать уставы. Но до этого я собрал личный состав и, стараясь применять как можно меньше цензурных выражений, сообщил, что появление в пьяном виде на аэродроме с дальнейшей службой в авиации несовместимо. И что только на первый раз конкретно у этих двух козлов есть выбор — либо на полгода в аэродромную команду, тряпками оттирать плоскости от касторки, либо собирать манатки и валить куда-нибудь в Кушку. Что интересно, оба выбрали тряпки. Флаг вам в руки, напутствовал я их и пошел разбираться с молодой сменой. Имелась в виду не Маша, а два студента, присланных Жуковским, — Миронов и Гольденберг.

Когда я зашел, в комнате, громко именуемой «конструкторское бюро», шла ругань. Я присмотрелся и прислушался. Оказывается, Саша Миронов изобрел тандем, причем бипланный и симметричный — мотор спереди, мотор сзади и два раза по два крыла посередине. Гольденберг же сомневался в летных качествах этого тянитолкая и предлагал мультиплан. Только вот он еще не определился, сколько надо крыльев друг над другом — четыре или сразу шесть. Ладно, пусть еще потренируются в изобретательстве, а через неко-

торое время можно будет начать потихоньку направлять их порывы в нужную сторону.

Гоша рассказал мне о результатах своих бесед с Николаем.

— Ты знаешь, он действительно решил следовать нашим установкам. Затребовал материалы по голодающим губерниям. Сам наткнулся на письма какого-то мелкого чиновника, возмущавшегося царившими там беспорядком и казнокрадством...

— И что? — заинтересовался я.

— Вызвал того чиновника к себе. Долго беседовал, записал основные факты, — с гордостью за одумавшегося брата продолжал Гоша, — а потом дал ему секретные полномочия и отправил с инспекцией по России.

— Ой, е... — схватился за голову я. — Ну что же он за дурак такой, даже отговорить не удалось?

— То есть как это отговорить? Зачем?!

— Ага, значит, там был не один дурак, а... больше. Ну сам посуди, проверять — это уметь надо! И требуется соответствующий склад характера. А мелкого чиновника мгновенно купят на корню или, даже не покупая, просто так ему лапши на уши навешают. Ладно, а с теми фактами, что ваш инициативец сообщил, с ними как?

— Назначено расследование.

— Кому поручено?

Гоша заглянул в блокнот:

— Полковнику фон Вендриху.

— Интересно, что за кадр, надо будет дома в Инете посмотреть... Что-нибудь еще занятное было?

— Вите проявил внимание к моей особе.

— А именно?

— Ты знаешь, — смутился Гоша, — такое впечатление, что ему просто не с кем было поболтать. Совершенно ни о чем существенном он не спрашивал.

— Да-а, надо бы тебе диктофон подарить... Более чем уверен, что Сергей Юльевич выяснил все, что хотел, и чуток сверх того. Диктофон... слушай, а заведи-ка ты себе личного секретаря. Такого пройдоху, который влезть куда надо без вазелина с пеленок умеет. Вот только где взять? Может, среди твоих казацких писарей найдется?

— Я и сам начинал думать об этом,— признался Гоша.— Так что поищу.

Наша неспешная беседа была прервана воем самолетного мотора над самой крышей, быстро сменившимся треском разваливающегося аэроплана. Еще один учебный полет прошел не совсем безукоризненно.

— Похоже, мне надо отлучиться ненадолго,— вздохнул я.— Да и ты бы со мной сходил, не помешает. Ну если опять по пьяни... Где там Маша? И пусть маузер захватит.

В этот раз я оказался неправ — пьянкой тут и не пахло, совсем наоборот. Во время очередного полета казачонку Мишке в руль высоты угодила какая-то летающая тварь с перьями. Деревяшку вывернуло под неестественным углом и заклинило, а паренек, работая только газом и немного элеронами, ухитрился дотянуть до аэродрома и сесть, сохранив и себя, и самолет — разбитое в хлам шасси в такой ситуации не считается. Так что маузер тут не нужен... хотя Гоша так не считал. Запрыгнув на мой квадр, он помчался к своей резиденции и через пять минут прикатил обратно.

— Авиатор Полозов! — торжественно обратился он к казачонку.— За мужество и умение, проявленные при выполнении полетов, присваиваю вам внеочередное звание ефрейтора авиации и награждаю именованным оружием! — И протянул ему деревянную кобуру с творением немецких оружейников.

— Рад стараться, ваше высочество! — радостно вякнул новоиспеченный шнурок.

— Это самое, — удивился я, — когда это мои звания утвердили?

— Никто твои клоунские чины не утверждал, — ехидно ответило его высочество, — поэтому-то я и могу их присваивать пятнадцатилетнему парню. Подрастет — видно будет.

Чуть позже мы с Гошей продолжили наш разговор.

— Еще я говорил с Ники о Дальнем Востоке, — сказал он. — И я надеюсь, мне удалось убедить его, что обострять отношения с Японией ни к чему.

— Оно, конечно, хорошо бы, — хмыкнул я, — но делать выводы пока рано. Кстати насчет Японии. Про Цусиму и прочее ты, я видел, читал. Наверняка уже мысли появились о модернизации наших кораблей.

— Конечно, я только пока еще не придумал, как это пробить. Дядя Алексей — фигура та еще.

— А зачем? Зачем тебе вообще броненосцы? Англичанам они нужны для демонстрации присутствия в колониях, для обеспечения безопасности морской торговли, ну и для борьбы с такими же у противника. А нам — только последнее!

— И что?

— Представь себе рыцаря. Здоровенный мужичище, весь в железе, копьё с телеграфный столб и коняка а-ля слон. Чтоб его победить, нужен либо другой, еще здоровее и «железнее», либо два таких, как он. Или просто выставить против него арбалетчика. Если арбалет хороший, рыцаря можно сразу отпевать. И стоит этот арбалет в двадцать раз дешевле одних доспехов, а там ведь еще лошадь, оружие, да и сам рыцарь вещь недешевая. Это я к тому, что принцип «подобное — подобным» в военном деле работает далеко не всегда.

— Выставь против рыцаря двух пехотинцев, он их стопчет и не заметит. А у арбалетчика против них нет шансов.

— Правильно, любое оружие имеет тактические ограничения. Тот же броненосец в Царицынском пруду много не навоюет.

— Ты хочешь сказать, что нам нужны не броненосцы, а средство уничтожения таковых у противника?

— Именно. Вот, смотри.

Я положил на стол свой самодельный передатчик. На другой стол положил приемник, но доработанный — были добавлены два реле, электромотор и аккумулятор для него. Включил питание, подождал, пока прогреются лампы, и нажал кнопку на передатчике. У приемника щелкнуло реле, мотор завертелся. Отпустил кнопку — мотор встал. Нажал другую кнопку — сработало второе реле, и мотор пошел работать в обратную сторону.

— Ну как?

— Аппаратура радиуправления! — догадался Гоша. — Причем ненамного сложнее обычной рации, я смотрю. И куда же мы ее поставим? На самолет нужно не две команды, а шесть... значит, на катер?

— Вот именно. Причем на небольшой катер, водоизмещением порядка тонны. Но быстрый, километров шестьдесят как минимум чтоб давал. И под завязку набить амматолом, понятно.

— Это тридцать три узла, — сосчитал в уме Гоша.

— Да, — согласился я, — хоть мне и грустно, но придется мерить скорость в узлах, а не километрах, как люди. Потому что цели будут иметь скорость именно в узлах. Но ничего, вот как всех противников перетопим, тогда и на флоте можно будет навести порядок. И будут наши корабли не ходить со скоростью десять

узлов, а плавать со скоростью восемнадцать километров в час.

— Одна надежда, что я не доживу до свершения всех твоих планов, а то давно бы утопился. На катер будем наш самолетный мотор ставить?

— Вот видишь, сам все и придумал. Осталось найти какого-нибудь судостроителя. Пусть нарисует такую лодку, а то я по водоплавающим машинам не специалист.

— Да, и вот еще,— добавил Гоша,— помнишь, мы говорили про оружейный заводик? Пора уже. Мой отряд начал формироваться, через месяц сюда Богаевский приедет. Желательно к этому времени нам решить, чего же мы хотим в смысле вооружения.

— Денег-то хватит?

— Я именно из этих соображений — мы с Машей зарабатываем быстрее, чем ты тратишь.

— Ну вот, на старости лет еще придется в оружейной автоматике разбираться,— вздохнул я.

— Ладно, не прибедряйся, мне Маша рассказала со слов своей матери, как ты в детстве автоматический самопал построил. Так что вспоминай молодость, и вперед. Да, и вот еще что... — Гоша слегка замылся.— Ты работаешь, но почти ничего не тратишь на себя... У тебя даже дома тут нет.

— Жалко тебе комнаты, что я в твоей резиденции занимаю? Ладно, шучу. Действительно, хибарка не помешает. И кстати, не только тут. То, что горный старец из гаража является, это непорядок.

— Сколько?

— Миллионов шесть хватит. наших рублей, естественно.

— Тьфу ты, а я уж хотел испугаться. Приобретай, не вопрос.

ГЛАВА 8

— Нет, иногда я тебя просто отказываюсь понимать! — Гоша был возмущен. — Нашелся великолепный изобретатель, за несколько лет до Даймлера построивший бензиновый двигатель, вплотную подошедший к созданию дирижабля и подводной лодки, а ты? Что ты пишешь ему? «На каких условиях вы в этом году можете поставить двести пудов арборита?» И это когда у нас даже на проектировании самолетов сидят студенты! В чем дело?

— Вот в этом! — Я показал ему несколько листов с текстом и рисунками. — Именно в письме от господина Костовича, по поводу которого ты с таким энтузиазмом мечешь икру. Можешь вкратце, одной-двумя фразами, изложить его содержание?

— Если вкратце — нам предлагают принять участие в постройке дирижабля с уникальными данными, и я не...

— Стоп. Найди мне в письме слова «принять участие». Нету их там. А есть предложение: «Дайте мне сто тысяч, и я вам построю дирижабль».

— Сто двадцать, — уточнил Гоша.

— Тем более. И хрен бы с этими тысячами, но ведь это еще не все! Все патенты, полученные в процессе работы, будут его собственностью — а вот на это я не согласен никак. И не только я, это общепринято. Если изобретателю даются деньги на реализацию проекта, то финансирующий входит в долю! И часто она больше половины. Гоша, слово «концерн» означает контролируемость всех работ, ведущихся под его эгидой. И кстати, один-то дирижабль он уже начинал строить. Не напомнишь, чем это завершилось?

— По неизвестным мне причинам работы были остановлены.

— Деньги кончились. А их, между прочим, было выделено двести тысяч. То есть не верю я, что запрошенной суммы ему хватит. И предложенный им вариант сотрудничества для нас неприемлем. А вот авиационную фанеру с его заводика, которую он называет «арборит», мы как раз готовы покупать.

— Значит, ты настаиваешь...

— Именно. Нам нужна его фанера. Нам очень нужны толковые инженеры. И соберись он работать у нас, за окладом дело не станет. Если наемный труд его не прельщает, мы готовы с ним сотрудничать на условиях: деньги наши, патенты наши, его доля тридцать процентов.

— Жмот!

— Ладно, сорок девять. Но не больше, это принципиально. Вот про это мы ему и напишем.

— Милый, мне кажется, дядя прав, — вступила в дело тяжелая артиллерия в лице Маши. — И еще объясни мне, зачем нам дирижабль? Нам же его держать негде!

— Эх, вас хлебом не корми, только дай загубить идею-другую... Ладно. Тем более что сразу после появления фанеры мне кто-то обещал нормальный самолет, а то на этой этажерке я разучусь летать, причем даже и не научившись толком. Что у нас еще на сегодня?

— Подготовка к показательным полетам, — взяла слово Маша. — И ты уж меня извини, Гошенька, но вот тебе еще надо тренироваться, этажерка-то она этажеркой, но... э-э-э... упасть на глазах у публики, тем более великому князю, — это нехорошо. Неделя у тебя есть — надо отработать заход на посадку. И что ты там говорил про торжественный прием после полетов?

Да, за всеми нашими делами Маша до сих пор так и не удосужилась побывать ни на одном балу, о чем по-

рядком сожалела. Мне, кстати, тоже интересно было бы посмотреть на Наташу Ростову в исполнении моей племянницы. Но теперь все, масштаб события обязывает. Первые в России и мире публичные полеты! Исполняют дуэтом цесаревич Георгий и новозеландская пилотесса Мария! Кстати, надо не забыть заставить ее на карту этой самой Зеландии посмотреть хоть раз. После полетов — тот самый торжественный прием в Петровском дворце, это где сейчас академия имени Жуковского.

Когда я в очередной раз вернулся к себе в Москву, квартира показалась мне маленькой и непривычной — так всегда бывает после долгих путешествий. Посмотрел в Инете предложения по загородным коттеджам, посетил оружейные сайты, написал пару писем. Гоша тоже сидел в Сети.

— Ну и ни хрена себе! — раздался с кухни его возглас. — А я-то губы раскатал...

Надо заметить, что общение с нами заметно расширило Гошин лексикон.

— Что там случилось? — заинтересовался я.

— Помнишь, я говорил про мелкого чиновника, которого Ники отправил с инспекцией? Так он его и в вашем мире отправлял, без всяких твоих и моих увещеваний!

— И что?

— Ничего. Исследователи, правда, не могут решить — купили того или просто обвели вокруг пальца, но результат нулевой.

— А расследование тоже было?

— Непонятно, но про Вендриха тут много. И ни слова хорошего, что характерно.

— В принципе я чего-то такого и ожидал. У твоего брата нет воображения, и неочевидные опасности его

не пугают. Да и склонен он оттягивать принятие решений до последнего. Будем надеяться, что тиф, которым он заболеет ближе к осени, хоть как-то вправит ему мозги, все-таки чуть не помрет человек. А не ему — так Алисе, та уж точно страху натерпится.

— Да, с тифом, пожалуй, ты прав... — вздохнул Гоша.

Когда мы в процессе подготовки визита старца наткнулись на то, что Николай осенью девятисотого года опасно заболеет, Гоша сразу предложил не допустить этого, ведь профилактика тифа не такая уж сложная вещь. Мне казалось, что лучше оставить все как было. Теперь, значит, одной головной болью меньше, не надо будет еще и по этому поводу с высочеством собачиться.

— Ладно, а по катерам ты себе подборку сделал? — напомнил я (мы решили, что собственно катерами займется Гоша, я только радиоуправлением).

— Да, но у меня сложилось впечатление, что это неэффективное оружие. Очень простые методы борьбы — крупнокалиберные пулеметы и постановка радиопомех.

— Откуда у японцев на кораблях крупняки? — возразил я. — Потом — да, появятся, а поначалу — только противоминная артиллерия. Ею, конечно, тоже быстро наловчатся наши лодки топить, но ведь не сразу же. Первые несколько запусков, думаю, будут удачными. А потом — только ночью. И нормальные помехи искровыми передатчиками не создашь, это только когда у супостата тоже лампы появятся, так что время есть. Да и не догадаются они сразу про радио.

— То есть как? Катер сам маневрирует... Ну не про провода же они подумают?

— А мы после каждого применения будем распространять дезу об очередном беспримерном подвиге

какого-нибудь кочегара или мичмана. Мол, впад в неконтролируемый героизм, набил катер взрывчаткой и с криком «За веру, царя и отечество!» вмазался во вражеский крейсер. Вечная слава и так далее.

— Значит, ради всего нескольких успешных запусков ты предлагаешь строить завод, разрабатывать катера...

— Ты сравни с ценой самого занюханного броненосца — увидишь выгоду. Опять же не пропадет завод, инженеры и рабочие на катерах наберутся опыта и будут потом нормальные торпеды делать.

— Ну ладно, посмотрим. С оружием у тебя как?

— Автомат под патрон для маузера мы производить сможем, он простой. А вот насчет пулемета — не знаю. Я тут сделал подборку, а ты уж пригласи какого-нибудь приличного оружейника, того же Федорова, пусть думает. В нашей истории он в основном на энтузиазме работал.

— Может, лучше просто взять детальные чертежи какого-нибудь хорошо зарекомендовавшего себя образца и запустить в производство?

— Вряд ли. Половины нужных видов стали в твоём мире небось просто нет, а какие есть — не так называются. Так что конструкцию все равно придется адаптировать, ты мой движок вспомни. Заодно и собственная школа может появиться, это поважней одной слизанной модели будет. Так что мобилизуй обаяние — и за Федоровым.

— Сейчас гляну про него в Интернете, и можно домой. Ты как?

— И я с тобой. Только по дороге в гараж сигарет купим. Да, вот еще мусор надо вынести... ой, блин. Гоша, ты живого идиота видел? Если нет, пользуйся моментом, он перед тобой.

— Приятно, когда партнер дает объективную само-

оценку, но в связи с чем она вдруг прорезалась? Попробую методом дедукции... Ты взялся выбрасывать пакет с каким-то хламом — и прозрел. Ну-ка что там... Журналы «Нева», хоть и в количестве двух связок, так на тебя подействовать не могли. Три подержанных ботинка тоже. Значит, старый телефон. И что в нем так способствует самокритике?

— Микрофон там угольный. Помнишь, как я три дня маялся, пытался из ваших материалов электродинамический изобразить? Ни фига и не вышло, вот про угольный я не сообразил, а это простейшее устройство, там, кроме мембраны и угольного порошка, ничего нет. Наверняка его у вас уже изобрели. Ну значит, смотри про Федорова, а я пока этот укор себе из аппарата вытащу.

Демонстрация достижений авиации пошла успешно. Стараниями Гиляровского при поддержке Гоши был создан должный предварительный ажиотаж, так что на отсутствие зрителей пожаловаться было никак нельзя. Сначала для затравки Маша устроила несколько подлетов. Народ воодушевился. Потом они с Гошей летали вдвоем, уже повыше. И наконец дозаправив самолеты, учинили сорокаминутный полет над Москвой: к Кремлю и обратно. Я по возможности уклонялся от фотографов и вообще не особенно светился.

Анализ прессы, освещавшей потом это эпохальное событие, несколько обескуражил. Да, много писалось про самолеты. Чуть поменьше — про Гошу и про то, какой он выдающийся. Но рекордсменкой по числу упоминаний оказалась Маша и ее летный костюм. Я и до того подозревал, что джинсы и кожаная куртка племянницы вызовут у публики некое офигение, но сильно недооценил его масштаб. В последние дни в Моск-

ве уже было замечено несколько аналогично одетых дам, в основном из богемы, и Маша задумалась об издании модного женского журнала.

А по возвращении в Георгиевск снова начались будни. Я наконец засадил студентов за проект нормального самолета вроде абастуманского высокоплана, но чуть побольше и с перегрузочной способностью не менее десяти, чтобы он мог пикировать. Густав приступил к конструированию мотора для него, который представлял собой два наших опозита, положенных друг на друга, с просунутым между ними редуктором для повышения КПД винта.

Из шести оставшихся у меня курсантов трое уже летали вполне терпимо, а ефрейтор Мишка — просто отлично, видно было, что у парня талант. Кстати, видя его успехи, аэродромная братия решила, что ефрейтор авиации — это титул лучшего пилота, и два хорунжих усиленно тренировались, надеясь в будущем сравняться званиями с Мишкой.

Для души я на базе некондиции наших авиадвигателей собрал десятисильный мотоциклетный мотор без коробки передач, но с автоматическим барабанным сцеплением, сунул это в примитивную раму с колесами и, обозвав мотоциклом, использовал для поездок в Серпухов. Глядишь, можно будет со временем пустить изделие в серию, уж всяко лучше «Харлеев» будет, тем более что их еще и нет.

Также я провел опыты с бомбометанием — скоро мы собирались устроить еще одну показуху, на сей раз для военных. Наделали жестяных труб со стабилизаторами, набили их мелом, я присобачил к одной из этажерок простейший бомбодержатель — и понеслось. Спустя день бомбошвыряния я выдал методические указания по проведению этого мероприятия. Выглядели они примерно так:

— Значит, к цели подлетаем на высоте двести. Задираем нос градусов на десять, скорость падает до сорока пяти. Слегка раздвигаем колени... — Тут надо сделать небольшое отступление. Я уже говорил, что у «Святогора» кабины не было. Естественно, не было и пола кабины. — Раздвигаем колени и смотрим вниз. Как только цель оказывается на линии... да-да, его самого, дергаем рычаг бомбобрасывателя, затем сразу газу и нос по горизонту. Всем все понятно? Приступаем к полетам.

Через пару дней тренировок народ начал сносно попадать в прямоугольник двадцать на сто метров, символизирующий собой вражеский корабль. Правда, после этого на Георгиевском аэродроме слово «прицел» долго еще имело несколько специфическое, отличное от общепринятого значение.

Гоша помимо своих финансовых махинаций занимался планированием экспедиции на Виллой, за алмазами, которая должна была состояться в следующем году. Кроме того, он списался с Федоровым, и теперь мы ждали его в гости. Менделеева тоже ждали, но его именно в гости, без мыслей дальнейшего трудоустройства. А вот Зелинский в списке на захомутание значился в одной строчке с Федоровым — пора было обзаводиться собственным нефтеперегонным производством, да и толуол в нашем деле лишним не будет.

Маше из Москвы привезли целую подшивку газет с дискуссией — имеет ли право женщина ходить в брюках? Мнения были разные, но в основном народ склонялся к тому, что да — раз она в них летает и по-другому нельзя, то и ходить, наверное, можно. По поводу же нелетающих дам в штанах мнения были все-таки скорее отрицательные. Вроде бы одну такую даже собирались побить, но полиция оказалась на высоте. Маша, отсмеявшись, написала открытое письмо, в

котором предложила любой ревнительнице приличий бесплатно покатать ее на аэроплане, но только чтобы та обязательно была в юбке и не протестовала против наличия на самолете фотоаппарата.

Гоша несколько озабоченно сказал, что теперь вполне вероятен конфликт с Победоносцевым, и это может негативно сказаться на его, Гошиных, отношениях с Николаем. С другой стороны, у Победоносцева уже много с кем были конфликты, в том числе и с Витте, что последнему вроде бы нисколько не мешало продолжать реформы.

— Давайте мы вот что сделаем,— предложил я.— Я напишу статью о требованиях к одежде авиаторов, без всяких половых акцентов, причем скучную, с техническими подробностями. Смысл ее будет в том, что всякие болтающиеся на организме шмотки в авиации недопустимы. Даже куртки следует носить не длиннее чем до половины задницы, иначе это смертельно опасно. Тисну ее в каком-нибудь не очень читаемом журнальчике. И надо заранее купить пару писак, чтобы, если Константин Петрович начнет выступать на эту тему, они тут же возопили бы, что Победоносцев как человек умный и образованный просто не мог не знать того, что написано в статье господина Найденова. А значит, это он таким хитрым образом хочет нашу пилотессу угробить! Чем же она ему так досадила? Ну и дальше уже в зависимости от желтизны газетенки. Гош, ты вроде в своем концерне уже начал информационную службу создавать? Вот пусть это и будет ее первым заданием.

ГЛАВА 9

Представьте себе, что вы глава и владелец весьма преуспевающего банка. Естественно, у вас есть

пресс-служба, следящая за тем, что говорят и пишут про ваше детище. В ней, само собой, имеется отдел, который несколько... э-э-э... скользковатыми методами иногда направляет этот процесс в нужную сторону. Тем более самоочевидно, что у вас есть служба безопасности, а уж чем она занимается, вы знаете лучше меня. И еще у вас есть друг, младший партнер по бизнесу, курирующий вопросы технического развития. Вы его искренне уважаете и доверяете ему всецело. Но что будет, если этот друг в один прекрасный момент вам скажет: знаешь, а отдай-ка ты мне в подчинение вон тот пресс-отдельчик, ну и службу безопасности до кучи! В единоличное. Мне так удобней будет.

Думаю, что как минимум ваше доверие сильно пошатнется. Дружба — это, конечно, здорово, но есть же святые вещи! Даже если друг просто начнет лезть с непрошенными советами в эту область, все равно нехорошо. Поэтому, хоть мне и было интересно, я старался без повода в дела Гошиных новообразованных подразделений не соваться. И каково же было мое удивление, когда Гоша как-то раз сказал:

— Про то, что инициатива наказуема, ты наверняка слышал. Понимаю, что у тебя и так дел по маковку, но ведь с планами создания информбюро и СБ выступал именно ты. У меня тоже со временем напряженно, но, главное, ты по складу характера больше подходишь для руководства этими структурами. Возьми их себе, а? Как тебе это компенсировать, сам реши.

— Уже решил. Значит, ты свою благодарность пишешь красивым почерком на листе хорошей бумаги, потом сворачиваешь этот лист в трубочку и... Может, сначала что-нибудь одно?

— Скажите, а двести рублей не смогут спасти гиганта мысли? — поинтересовался Гоша.— Я считаю,

что торг здесь неуместен! Короче, забирай оба, а не то дам парабеллум. Дальше цитировать или хватит?

Гоша помолчал и добавил:

— Не считай меня совсем уж наивным простаком, все я понимаю. Но ты действительно справишься с этим лучше меня. А если вдруг... — Он замялся. — Ну значит, и поделом мне. Вот так.

И вот я принимаю свеженазначенного руководителя информбюро. Бывшего студента, бывшего репортера и несостоявшегося агента охраны. Гоша перехватил его в последний момент.

— Проходите, садитесь, Константин Аркадьевич.

— Можно без отчества, вы ведь старше меня и по возрасту, и по положению.

— Хорошо. Значит, такое дело. После демонстрационных полетов... — Я вкратце пересказал ему свою мысль о статье про авиаодежду, ну и другие соображения.

— Уточните, пожалуйста. Цель — навредить Победоносцеву?

— В идеале — чтоб Маша могла ходить и летать в чем ей удобнее, не вызывая никаких эмоций у общества и властей, кроме разве что восторженных. Если идеал недостижим, то надо хотя бы приблизиться к нему. Сам по себе Победоносцев меня не интересует.

— Ну тогда тут можно чуть иначе... — задумался экс-репортер, — вот скажите, в бытность свою новозеландцем вы вели публичный образ жизни?

— И у меня, и у племянницы там почти нет знакомых, мы жили уединенно. Вы хотите спросить, в каких пределах допустима... э-э-э... некоторая фантазия в освещении того периода нашей жизни?

— Совершенно верно.

— В весьма широких. Единственное — это чтоб не

было вреда репутации. И предварительно согласовать со мной.

— Само собой разумеется. Тогда так... Ведь, я думаю, репутации госпожи Островской как пилота не повредит обнаружение того, что несколько лет назад она попала в серьезнейшую аварию... Скажите, а насколько строги правила хорошего тона в Новой Зеландии?

— Очень строгие,— я понемногу начал понимать его мысль,— прямо пуританские. Гораздо хуже, чем в России или Англии.

— Вот! — обрадовался Константин.— Любящая племянница не могла позволить себе нанести вред дядиной репутации и летала в платье, ежеминутно подвывая свою жизнь огромной опасности.

— И однажды долеталась,— кивнул я,— продолжайте.

— Лучшие врачи с трудом спасли ее жизнь... какие-нибудь имена назвать можно?

— А если не врачи, а врач? Или, скажем так, целитель, причем огромной силы? Православный старец, случайно оказавшийся в тамошних лесах. Имя пока лучше не называть, это чуть позже.

— Так тоже можно.— Константин внимательно посмотрел на меня.— Понимаете, госпожа Островская сейчас пользуется огромной популярностью. Но эта популярность... как бы это сказать... холодная. Сейчас Мария для всех слоев общества не живой человек, а символ. Если же мы дадим повод, например, ее пожалеть, то... символ жалеть невозможно, публика вынуждена будет очеловечить этот образ. Под себя. А мы ей в этом поможем. Но разным слоям общества по-разному... Правда, одну трудность я уже вижу. В религиозных кругах могут сказать, что полеты женщины вообще против Господней воли.

— Наоборот,— возразил я.— Господь создал женщину более приспособленной к полетам, чем мужчину. И что же теперь, обвинять его в ошибке?

— В чем это выражается?

Я выдвинул ящик стола и достал маузер.

— Представьте себе, что я выстрелил. Вы испугались. У вас может быть два типа реакции на внезапную опасность. Первая — вы как минимум вздрогнете, а может, отшатнетесь или даже вскочите со стула. Вторая — на короткое время вы оцепенеете. Среди мужчин чаще встречается первый тип реакции, среди женщин — второй. И он гораздо предпочтительней для авиации. В небе резкие движения вообще противопоказаны. И большинство аварий происходят не оттого, что пилот не успел что-то сделать, а наоборот — успел, но неправильно. Есть даже правило: не знаешь, что делать,— не делай ничего.

— Это меняет дело, — согласился Константин.— Я подумаю, кому и какими словами преподнести ваши сведения. Какие-нибудь уточнения еще есть?

— Конкретно по этому делу вроде все, возникнут вопросы — обращайтесь в любое время. Есть одно уточнение общего плана. Вы, наверное, задумались — почему перед вами сейчас ставится именно эта задача, далеко не самая важная?

— Вы меня извините, господин Найденов, но о чем тут задумываться? Должны же вы посмотреть, на что способно информбюро, прежде чем привлекать его к действительно серьезным делам.

— Отлично. И еще вам нужно организовать пресс-центр в Георгиевске. Сюда косяком едут всякие интересующиеся, от известных ученых, репортеров до просто зевак, если не хуже. В работе поддерживайте контакты с шестым отделом СБ, я дам им соответствующие указания (вообще-то в СБ пока было только три

отдела: первый — охрана персон, второй — охрана объектов и шестой — все не очень афишируемые дела).

Следующим на очереди был планируемый на ближайшие дни спектакль для комиссии Главного штаба — это ведомство решило ознакомиться с новым видом войск, для чего к нам уже выехала группа офицеров. Возведение кораблеобразной мишени из досок было уже закончено, и теперь в стороне от Георгиевска наши жестяные бомбы набивались черным порохом. Маша с казачонком репетировали особый трюк — атаку корабля с двух бортов одновременно, остальные должны были тупо заходить с кормы. Один самолет оборудовали планшетом и карандашами в зажимах, для летчика-наблюдателя, этот экземпляр будет изображать из себя разведчика. Подумав, я добавил туда пару маленьких тубусов с привязанными ленточками, чтобы летчик-наблюдатель, зарисовав во вражеском тылу что нужно, мог сбросить это своим войскам. Еще я предложил Гоше начать красить траву в зеленый цвет, но он не понял юмора.

И вот комиссия прибыла на аэродром. Да-а, я ожидал толпу генералов и адмиралов, а приехали один полковник, один каперанг и несколько чинов помельче.

— Как, самолетом будет управлять ребенок? — удивился полковник при виде ефрейтора Мишки.

— Этот, как вы изволили выразиться, «ребенок» является лучшим курсантом Георгиевской летной школы, — уточнил Гоша, — и за выдающиеся успехи он уже был награжден. Такая у авиации специфика, чем раньше начать учиться летать, тем лучше будут результаты.

Про Машу члены комиссии не спрашивали, уже знали, кто она такая.

Самолеты взлетели. Гости взяли бинокли и приго-

товились к зрелищу. Оно не заставило себя ждать — первый аэроплан подлетел к цели, задрал нос, раскорячился над ней и бросил бомбу — ну прямо картина маслом «голубь, обгаживающий памятник». Ухнуло, клубы дыма почти скрыли мишень. Вот и второй ста... то есть, тьфу, Гошин сокол налетел и бросил. Блин! Промазал, прицел оторву у гада! Слава богу, третий попал.

И наконец — последняя пара артистов. Комиссия ахнула, всем казалось, что сейчас этажерки столкнутся, но Маша не зря гоняла казачонка. Два взрыва, дым — полетели доски. Самолеты гуськом потянулись на посадку.

— Мне кажется, что современному военному кораблю такая атака большого вреда не нанесет, — заметил каперанг.

— Бронированному — разумеется. А вот эсминцу или транспорту не поздоровится. И потом, сейчас же атаковали только пять самолетов. Стоит самолет пятнадцать тысяч рублей, то есть вместо одного броненосца можно построить тысячу «Святогоров». Вы только представьте себе эту картину!

Не знаю, что представил себе каперанг, а у меня перед глазами встало фантастическое зрелище. С унылым тарахтеньем, затмевая горизонт, крылом к крылу по небу ползут тысячи этажерок. Вот первые из них догнали несчастный броненосец... расчеты «Гатлингов»¹ сходят с ума, потому что аэропланы пилотируют сплошь женщины и дети, но промахнуться все равно невозможно. Сбитые сотнями падают на палубу, загромождая ее досками и окровавленными останками. Экипаж шизеет. Наконец под грузом валящегося сверху баракла корабль переворачивается...

¹ «Г а т л и н г» — многоствольный пулемет конца XIX века.

Каперанг начал что-то быстро писать в своем блокноте.

Потом я посадил одного штабс-капитана пассажиром и попытался провести с ним демонстрацию разведывательного полета. Поначалу не вышло — сразу после отрыва от земли штабс побледнел, потом позеленел и начал методично заблевывать центроплан. Пришлось срочно садиться. Его место занял какой-то морской офицер с двумя звездочками. Этот держался хорошо, но по приземлении единственное «разведанное» им звучало так: «Здорово!» Он даже не мог сказать, куда мы летали.

По окончании показательных полетов комиссия была приглашена в Гошину резиденцию для дальнейшего обсуждения. Причем состоялось там именно оно, а вовсе не буйная пьянка в бане, как могли бы подумать служившие в Советской армии. Вместо того чтоб лапать горничных или, на худой конец, просто уснуть мордой в салате, господа офицеры чинно интересовались дальностью, скоростью и высотой полетов, максимальной грузоподъемностью, требованиями к аэродрому. Гоша поднял вопрос о подготовке наблюдателей. Лучше, если ими станут офицеры тех родов войск, для которых будет вестись разведка, а просто так кого попало в самолет сажать не стоит, комиссия в этом убедилась. Он добавил, что мы готовы открыть при нашей школе дополнительное отделение подготовки летнабов, но нужны предварительные заявки от армии и флота. Флотские поинтересовались возможностью взлета с корабля для ведения разведки. Я сказал, что взлететь не проблема, а вот для посадки нужна площадка не менее пятидесяти метров в длину и десяти в ширину. Сможете организовать такую у себя на пароходе — будет вам авиаразведка. Флотские записали.

— По-моему, это провал,— посетовал Гоша после отъезда комиссии.

— А по-моему, наоборот. Те, кто приезжал, ничего не решают. А в отчете они напишут, что аэроплан способен поднять бомбу весом в три пуда и сбросить ее на расстоянии до пятидесяти верст от места взлета, попав при этом в цель размером с большой сарай. И еще там будет сказано про возможность разведки с воздуха. Не думаю, что они станут заострять внимание на том, как опозорились их офицеры. А нам пока больше ничего и не надо.

— Думаешь, кто-то из высшего начальства заинтересуется?

— Вряд ли. Просто будет первая официальная бумага. Какой может быть воздушный флот без бумаг?

Лето было в разгаре, когда началась подготовка к большому авиационному турне по Европе. Нам пришли предложения из Германии, Франции и Англии, мы решили в таком порядке эти страны и посещать. Поначалу у Гоши с Машей были дикие идеи проделывать весь маршрут по воздуху, но я решительно пресек это безобразие.

— Самолеты, может, и долетят. Но Гоше в такие полеты еще рано, только нам с Машей. Про тебя, племянница, я не знаю, а у меня пятая точка не казенная! Пятьдесят часов летного времени на этих досках — перебор. Значит, готовим поезд. Именно поезд, Гоша, не хмыкай, в плацкарте на верхней полке я не поеду. Едем в Берлин. Там выступаем, потом сворачиваемся и опять же поездом, как белые люди, двигаемся в Париж. Пока мы красуемся во французской столице, две аэродромные команды выезжают в Кале и в Лондон, вот туда мы полетим по воздуху. До Кале мы — это мы с Машей, а Гоша по земле. Из Кале летим втроем, мо-

лодежь на одном самолете, солидные люди на другом. Из Лондона пароходом в Питер, еще там поколбасимся, а то в столице полетов не видели, непорядок.

— А из Питера я все-таки в Георгиевск на самолете полечу! — заявила племянница. — С промежуточной посадкой в Бологом, это которое дыра дырой.

Гоша, видимо, не слышал анекдота про дыру, потому как несколько удивленно посмотрел на Машу.

— Да, вот еще что, — продолжил я. — Маша, свои тряпки готовь заранее, я тебя на чемоданах неделю ждать не буду. Охрана, блин, теперь это мой геморрой. Гош, а ты, пожалуйста, составь список своих августейших и прочих ясновельможных родственников, которых никак нельзя не навестить по дороге. Остальным — фигу! И еще небось некоторым тут паспорта понадобятся. Это как, тоже высочество на себя возьмет или пусть шестой отдел шевелится?

— Высочеству нетрудно, — улыбнулся Гоша. — Все равно перед отъездом придется всем в Москву заскочить, вон сколько лекций нечитаных, там и сделаем.

Ну вот, три дня в Москве позади, мы едем в Европу. Я сижу в своем купе, которое раза в полтора больше привычного мне, в основном смотрю в окно, а когда надоедает, лениво почитываю фантастику в ноутбуке. Отдыхаю от предотъездной беготни, имею право. Пока Гоша с Машей болтались по приемам и театрам, я прочитал две лекции в Русском техническом обществе и одну — у Жуковского. Потом, даже не пообедав, дал несколько интервью и подобрал место для будущего аэроклуба (ясное дело, Ходынку), где мы собирались катать по небу и учить летать богатый народ за деньги, а среди бедного отбирать способных и отправлять в Георгиевск. Хорошо еще, что я квадрат с собой взял, а то на извозчиках и не успел бы никуда.

Негромкий стук в дверь оторвал меня от размышлений. Я открыл, и вежливо поклонившийся халдей сообщил, что господина Найденова приглашают на ужин. Блин, и вот чего же мне раньше так не ездило?

ГЛАВА 10

Вагон, в котором мы находились, состоял из четырех купе и большого проходного помещения, его я считал столовой, а Маша гостиной. Возможно, официально оно называлось как-то еще, но нас это не интересовало. Когда я пришел, там за накрытым столом уже сидела молодежь. Причем сервирован этот самый стол был весьма даже небедно, попросту говоря, ломился от блюд и бутылок. Учитывая скромность в еде Гоши, паническую боязнь разжиреть Маши и полную неразборчивость в кулинарных вопросах меня, это было странно.

— Что-нибудь празднуем? — спросил я, присаживаясь.

— Говорила же, что не помнит! — фыркнула Маша.

Я начал судорожно соображать. День рождения у меня в январе, у Маши в феврале, у Гоши, кажется, где-то в конце апреля, во всяком случае, именно тогда массовым порядком приходили поздравительные письма. Значит, еще какая-то дата... так, а когда это я на Зекарском шоссе во сне на чужом мотоцикле рулил, уж не год ли назад? Очень на то похоже.

— Сегодня исполнился ровно год с того момента, как я не умер, — подтвердил Гоша. — Тебе, конечно, никто не отказывает в праве на собственное мнение по этому вопросу, но мы с Машей считаем, что тут есть повод слегка попраздновать.

— Мне мама рассказывала, что во времена дядиной

молодости среди байкеров «слегка» означало в пределах поллитры на рыло,— сообщила Маша.— Если больше, это было уже «средне».

— Во-первых, тогда были не байкеры, а рокеры,— уточнил я,— во-вторых, твоя мама всего раз была с нами на шашлыках и то выпала в осадок с единственного стакана, а в-третьих, сейчас у меня возраст, печень и нажитое с годами отвращение к пьянству. Но слегка поддержать ваш банкет я не против.

— Тогда за организатора и вдохновителя наших побед — дядю Жору! — провозгласила Маша.

— Вот только их пока немного и какие-то они мелкие... — вздохнул Гоша.

— А по-моему, нормальные для года работы. Потом покрупнеют. Дядь Жора, а ты что молчишь?

— Селедку ем, не видишь?

— Мне кажется, что это форель,— заметил Гоша.

— Да? Вот и я тоже думаю, с чего бы это селедка так покраснела. А насчет побед — так главная, я считаю, уже одержана. Куда тут хвост деть? И где пепельница?

— Дядя, а может, не курить при Гоше?

— Да здоров я давно! Жора, продолжай.

— Так я и говорю, что главная победа — вот она, в честь нее мы сейчас и запиваем селедку шампанским. Кислятина, между прочим, я думал, тут лучше будет. Племянница, передай мне вон ту конечность, будь добра. А это желтое — хрен? Так вот я говорю к тому, что ты, Гоша, жив. И вполне даже здоров, как только что было сказано. И есть все основания полагать, что раньше старости ты не помрешь, сам собой, по крайней мере. Это и есть победа, без всяких шуток. Потому что в самом пессимистическом варианте, если все пойдет как шло, в семнадцатом году Николай отречется не в пользу Михаила, а в твою.

— Что в его, что в мою — отречение все равно будет

юридически ничтожным, при живом-то Алексее. Или...

— Не «или». Пусть живет, я что, против? А вот юридическая ничтожность — это будет в семнадцатом вещь совсем не абсолютная. Думаешь, не смог бы Михаил власть взять, если бы захотел? И ты сможешь. Главное, на шестом отделе не экономить. А желающих сыграть на «ничтожности» можно будет заранее вычислить. И слегка... того. Превентивно. Так что осталось нам еще совсем немного поработать, и обязательная программа, я считаю, будет выполнена. Так что давайте за шестой отдел!

— Кстати, а почему именно такой номер? — поинтересовался Гоша.

— Потому что Штирлиц в шестом отделе работал. А вообще-то мне как-то больше импонирует называть серьезные вещи несерьезными именами, и наоборот. Например, этажерка повышенной убогости называется «Святогор». Первый боевой самолет, который уже начал строиться — «Тузик». Самые серьезные люди в СБ — «шестерки».

— Не обидятся?

— Дополнительный тест на профпригодность — если обидятся, там таких дураков не надо.

— Вот что меня в связи с этим интересует, — задумчиво произнес Гоша, — скоро эсеры начнут массовый отстрел высших и средних чиновников. Как-нибудь предотвращать мы это будем?

От возмущения я чуть не промахнулся грибом мимо рта.

— Чтобы предотвращать, нужно сначала понять, что происходит! Ты же сам видел, многие считают — этот процесс инспирирован охранкой. Вот и надо разобратся, кем именно. А то допредотвращаемся до того, что Каляев вместо дяди Сережи тебя бомбой

приголубит. И вообще, я уже наелся, пить больше не хочу, так что спокойной ночи.

Я не стал им говорить, что считаю внедрение своего человека в охранку важнейшей задачей СБ. И если окажется, что она таки замешана в грядущей свистопляске, то действовать придется мне. Причем не в семнадцатом году, а гораздо раньше, и не намеками, а прямыми приказами. Не забыть в Инете про современные снайперские прицелы почитать, напомнил я себе. И насчет радиоактивных изотопов тоже надо уточнить — Валерка из Института кристаллографии с ними еще работает или как? Да и чем Ющенко травили, тоже интересно. Если, конечно, травили... Непочтатый край работы. Я вздохнул, опускаясь на диван в своем купе.

Утром поезд подъехал к границе, и мы избавились от своих ноутбуков, сунув их в портал, а то мало ли: проникнет еще какой-нибудь любопытствующий куда не надо.

Программа в Берлине была сокращенная, из-за того что нам намекнули на нежелательность демонстрации госпожой Островской новых веяний женской моды. В отместку мы сократили время выступления до минимума.

Только Гоша запустил мотор, как мне подали записку. Я сунул ее переводчику и с удивлением услышал:

— Граф Цеппелин просит господина Найденова принять его в любое удобное ему время...

— Что? Сам Цеппелин здесь?! Ваше высочество, глушите мотор, бургеры подождут. Что? Какой еще кайзер? Тут Цеппелина на аэродром не пускают! Пошли встречать.

— Что случилось? — забеспокоился один из местных организаторов.

— Вашего великого воздухоплователя, графа Цеп-

пелина, не пускают на аэродром! Я просто не могу лететь, не извинившись перед ним за это. И его высочество тоже не может, видите, вылезает из самолета.

Через пять минут недоразумение благополучно разрешилось, и вскоре мы с высочеством имели честь лицезреть Фердинанда фон Цеппелина. Граф оказался подтянутым господином чуть постарше меня, с роскошными усами и не менее впечатляющей лысиной. «Нормально, он совсем не запыхался, хотя по аэродрому практически бежал»,— подумал я и протянул руку:

— Приветствую вас, коллега. Ваше высочество, позвольте представить вам его сиятельство графа Фердинанда фон Цеппелина. Граф, а я — Найденов.

Рядом забубнил переводчик.

— Да, граф, вы случайно не говорите по-английски? Замечательно! У меня к вам предложение. После полетов мы безусловно с вами пообщаемся, но сейчас публика ждет и скоро начнет волноваться. Не хотите составить мне компанию в воздухе? Мой аэроплан двухместный.

С таким пассажиром я наплевал на наши первоначальные планы — летать невысоко и недалеко и сжег над Берлином почти полный бак. Кстати, я ожидал, что сверху немецкие пейзажи будут поражать строго прямоугольной геометрией, но фиг вам, картина с пятисот метров не сильно отличалась от российской.

Вечером Гоша с Машей отправились на прием, а я остался беседовать с графом.

— Я просто поражен управляемостью вашего аэроплана! — сразу сообщил он мне. Да, помню, я тоже поначалу был от нее в офигении, но сейчас уже привык.

— Ну от огромного корабля никто и не ждет такой вертлявости, как от маленькой лодки,— утешил его я. Еще бы, его первый дирижабль пару недель назад раз-

бился именно по причине полной неуправляемости.— И мне кажется, что моторы вашего воздушного судна были слишком слабы. Если вы будете строить новое, позвольте подарить вам пару моторов от моих самолетов — сорок лошадиных сил при весе в сорок килограмм.

— Подарить? — поразился граф.

— Конечно! — подтвердил я.— И если соберетесь организовывать акционерное общество для постройки дирижаблей, не откажетесь принять пайщиками нас с его высочеством?

Моторов на такое святое дело, как развитие дирижаблестроения в Германии, мне было не жалко. Да и вражеские разведки что-то совсем мышей не ловят, мы уже три месяца летаем, а у нас до сих пор ни одного самого захудалого чертежа не сперли.

В Париже прямо на вокзале нас ждала толпа зевак, которая все увеличивалась, и наш проезд к парку Сен-Клод сильно напомнил мне встречи космонавтов времен моей молодости. В самом парке царил неописуемый бардак. Наша охрана уже тянулась к кобурам, потому что несколько ударов по мордам особо настойчивых произвели впечатление только на них, а остальные продолжали лезть напролом — как в горбачевские времена на ларек с пивом. Потом какая-то сволочь скоммуниздила у меня сигареты, и, как апофеоз всему, прилетел Сантос-Дюмон на своем дирижабле. Увидев этот садящийся чуть ли не на меня пузырь с водородом, я с трудом поборол искушение немедленно завести мотор и улететь куда-нибудь подальше, пока тут все не взорвалось на фиг. Удержало меня только то, что деревянный воздушный винт не обладал достаточной прочностью и наверняка пострадал бы в процессе шинкования встречных зевак.

Наконец полиции удалось загнать публику в отве-

денные ей места, дирижабль оттащили в сторону и надежно привязали. Можно было начинать. Естественно, Сантос-Дюмона пригласили слетать пассажиром, и он уже начал отвечать комплименты Маше, говоря, что с такой прекрасной пилотессой он готов отправиться куда угодно. Пришлось отозвать его в сторону и шепотом предупредить, чтобы он еще в воздухе прыгал с самолета, потому как сразу по приземлении Гоша прикажет его четвертовать. Находящийся поблизости казак вовремя сделал зверскую морду лица, и притихший бразилец полез в мой аэроплан.

Памятуя о том, что предстоит сделать Сантос-Дюмону через год с небольшим (а именно: облететь во круг творений Эйфеля), я направил самолет прямо к Эйфелевой башне и описал два круга. По приземлении пассажир задумчиво сказал:

— Теперь мне абсолютно ясно, что будущее принадлежит аппаратам тяжелее воздуха.

Далее по накатанной схеме я и ему сосватал пару моторов, но на сей раз не даром, а по семь тысяч франков.

Следующим утром мы с Машей вылетели в Кале. От пятичасового полета у меня сначала заболела спина, потом седалище, а потом и продуваемые ветром колени, которые я не догадался чем-нибудь обмотать. Заранее приехавшая аэродромная команда занялась самолетами, а я с трудом доковылял до выделенного для отдыха домика и заявил, что ждать Гошу буду исключительно в горизонтальном положении.

Два дня мы занимались техобслуживанием. Заменяли один из движков, потому что к концу полета он начал подозрительно греметь. Проверили все, что можно, по три раза, совершили несколько подлетов. В перерывах я напомнил Маше, что Новая Зеландия — это британская колония и вполне могут встретиться

люди, знакомые с тамошними реалиями. Поэтому при любом проявлении интереса переводить разговор... ну, скажем, на Монголию, где ты якобы недавно была. Хоть что-нибудь похожее на монгольский язык ты знаешь?

— Елда, кирдык, тугрик... — не очень уверенно перечислила Маша. — И еще я умею посылать по-чувашски.

— Это пожалуйста, там, в случае чего, и на великом и могучем можно.

Наконец все было готово. Два паровых катера со зрителями и, на всякий случай, спасателями заняли свои места в Ла-Манше. Я обмотал колени шарфами, посмотрел, как взлетает Маша с Гошей за спиной, и дал команду запускать движок — пора и мне лететь.

Над Ла-Маншем была сильная турбулентность, этажерки нещадно болтало, но Маша пилотировала безукоризненно, и я, успокоившись, начал глазеть по сторонам — еще ни разу мне не доводилось летать над морем. Сразу обратил внимание, что корабли на воде гораздо заметнее, чем деревянные мишени на траве, по крайней мере днем. Потом Ла-Манш кончился, болтанка стихла, и через два часа мы наконец доползли до родного города Шерлока Холмса. Чтобы не затруднять аэродромную команду поиском места, мы сразу направили ее в Хитроу, и теперь ориентиром нам служила видимая издалека белая буква «Т» на зеленом поле. Зрители уже присутствовали, но в умеренном количестве и только в одном углу будущего международного аэропорта.

Мы сели. В отличие от Парижа тут все было чинно, к самолетам подошли только встречающие и поздравили с прибытием на землю Англии. Потом запустили репортеров, и Гоша выдал им заранее заготовленную фразу о том, что Бог отделил Англию от материка про-

ливом, а госпожа Островская с господином Найденовым соединили их своими аэропланами. Репортеры записали изречение и начали задавать вопросы. Через некоторое время их сменили офицеры — интересовались возможностью разведки с воздуха. Ага, смекнул я, допекли вас бурские засады! Недолго думая, пригласил спрашивающего самому оценить возможности аэроплана. Офицер перенес полет неплохо и после посадки даже сумел приблизительно описать наш маршрут. При прощании я сказал, что готов рассмотреть коммерческие предложения о продаже аэропланов, если таковые заинтересуют армию ее величества. Офицер спросил о цене. Я начал соображать. Значит, себестоимость такой игрушки около трех тысяч рублей. Комиссии Главного штаба я озвучил цифру в пятнадцать тысяч — ну должна же быть какая-то, хоть символическая, прибыль! А тут она должна стать даже не символической... сто тысяч запросить? Не купят, пусть буров с лошадой по закоулкам ищут. Или не наглеть? И что Гоша молчит, он же у нас финансист?! А, ладно.

— Восемнадцать тысяч фунтов за штуку¹.

Судя по виду офицера, загнул я крепко. Однако тот быстро справился с собой и сказал, что передаст мои предложения по инстанции. Гоша, глядя на мою коммерцию, тихо веселился.

— Сам-то чего не продаешь свои этажерки? — обиженно спросил я.

— «Ноблесс облидж» — слышал такие слова? — осведомилось его высочество. — Это дома я могу творить что хочу, а здесь нельзя ронять авторитет русского принца низким торгашеством. И что ты жалуешься — у тебя же замечательно получается!

¹ В те времена на такие деньги можно было купить неплохой океанский пароход.

Три дня в Лондоне прошли буднично. Я искал Бейкер-стрит, но не нашел, а потом в основном спал — единственный англичанин, с которым я хотел бы встретиться, Конан Дойль, сейчас был в Южной Африке. Гоша с Машей побывали на паре приемов — не королевских, в связи с болезнью Виктории их не было. А в общем, всем уже хотелось домой, в Россию.

ГЛАВА 11

Р-р-р-хлоп-хлоп-чих... Несчастный мотор наконец заглох. Последние два часа он, правда, толком и не работал, а мучился, но испытание надо было довести до конца. Мы с Густавом подошли к закрепленному на стенде испытываемому.

— Шестьдесят два часа! — с гордостью сказал Густав. — И еще четыре с потерей мощности. Смело можно вписывать в регламент пятьдесят часов до капремонта.

— Поздравляю! Думаю, теперь счетверенный вариант ждать осталось недолго, — предположил я.

Наш новый мотор представлял собой, собственно, два старых друг над другом с редуктором между ними, его называли «двойкой». Кроме того, был еще вариант, когда те же два спаривались последовательно, цилиндрами друг за другом. Две таких спарки вертикально и опять же с расположенным в центре редуктором называли «четверкой», но этот образец еще не был готов: восемь цилиндров мощностью в сто шестьдесят сил и весом сто сорок килограмм. Таков был конец нашей двухтактной программы, дальнейшие разработки предполагались только в области четырех тактов. Собственно, я потому и раздавал движки с такой легкостью, что их схема представляла собой тупиковую

ветвь развития. Ну вылизав конструкцию (а вылизывание процесс дорогой и долгий), можно, наверное, будет получить сил двести, а то и двести пятьдесят при мизерном ресурсе. И все. А получив прототипы, наши заграничные друзья по логике должны были теперь все силы бросить на совершенствование именно двухтактных двигателей.

Дальше мой путь лежал в заготовительный цех авиазавода. Собственно, заготовительным была только его четверть, дальше дорогу преграждала внутренняя вахта. Я показал пропуск. Изучив его, словно видел в первый раз, а не в сто какой-то, дежурный вернул картонку мне и дал команду открыть дверь. Я вошел в загцех-два. Тут в обстановке полной секретности собирались первые настоящие самолеты — сразу четыре параллельно. Три учебных двухместных и один боевой одноместный. Именно вокруг остова одноместного фюзеляжа кучковались два бывших студента, а ныне главные конструкторы — Миرون и Гольденберг.

— Неудобно залезать, — пожаловался Саша Миرون, выкарабкиваясь из кабины. — На бумаге как-то незаметно было, а тут видно — слишком низко центроплан, и мешают его подкосы.

— Ну-ка дайте я попробую... Нет, ребята, это вам неудобно, а мне просто мучительно. Так что придется с одной стороны вместо прямой рейки поставить фигурную деталь из фанеры, чтобы опустить борт миллиметров на двести, вот примерно такую. — Я быстро набросал рисунок. — А поднимать центроплан нельзя. Кстати, я вот что хотел сказать: закончите компоновку кабины, посидите там каждый часов по шесть — восемь, а потом подумайте, как сделать этот процесс менее похожим на пытку. Так с ходу какие-нибудь мелочи можно пропустить, а пилоты за вас потом распла-

чивайся.— Это я вспомнил свои страдания во время перелета Париж — Кале.— Кстати, надо в полу кабины предусмотреть лючок-писсуар и испытывать его на удобство пользования. Что смеетесь, начнут пилоты тяги управления или проводку обоссывать — какими словами они вас помянут?

Такой роскоши, как сначала полностью спроектировать самолет, а потом его построить, мы себе позволить не могли. Доводка мелочей и постройка производились одновременно.

Из заготовительного цеха я зашел в сборочный. Там все было нормально, «Святогоры» шли уже без каких-либо доработок, серийные. Армия заказала нам десять штук. Поторговавшись, пришли к выводу, что в цену аппарата, те самые пятнадцать тысяч рублей, входят подготовка пилота, летнаба и механика для каждого. Как раз скоро ожидался первый выпуск летной школы (обучение составляло пять месяцев), и можно было делать новый набор. Понятно, что все пилоты первого выпуска должны были стать инструкторами. С флотом велись переговоры о совместных учениях с реальной бомбардировкой какого-нибудь старого корабля в качестве мишени. В общем, дело шло к тому, что по крайней мере в России авиация начинала получать хоть какое-то признание.

Закончив обход, я отправился к себе в кабинет, пора прикидывать контуры нового самолета. По замыслу это было что-то вроде антоновской «Пчелки», только поменьше — двухмоторный подкосный высокоплан. По идее, этот аппарат на небольшое расстояние сможет нести полтонны бомб, а на приличное — килограмм триста. И сбросить их с пикирования, понятно, иначе он никому не нужен. Вот я и прикидывал, какая получается картина, если крыло крепить не на стойках, а просто положить сверху на фюзеляж —

создадут ли в этом случае подкосы достаточную прочность? Вроде выходило, что создадут. От расчетов меня отвлек секретарь, сообщивший, что ко мне посетитель, причем его фамилию я вроде недавно слышал.

— Запускайте.

Опа, на ловца и зверь бежит. Ко мне пришел бригадир с нервюрного¹ участка.

Я глянул в свой блокнот — да, он самый, Михеев Илья Андреевич. Он обратил на себя мое внимание, когда вдруг участок прекратил гнать брак. Более того, нервюры имели даже меньший разброс, чем требовала документация! Выяснилось, что свеженазначенный бригадир внедрил что-то вроде конвейера: каждый столяр делал одну-две операции. И еще он, помнится, говорил, что на склейку нервюр можно посадить женщин, так как они аккуратнее. Мне еще подумалось, что через некоторое время его можно двигать на повышение.

— Здравствуйте, господин Михеев. Я вас внимательно слушаю.

— Здравствуйте, господин Найденов. Тут вот какое дело... — Он слегка замялся. — В общем, я насчет оплаты труда наших женщин. Заранее прошу прощения, что лезу не в свое дело, но так нельзя. Они работают лучше многих мужчин...

— Если работают лучше, то, конечно, и получать должны больше. Какие конкретно цифры вы предлагаете?

Еще не кончив фразу, я понял, что говорю, похоже, не то — Михеев смотрел на меня с немалым изумлением. Я поинтересовался:

— В чем тут дело? Что, если они станут получать бо-

¹ Н е р в ю р а — элемент поперечного набора крыла самолета.

льше мужчин, это может вызвать... нежелательные настроения в бригаде?

— Так ведь они получают вдвое меньше! — выпалил Михеев.

«Вот те раз, какие интересные новости иногда приходится узнавать о своем заводе», — подумал я. Но ситуация наводила на некоторые размышления, оставалось кое-что уточнить.

— То есть вы, господин Михеев, считаете, что повышение оплаты поднимет качество работы ваших женщин? Количество ведь определяется не ими.

Михеев опустил глаза, но потом, видимо, решил:

— Нет, не поднимет. Они и сейчас работают так хорошо, как могут. Но... это несправедливо!

Ага, у человека есть чувство справедливости. Кроме того, есть организаторские способности и авторитет среди рабочих. Попробую-ка я экспромтом воплотить в жизнь одну свою задумку — ежу понятно, что на наших заводах, как и везде по России, скоро прорежется рабочее движение самых разнообразных толков. И раз уж это явление нельзя предотвратить, то, в соответствии с комсомольскими заветами моей юности, его надо возглавить. А потенциальный вожак — вот он, сам пришел.

— Скажите, господин Михеев, вам знаком термин «тред-юнион»? Или, если по-русски, «профсоюз»?

— Знаком, — насторожился он.

— Тогда подумайте вот о чем. Вопрос с вашими женщинами мы решим прямо сейчас — то есть вы скажете, сколько им надо платить, и я распоряджусь. Но это ведь не единственная... говоря вашими словами, несправедливость на нашем заводе. И администрация про многие такие вещи может просто не знать. Кроме того, эта администрация еще может считать, что так и надо — возможно, ошибочно. В принципе любой ра-

ботник завода имеет возможность записаться ко мне на прием и, придя, начать качать права. — Михеев недоуменно поднял брови. «Следи за речью, осел», — мысленно сказал я себе. — ...Может, но, скорее всего, не придет. Однако если явится хотя бы каждый десятый, у меня просто не хватит времени выслушать всех — раз, и их пожелания будут противоречить друг другу — два. Вы согласны?

— В общих чертах да...

— А отсюда вывод — нужен какой-то орган для защиты интересов рабочих перед администрацией. И лучше, если рабочие его сами сформируют, их же интересы, в конце концов. Например, тот самый профсоюз.

— И вы допустите появление такой организации на вашем заводе?

— Что значит «на вашем»? Мы делаем самолеты для России. Повторяю — мы! Вы вкладываете свой труд. Я — знания. Великий князь Георгий — деньги и связи. И противостояние звеньев этой цепи друг другу ни к чему хорошему не приведет. В общем, подумайте. Надумаете — дайте знать.

После ухода Михеева я вызвал одного из сотрудников шестого отдела.

— Значит, так. На заводе организуется профсоюз. Скорее всего, бригадир Михеев это сделает. Вам предстоит... э-э-э... курировать этот процесс. Наверно, для вас в заводоуправлении введем должность — секретарь по трудовым вопросам или еще как, сами подумайте. Задач две: первая — приглядывать за этим профсоюзом, чтобы его деятельность не вышла за конструктивные рамки, вторая — обеспечить ему отсутствие конкурентов. Если оные возникнут сами, внутри завода, то действовать мягко, но они должны в конце концов влиться в михеевскую структуру. А вот

любые попытки извне организовать что-то подобное должны пресекаться жестко. То есть если окажется, что какой-нибудь заезжий агитатор не был в тот же день избит до полусмерти возмущенными рабочими — я этого не пойму. Да, вот еще что. В процессе сотрудничества с приезжими эти самые рабочие могут поиметь неприятности с полицией. Значит, нужно заранее озаботиться знакомствами в данной конторе. Ну и все неприятности будут тут же материально компенсированы, это понятно.

Вечером я еще поразмыслил на данную тему. Какие другие неприятности могут идти снизу? Наверное, которые с национальным привкусом. Насколько я помнил, в России бузили в основном поляки и евреи. Ладно, евреев как-то можно понять, черта оседлости и прочие подобные вещи не способствуют впадению в нирвану, но поляков вроде никто особенно не притеснял. Я сделал еще пару пометок: выяснить, есть ли сейчас какая-нибудь дискриминация поляков, и если нет, то при малейшем намеке на попытку организовать делать оргвыводы; узнать, есть ли на заводе евреи, а коли найдутся — намекнуть, что при желании можно создать что-то вроде ма-аленького такого Бунда¹.

Закончив с планами по отбиванию хлеба у борцов за освобождение труда, я взял ноутбук и, вздохнув, принялся читать статью про лечение тифа. Будем надеяться, что в результате моей терапии Николай не помрет, а то неудобно получится. Весь остаток вечера я пытался, продираясь сквозь медицинские термины, понять — при каком течении болезни левомицетин следует заменять бисептолом и коим боком тут оказался преднизолон, который вообще-то вроде как

¹ Б у н д — еврейская социалистическая партия, действовавшая в России, Польше и Литве с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века.

мазь от нарывов. Нет, пожалуй, всякие сильнодействующие, да еще и незнакомые препараты больному Николаю лучше не подсовывать. Поливитаминов ему надо дать, от них точно вреда не будет. Тут меня осенила еще одна околomedicalная идея. Вот, предположим, приехал на завод какой-нибудь агитатор, неважно от кого, и его согласно моим указаниям надо бить. А если он будет женского пола, такое случалось, тогда что?

Я сделал в склерознике еще пару записей: «Посмотреть насчет сильнодействующих слабительных; поискать что-нибудь химическое, чтобы от него прыщи пошли по всей роже и долго не сходили».

На следующий день из Москвы, где он вел переговоры с англичанами, приехал Гоша.

— Берут, — сообщил он, — две штуки. Но не «по», а за восемнадцать тысяч, с ценой ты загнул. Я вообще удивляюсь, как они и два-то за эти деньги взяли.

— Самому надо было коммерцию вести, — отгрызнулся я. — Учти, если и со штатовцами мне придется решать финансовые вопросы, я им сразу миллион назначу. У меня случаются иногда приступы неконтролируемой алчности, чтоб ты знал.

— Ладно, посмотрим. Возвращаясь к англичанам, сюда на днях пять человек от них приедут, на предмет обучения полетам. Я сказал, что за месяц научим.

— Одного.

— Почему?

— Потому что мне, во-первых, лень. Во-вторых, если умеющих летать будет два или более, они смогут одновременно и проводить войсковые испытания, и готовить своих пилотов. Не фиг, пускай по очереди этим занимаются.

— Я вообще-то уже пообещал...

— Ну и что? Не ты же их будешь готовить. А я ска-

жу, что из этих пяти к полетам способен только один, остальные бездари, рожденные ползать. И кто оспорит мнение одного из двух лучших пилотов? Начнут возникать — привлечем Машу, она им объяснит, что таких, как они, все пятеро, к аэроплану вообще подпускать нельзя, и дальше комментарии в ее стиле.

— Кстати, хотел спросить: почему у тебя такие разные подходы? Англичанам втридорога, а Сантос-Дюмону за разумные деньги. Про Цеппелина не спрашиваю, тут все ясно, пусть дирижабли ваяет.

— Потому что Сантос-Дюмон — талантливый инженер, ему в принципе хватит того, что он и так увидел. Такому заломить цену — еще сам чего-нибудь изобретать начнет. А у англичан сейчас никого подобного нет. И они помнят небось, какое им недавно Максим позорище вместо самолета построил — за ничуть не меньшие деньги, кстати. Так что получают они нашу этажерку и начнут себе ее копировать. А я еще их ученика напугаю до полусмерти — опущу нос чуть ниже обычного, тогда нас на первой же воздушной яме так дернет вниз, что мало не покажется. И потом на земле буду дрожащим голосом рассказывать, что самолет может летать только носом по горизонту! Чуть опустишь — сразу гроб.

— В заботе о ближнем основное — не перестараться, — философски заметил Гоша. Уже собираясь уходить, он вдруг спохватился: — Тьфу ты, чуть самое главное не забыл. Знаешь, что мы с Машей изобрели? Ни за что не догадаешься!

— Неужели прокладки?

— И субъект с таким уровнем фантазии пытается открыть человечеству дорогу в небо... Ладно, помогу. Мультипликацию!

— А чем она принципиально от кино отличается?

— Гораздо проще. Не нужно съемочной камеры.

И главное — можно обойтись без пленки! Маша рисовала тушью на бумажной ленте, потом ленту покрыли парафином — и все. Мы в Москве знакомым показали — полный восторг.

— Что-то мне кажется, что такую штуку Эдисон изобрел лет десять назад, — с сомнением сказал я, — хотя... Кажись, идея. Помнишь, мы хотели устроить бомбометание по настоящему кораблю? Но корабль может выделить только твой дядя, это который гибрид генерала с адмиралом. И чтоб дяде лучше думалось на эту тему, подари-ка ты ему такую игрушку, а Машу попросим нарисовать несколько мультиков порнографического содержания. Он же не только обжора и пьянь, но еще и бабник каких мало, так что должно понравиться. Глядишь, после этого и по поводу пароходика будет попроще договориться.

— Вот люди стараются, изобретают... Затем художник мучается, ночей не спит, все думает, как донести до зрителя свое видение прекрасного. А потом приходит такой, вроде тебя, — и зритель получает свою долгожданную порнуху.

ГЛАВА 12

Как там у нас насчет обеда? Я достал из кармана часы-луковицу и в очередной раз чертыхнулся. До крайности неудобное устройство, да еще и заводить надо регулярно, а я опять забыл. Ладно, судя по солнцу, пора. Я сел на мотоцикл и потарахтел к резиденции великого князя.

— Немножко рано, — заметил Гоша. — Или аппетит прорезался, нет сил терпеть?

— Часы опять встали. Чуть забудешь завести — и

стоят, собаки. И вообще, почему у вас тут наручных часов не носят?

— Потому что их еще нет. Но это ты вовремя подал идею, я тут как раз обдумываю новшество.

Гоша подал мне папку. На титульном листе значилось:

*Проект
Георгиевское оптико-механическое объединение*

Секретно

Я заржал, потом, в ответ на вопрошающий взгляд Гоши, уточнил:

— Все хорошо, особенно название... Проект «Гомосек» — это звучит!

— Тьфу на тебя, ты дальше читай.

— Так, некоммерческая часть — прицелы, механические вычислители, авиафотокамеры, таймеры... да, пора. Коммерческая — кинофотоаппаратура, часы... Организация собственной киностудии... Как называться будет — «Г-фильм»?

— А хотя бы. Кроме тебя, все равно никто таких аналогий проводить не будет. Блин, вот ведь, с кем поведешься, раньше бы мне и в голову не пришло задуматься, от какого слова происходит «аналогия».

— Растешь над собой, хвалю. И значит, наручные часы тоже сюда? Патент пусть Маша не забудет, ведь золотое дно. И кстати, их можно делать с автоподзаводом — от тряски через храповик какой-нибудь рычажок с грузом будет подкручивать пружину.

— Ладно, наручные часы внесем в программу. Дальше прочитал?

— Ага. Значит, радиомастерскую убрать с авиазавода и перевести в новое объединение... логично. Там же производить моторную электрику. А с чего стеклофабрика окажется аж в Лыткарине?

— Там песок нужного качества. А возить сюда заготовки несложно, объемы небольшие.

— Читаем дальше. Химзаводы один и два, так, первый... целлулоид — это пленка и линейки всякие, на втором — реактивы, только объемы уж очень внушительные. Значит, смотрим сырье — азотная и серная кислота, толуол, глицерин, аммониевая селитра... а, понятно, что там за реактивы. Свинец, натрий тоже есть... Этот где-то в стороне будет?

— На правом берегу Нары, в пяти километрах выше Георгиевска. Надо туда железнодорожную ветку проложить.

Я еще полистал бумаги, повнимательнее, потом еще...

— Гоша, я совсем ослеп на старости лет или у тебя тут действительно нет ни полслова про патефоны?

— А это еще что такое?

— Тот же граммофон, только поразумней сконструированный.

— Нет... и граммофонов тоже нет.

— Ну вы даете... Ладно, ты с гор еще года нет как спустился, но Маша-то куда смотрела? Как можно двигаться в светлое будущее без патефона — народ не поймет. Значит, вот соберусь в две тысячи девятый, раздобуду образец, а вы уж заранее внесите его в программу. И над репертуаром надо подумать, песен там героических про летчиков и прочих насочинять. Или наадаптировать, если быть точным.

— Все-таки я до сих пор удивляюсь, сколько разных слов придумано в вашем времени для обозначения воровства! — Гоша взял папку, сделал несколько пометок и отложил. Потом вздохнул и поинтересовался: — Не подскажешь, ты когда более добрый — до обеда или после?

— Во время. До — особенно если голодный —

могу послать, чтоб не откладывать процесс насыщения. А после обеда мне спать хочется, а не исходить добротой. А вообще в чем дело?

— Да просьба у меня одна есть, личного характера. Пошли, там уже стол накрыт, вот в процессе и изложу.

Пока я ел первое, Гоша внимательно наблюдал за мной, видимо пытаюсь на глаз определить момент моего максимального подобрения. Похоже, у него ко мне что-то важное, совсем шуток не понимает!

— Ну ладно, не томи, что там у тебя?

— Такое имя — Антон Павлович Чехов — тебе знакомо, надеюсь?

Вот оно в чем дело, Гоша, значит, решил внести коррективы в его судьбу. А насчет «знакомо» — да. Только вот читать его с удовольствием — увы, это мне не дано. Дело в том, что в моей далекой юности он был в программе по литературе. Тогда ее преподавали не как сейчас. Вон Маша имеет пятерку, и что учила, что нет — в голове ничего не задержалось. В наше время было не так — нам преподавали на совесть, так что глубокую неприязнь ко всем изучаемым писателям я пронес через всю жизнь. Сейчас мне иногда даже обидно — ладно там Толстой или Фадеев, но Чехова-то с Достоевским какая сволочь в программу засунула?!

А подлечить Антона Павловича — дело святое, только не как Гошу, в двадцать первый век ему нельзя. Он же писатель — каково ему будет молчать? Не факт, что сможет. Но у него вроде пока еще все не так запущено, сходит разок через портал, думая, что в соседнюю комнату, потом стрептомицина примет — глядишь, полегчает. Или даже не сходит, а мы его сносим, предварительно угостив снотворным. И пусть в благодарность еще одну «Каштанку» напишет, только желательно про летчиков!

Примерно так я Гоше и сказал.

— Я в тебе и не сомневался! — обрадовался он.

А я начал мысленно прокручивать возможные последствия этого дела. Чехов — врач, и принципиальное отличие действия антибиотиков, скорее всего, поймет. И их значение тоже. А значит, этим надо пользоваться, то есть фармакологическую фабрику начинать создавать уже сейчас. Политику еще надо продумать...

— Раз уж мы будем светить антибиотики — ну не брать же с Антон Палыча обет молчания — нужно в темпе организовать лабораторию, — продолжил я. И патентовать, причем не состав или, упаси господь, способ получения, а только название и свойства. Как бы это обозвать... георгит... георгиум... да, пожалуй.

— А почему бы пенициллин не назвать пенициллином?

— Гоша, ты покушай, — ласково предложил я, — а потом подумай, не надо совмещать процессы. Его же получают из грибка «пеницилум рубрум», нельзя же прямо в названии так засвечивать способ получения!

— Слушай, а разве это допустимо — держать в секрете такое лекарство?

— От потенциальных противников? Кому надо, пусть заключает с Россией договор о ненападении лет на двадцать пять, причем жестко составленный, будем поставлять антибиотики по разумным ценам. Остальным — по десять тысяч рублей за грамм!

— Ох и спекуляция начнется...

— Это ты правильно заметил насчет спекуляции. Значит, надо в договор вносить еще беспрепятственную работу наших спецслужб по пресечению оной на территории страны-покупателя.

— Думаешь, хоть кто-нибудь согласится?

— Думаю, нет. Но в случае войны с наших самолетов полетят листовки примерно такого содержания:

вот вы тут мрете по госпиталям, а ведь любого мог бы спасти грамм георгиума! Но ваше правительство отказалось его приобретать, потому что мы предлагали контроль, а им хотелось нажиться. И ведь как нажались, суки, вы только посмотрите! Ату их, гадов жирных, и мы завалим вас лекарствами, причем на халяву!

Над нами протарахтел мотор. Я глянул в окно — точно, Маша прилетела. Последнее время по маршруту Георгиевск — Москва на поезде она ездила только в дождь. Гоша выскочил встречать.

Через двадцать минут (это при том, что Маша садилась прямо под окнами, игнорируя аэродром) молодежь появилась в столовой.

— Дядя Жора, специальный заказ выполнен! — отдав честь, отрапортовала племянница. — Мультфильм «Белоснежка и семь гномов» готов! Цветной и пятисерийный, между прочим. Вечером — премьера. Детей до восемнадцати (она стрельнула глазами в Гошину сторону) даже близко подпускать нельзя! Художники — и те краснели, картинки раскрашивая.

— Вот и замечательно, — кивнул я, — а тут еще одна работенка по художественной части есть. Мы вот задумали антибиотики выпускать, и на упаковках, понятное дело, должен быть Гошин портрет. Его надо изобразить так, чтобы ни у кого и тени сомнения не возникло: если есть на свете идеал мудрости и доброты, то вот он! И чтоб еще похоже на оригинал было.

— Думаешь, получится? — усомнился Гоша.

— Дорогой, ты к себе несправедлив, — заметила Маша. — И ко мне, кстати, тоже. Конечно, получится! Я так понимаю, нужно несколько вариантов под разные способы печати?

Оставив высочество и племянницу обсуждать детали портрета, я направился к себе, на послеобеденный

отдых, и заодно обдумать только что обсужденное. Значит, вылечим Чехова. Через некоторое время к известности Найденова-инженера добавится известность Найденова-врача. Это хорошо или плохо? Или, точнее, как сделать, чтобы это стало хорошо?

Начнем с самого верха. Что известно Николаю? Что его брат у себя на Кавказе нашел старца сверхмощной целительской силы. Одновременно неизвестно откуда там же появился инженер Найденов с племянницей, самолетами и мотоциклами. Теперь выясняется, что он еще и врач весьма не из последних. Выводы? Ну ей-ей этот инженер как-то связан со старцем!

Даже если Николай и такой дурак, каким он выглядит в своих дневниках, то уж Алиса-то именно этот вывод сделает точно, если еще не хуже. А значит, надо честно и откровенно заявить, что я — сын? племянник? — нет, пожалуй, лучше внук старца. Точно, внук, которому оный старец и передает помаленьку свои безграничные знания. Кстати, надо слегка подкрасить волосы, чтобы народ успел привыкнуть к тому, что Гошин зам уже не седой. А старец, наоборот, бел как лунь и без очков. Будем надеяться, что такого различия хватит.

На следующий день мы разбежались по городам и временам. Гоша отправился в Питер презентовать дяде-адмиралу шедевр киноискусства. Маша — в Москву девятисотого, продолжать крепить нашу финансовую мощь. Я — в Москву две тысячи девятого за патефоном и информацией о пенициллине.

Патефон я приобрел быстро, а вот по поводу антибиотиков поначалу вышел тупик. То, что я нашел по этому поводу в Интернете, четко делилось на две части. Первая была мне просто непонятна. Вторая понят-

на ровно настолько, чтобы сделать вывод о практической невозможности развертывания такого производства в Гошином мире. Решение, как это часто бывает, нашлось неожиданно и совсем не там, где искалось.

Как я уже вскользь упоминал, до встречи с Гошей на жизнь я себе зарабатывал ремонтом и тюнингом двухколесной техники. И вот мне позвонил один из старых клиентов и, посмеиваясь, сказал, что его батя совсем сбрендил и на старости лет возжелал скутер. «Можно, конечно, пойти в магазин и купить,— продолжил клиент,— но я могу себе позволить подарить батю нечто получше среднего. Возьмешься ему по спецзаказу сделать?»

Мне, честно говоря, было несколько не до этого, но потом я вспомнил, что клиент как-то завязан в медицинском бизнесе. И вроде он говорил, что это у него потомственное. Быстро выяснилось, что мечтающий о скутере старикан всю свою трудовую жизнь был фармацевтом, причем именно по антибиотикам. «Батя учился у самой Ермольевой»,— с гордостью сказал клиент.

В общем, через день фармацевт, сильно напоминающий постаревшего лет на десять Цеппелина, уже объяснял мне, какой именно скутер ему хочется. На самом деле было несколько не так — я наводящими вопросами подвел его именно к той конфигурации, которая не представляла особой опасности для него и особой трудности для меня, и теперь слушал пересказ своих же неявных предложений. Мы быстро сговорились. Он, разумеется, получит свое транспортное средство. Тут я сделал отступление и наплел о своей любви к истории техники. Мол, у меня хобби — сделать что-то так, как могли сто или более лет назад. Как пример я показал несколько фото «Святогора», в том числе летящего, сказав, что вот — сделал самолет по

технологиям конца девятнадцатого века. Фармацевт проникся и восхищенно зацокал языком. А теперь, продолжил я, мне вот захотелось попробовать произвести, например, пенициллин, опираясь на технологии того же примерно времени. В общем, очень довольный знакомством фармацевт обещал написать подробное руководство по лабораторно-кустарному производству, разжеванное по шагам.

За неделю я на базе стандартного скутера собрал фармацевту желаемое, а он написал мне руководство и как первоисточник приложил отсканированную статью некоего Бергера про получение пенициллина.

А потом я шагнул из гаража в Георгиевск, куда за день до меня из своего питерского вояжа вернулся Гоша.

— Ну здравствуй! — сказал он мне. — Твой чемоданчик — это и есть тот самый знаменитый патефон?

— Ага, вот, слушай.

Пружина была уже заведена, я открыл крышку, поставил пластинку и опустил на нее штангу с иглой. Патефон зашипел, заёкал, а потом громко и хрипло заиграл «Болеро» Равеля. Сунувшаяся было ко мне кошка возмущенно фыркнула и ушла. Гоша с подозрением смотрел на надрывающийся ящик, Маша чуть не валялась на полу от хохота.

— Я представлял себе несколько более качественный звук, — осторожно сказал Гоша.

— По сравнению с mp-3 плеером действительно не фонтан, но ведь тут сейчас ничего другого вообще нет. И потом, пластинка довольно заезженная, с новой должно быть малость получше. Так что вот вам образец, копируйте и начинайте гнать культуру в массы.

— А я-то собиралась под гитару петь... — разочарованно протянула Маша. — Но с такой звукозаписью я не согласна, подожду лучше магнитофона.

— Ничего страшного, Шаляпин небось не хуже тебя споет и привередничать не будет, — утешил я племянницу. — Ужин у вас тут скоро будет?

После еды Маша пошла пострелять, а Гоша сказал, что у него есть несколько мыслей по радиоуправляемым катерам-камикадзе.

— Ну-ну, интересно... На словах будешь делиться или у тебя уже на бумаге что-то есть?

— Пошли ко мне, покажу.

В кабинете Гоша открыл сейф (удалось-таки мне отучить его держать бумаги на столе) и протянул мне несколько рисунков. Надо сказать, что изображенное на них очень мало напоминало катер. Гораздо больше это было похоже на две торпеды, соединенные отрезком тонкого крыла, наподобие шверта у яхты. Нижняя имела винт и руль, верхняя, вдвое тоньше и несколько короче, была снабжена двумя мачтами.

— Так, это, значит, в нижней колбасе у нас мотор, оборудование, взрывчатка... — начал соображать я. — Плавучесть у нее отрицательная. А верхняя пустая?

— Там пробка.

— Мачты — это чтоб натянуть антенну и для забора воздуха?

— И еще чтобы со стороны было проще определить курс и расстояние.

— Да, пожалуй, это будет лучше обычного катера. Во-первых, сама мишень получается раза в три меньше, а во-вторых, дырки ей ничем не повредят, чтобы утопить, ее придется разорвать в клочья. Думаю, надо модель сделать, примерно один к десяти, посмотреть, как плавает и как управляется. Тем более что на Оке как-то многовато всяких браконьеров развелось...

ГЛАВА 13

Через неделю Гоше пришел пакет из адмиралтейства — официальное решение об опытных бомбардировках боевого корабля, устаревшего броненосца «Петр Великий».

— Пора готовиться, — предположил Гоша.

— Только перед этим желательно решить к чему. Тут вот в чем дело, я ведь работал в оборонке и знаю, что любая демонстрация новой техники всегда имеет элементы показухи. Вот нам и надо заранее прикинуть ее процент. И направление, кстати, тоже.

— Опять какую-то пакость задумал... — обреченно вздохнул Гоша. — Ну давай уж, выкладывай.

— У нас два варианта: либо преуменьшить, либо преувеличить возможности самолетов.

— Вариант показать их как есть ты даже не рассматриваешь?

— Разумеется, там же всяких военных атташе будет как грязи. Так что выбирать придется только из двух.

— Ладно, пусть мы создадим у зрителей преувеличенное представление об опасности бомбардировок с воздуха... — задумался Гоша. — Тогда наш флот увеличит закупки, а заграничные друзья форсируют работы по созданию своей авиации. Пока плюсы и минусы уравниваются. Дальше. Обе стороны сделают вывод об усилении противовоздушной обороны судов. Но наши оппоненты наверняка успеют раньше и, боюсь, сделают это лучше. Минус.

— Вот и я тоже думаю, что сильного впечатления производить не надо. Значит, прицелы-транспортиры снимаем, пусть между ног наводят. Я не полечу, пожалуйста, а то вдруг попаду. Бомбы набить черным порохом.

— Совсем-то уж явные поддавки ни к чему, — возразил Гоша. — Набьем динамитом, все равно скорость

падения будет мизерной. И чтоб хоть кто-то попал, пусть Маша летит.

— Ну это понятно, ей пропустить повод покрасоваться на публике никак нельзя.

— Вес бомб... Я думаю, взять килограмм сто...

— Не фиг, еще навернется кто-нибудь на взлете, пилоты у нас — одно название. — Мысленно я прикинул допустимый вес. — Не больше восьмидесяти. Хотя тому же казачонку или Маше можно и сто двадцать — сами легкие, летают хорошо. Вот только надо ли?

— Думаю, надо. Не годится, если кораблю вообще не будет нанесено вреда. И еще, мне кажется, для нас главное — создать впечатление, что для обороны от самолетов достаточно пулемета на станке, позволяющим направить ствол вертикально вверх.

— Ага, значит, скорость пусть снижают не прямо над кораблем, а метров за триста и так и ползут к нему на сорока пяти. План учений кто писать будет?

— Ты, конечно, — ехидно повелел высочество.

— Ну ладно, я напишу. Вот уж букв не пожалею!

— А я все твои непечатные буквы отредактирую, не волнуйся.

Гоша уже собрался уходить, но задумался.

— Если бы нам надо было преувеличить эффект бомбардировки, — неуверенно начал он, — то можно было бы... Слушай, а место открытия портала — оно привязано к географическим координатам или к окружающей обстановке?

— Ваше высочество, — торжественно сказал я, — вы гений. Разумеется, против «Петра» мы ничего такого применять не будем, но проверить надо. Пока развалюха будет стоять в порту, откроем портал у нее в трюме. А когда она поплывет, повторим операцию еще раз и посмотрим, куда получилось... Тогда в случае удачи придется тебе в Японию съездить — меня, боюсь, на

новейший броненосец не пустят. Хотя какая, в задницу, Япония — «Микаса» же сейчас в Англии достраивается! — Гоша хлопал глазами. Пришлось разжевать: — Вот приехал ты в Англию, самолеты привез. Попросил устроить экскурсию на достраивающийся броненосец. Заходишь в то место, где потом будут лежать заряды к главному калибру. Я в это время сижу в гараже, жду. Ты выбираешь момент, когда никто не смотрит, и мы открываем портал. Для подстраховки так, чтоб он еще твоим телом был прикрыт. Все, после этого мы в любой момент сможем вдвоем из гаража открыть дыру в эту посудину. А какого конкретно числа и какого года наступит этот «любой момент», видно будет. Только сначала на «Петре» потренируемся.

— Но ведь так можно будет у них весь флот утопить...

— Ага, так тебя и пустили на «весь флот». Хорошо, если удастся один-два кораблика пометить. А вообще, возвращаясь к насущному, пора в Кронштадт команду посылать для подготовки аэродрома. И домик для нас с тобой неподалеку снять или быстренько построить, чтоб было откуда по порталам шастать без привлечения лишнего внимания.

— Про домик я и сам подумал. А что с летной школой, кто будет курсантов по небу выгуливать?

— Никто. У нас всего шесть летчиков и еще три курсанта, которых можно взять в Кронштадт. Остальные поедут в Москву, лекции Жуковского послушают. Ой, ё... Из этих троих же один англичанин!

— Джефф? Тот паренек, которого ты выбрал из их кандидатов?

— Он самый. И летает, учитывая, что только начал, очень неплохо. Кстати, как его фамилия?

— Сейчас... де Хэвиленд.

— Вот те раз! Причем по возрасту похоже, что тот самый.

— Можно пояснее для местных? — поинтересовался Гоша.

— Джеффри де Хэвиленд, один из первых и лучших английских авиаконструкторов. А теперь наверняка будет и первым, и лучшим. Если не разобьется, конечно.

— Надеюсь, ты помогать не собираешься?

— Интересная мысль, — начал было я, но, увидев, как напрягся Гоша, махнул рукой. — Да шучу я, шучу. Не хватало еще за просто так восемнадцатилетних пацанов гробить. И давай действительно возьмем его в Кронштадт, хрен с ним, что он англичанин. Типа выпускного экзамена, он же по сокращенной программе учится.

— Если мы возьмем его в Кронштадт, он поучаствует в реальной бомбардировке, — заметил Гоша. — Если не возьмем, он вместе с оставшимися курсантами будет слушать лекции Жуковского. Что хуже?

— Конечно, лекции. Так что курсант де Хэвиленд однозначно будет бомбить «Петра Великого». А потом — сразу домой, хватит, насмотрелся он уже здесь на наши достижения.

— Ладно. Тут у меня к тебе еще вопрос появился. Помнишь, мы говорили про модель двухэтажной торпеды? Я нарисовал эскиз, и мне такую сделали, совсем маленькую, деревянную, с резиновым моторчиком. Но что-то с ней не так, не желает она нормально плыть. Сначала ныряет, потом выскакивает из воды, плюхается набок и крутится на месте, пока завод не кончится.

— Показать можешь?

Через полчаса мы были на берегу Нары, и я вертел в руках модельку. Две деревянные сигары, в нижней кроме резиномотора явно имелся еще балласт. Сза-

ди — рулевое перо, по бокам — съемные рули глубины, как у подлодки. Верхняя секция — пустотелая, липовая.

— Я подумал сначала, что дело в отсутствии рулей глубины,— пояснил Гоша,— но с ними стало только хуже.

Посмотрим... Я завел резинку и запустил модель. Она проделала именно те манипуляции, которые мне были описаны. Тогда я направил ее носом вниз. Она нырнула поглубже, но быстро всплыла и проделала те же финты. Запуск носом вверх привел только к тому, что модель, пару раз подпрыгнув, стала ложиться на бок и крутиться без предварительного занырявания.

— Ну-ка прикинем...

Я быстро набросал схему, расставил векторы сил, потом очень приблизительно рассчитал их величины. После чего вынужден был прокомментировать полученный результат на разговорном диалекте великого и могучего.

— А почему мы именно чудачки на букву «м»? — растерянно спросил Гоша.

— Потому что судно может устойчиво находиться на границе двух сред только тогда, когда гидродинамическая выталкивающая сила много меньше веса. А она пропорциональна квадрату скорости. То есть быстро плыть могут только тяжелые суда. Легкие будут или глиссировать, или нырять. Нырять нельзя, под водой радиоволны гасятся. Глиссировать тоже нельзя, слишком заметно и на любой волне перевернешься. Для тонны максимальная скорость получается в районе тридцати километров в час.

— Выходит, вся затея с радиоуправлением — химера? — огорчился Гоша.

— Да не с радиоуправлением, а с катерами-ками-

кадзе. А радиоканал не пропадет, подумаем, как его в диверсионном деле использовать.

Крейсер «Светлана», который дядя генерал-адмирал¹ беззастенчиво использовал в качестве личной яхты, медленно плыл по Финскому заливу (это я думал про себя; скажи я слово «плыл» вслух, находящиеся рядом морские офицеры вполне могли бы и выразить свое отношение ко мне действием).

Дядя Алексей, Гоша и прочие высокие шишки были наверху — не знаю, именно эта площадка называется мостиком или нет. Мне было несколько не по себе. Дело в том, что по морю я плавал второй раз в жизни. Первый — из Англии в Питер, и я помню, как всю дорогу мне не давала покоя мысль: что делать, если вот сейчас посудина начнет тонуть? Причем вопреки логике в каюте мысль почти пропадала, особенно с занавешенным иллюминатором. Но сейчас я был на палубе.

В двух километрах от нас застыл броненосец «Петр Великий». Кстати, эксперимент с порталом увенчался успехом — он открылся именно в трюм, когда «Петр» вышел в море. Я тогда еще взял палку колбасы, дернул ее за шнурок с биркой и бросил в темную дыру портала. Остальным и лимонки не пожалею, пояснил я свои действия Гоше.

Со стороны берега послышался треск моторов — приближались самолеты. Скоро над нами пролетело первое звено — три курсанта и Мишка-казачонок в качестве лидера. Второе вела Маша. Вот казачонок навел свое звено на корабль и свернул — по плану, командиры должны были бомбить последними. В атаку пошел де Хэвиленд. Грамотно, и не скажешь, что

¹ Генерал-адмирал — высшее воинское звание в российском императорском флоте.

всего месяц, как летает. Он увеличил угол, бросил бомбу... вот ведь гадство, попал! В самый кончик носа, который просто исчез во вспышке взрыва. Следующий промазал. Но третий опять попал, да что же за невезуха! Бедный корабль лишился трубы и задней части надстройки. Казачонок закончил круг и показал класс. Я уверен, что он целился именно туда, куда попал! Теперь вместо и до того поврежденного носа ветеран имел какой-то тупой обрубок. Начал разгораться пожар, и тут налетела Маша со своим выводком. У нее тоже промазал только один. На корабле уже горело все, что можно, и Маша развернулась на боевой курс — вносить завершающий штрих в картину. Ведь утопит же сейчас бессердечная девка старика! Мне было до слез жалко первый русский броненосец.

Мощная бомба племянницы, похоже, сквозь развороченную палубу попала в трюм. Взрыв был глухим, но «Петр» начал крениться набок.

— Что там сейчас творится? — оторвался от бинокля один из морских офицеров. — Эти ваши аэропланы, господин Найденов, надо расстреливать заранее. Опасная вещь. Вот только как же быть с Гаагской конвенцией тысяча восемьсот девяносто девятого года?

— Вы имеете в виду, что по ее условиям запрещается бросать бомбы с воздушных шаров и им подобных аппаратов?

— Вот именно.

— Так у самолета нет ничего общего с аэростатом — принцип полета совершенно другой. А математически шару подобен эллипсоид вращения, на который совершенно непохожа наша этажерка. Тогда уж надо и шрапнельные снаряды запрещать. Летит себе снаряд по небу, прилетает куда надо, и на противника сыплются осколки. Аэроплан тоже летит, тоже прилетает, тоже что-то разбрасывает. В чем разница? Вот с воз-

душных шаров, согласен, бомбы бросать нельзя. Нам нельзя, противник пусть себе делает что угодно, ибо это глупость.

Поврежденный броненосец держался на воде, но с заметным креном на нос и на борт. К нему спешили буксир и катер с аварийной командой. «Светлана» разворачивалась в Кронштадт.

«Если бы мы специально хотели преувеличить мощность нового оружия, лучше бы у нас все равно не вышло,— мрачно думал я.— Теперь что же, при любой атаке нужно планировать нанесение минимального вреда противнику? Тогда точно всех перетопим...»

Через день мы смотрели перечень повреждений корабля-мишени. В общем, ветеран выдержал. Как заверили флотские офицеры, доплыть до базы он смог бы, но участвовать в бою — нет. Гоша торговался с дядей об условиях передачи некоторого количества самолетов флоту. Общая договоренность была такая, что самолеты остаются принадлежать авиации, то есть Гоше, но прикомандировываются к флоту. Флот, то есть дядя-адмирал, аналогичным образом выделяет нам несколько кораблей. Теперь шел торг — сколько на сколько.

В документе о повреждениях меня заинтересовали тонкости. Ну каким, скажите, образом в результате авианалета бесследно испарилась динамо-машина? И сервиз из кают-компания, обратившийся в пыль, тоже вызывал серьезные сомнения. Четыре шлюпки, конечно, обязательно сгорели бы, но я хорошо помнил, что «Петр» перед отплытием их не имел. Лезть с ненужными вопросами я не собирался — портить отношения с флотскими в мои планы пока не входило. А вот сфотографировать этот документ после его

подписания дядей Алексеем на всякий случай не помешает.

Потом с высочайших торгов вернулся Гоша. Он сказал, что пока в обмен на три десятка самолетов нам дают крейсер «Владимир Мономах» и что выделена сумма на его переоборудование. Но не успел я порадоваться щедрости генерал-адмирала, как Гоша спустил меня на землю, сказав, что этой суммы хватит разве что на покраску, но и превращать за свои деньги этот крейсер во что угодно нам никто мешать не будет. Гоша сиял — как же, теперь у него будет свой (ну или почти свой) корабль! Дело в том, что авианесущий крейсер по нашему настоянию считался соединением, оперативно подчиненным командиру базирующейся на нем авиагруппы. А корабль — это просто средство ее доставки и обороны в случае чего.

— Ну вот, ты теперь в Англии для своего парохода хоть пару современных пушек с запасными стволами приобрети, а то ведь на нем такой металлолом стоит... Предложи им несколько запасных движков, это они прошляпили, а Джефф уже в курсе, что одного мотора хватает на месяц полетов, не больше. Кстати, вручим ему диплом, и пусть едет с тобой. Снайпер-бомбометатель, блин. Но ты в туманном Альбионе особенно не расслаживайся, тут через месяц твой братец Коля заболел.

— Как думаешь, удастся под это дело отговорить его от проникновения в Корею? — с надеждой спросил Гоша.

Мне очень хотелось в ответ предложить ему губозакатывательный механизм, но я дипломатично сказал, что, мол, посмотрим. А про себя подумал, что даже предлагать Николаю назначить Гошу заместником Дальнего Востока пока не стоит.

Дальше мы уточнили детали для Гошиного пове-

ренного, отправляющегося в Бразилию за каучуком и бальсой. С сырьем для резины мы уже опоздали, там все давно куплено на корню, а вот бальса — весьма ценный материал на деревянном этапе самолетостроения — своего однозначного хозяина пока не имела. После чего я шагнул в московский гараж ждать Гошиного прибытия в Англию.

В Москве мне надо было приобрести несколько парашютов, ведь новые самолеты, «Тузики», были уже почти готовы. Нашей троице парашюты так и достанутся из двадцать первого века, остальным предполагалось шить их на месте, по образцу. Кроме того, нужно было купить загородный коттедж для организации порталов к ВИП-персонам типа Ники. Все это обошлось мне в неделю беготни. Ну и наконец я сел на парашют в своем свежеприобретенном доме и стал ждать сигнала от Гоши.

«Готов?»

«Ага».

«Открываем!»

Возникло маленькое окошко, вроде нашего первого портала, с противоположной стороны которого мне улыбался Гоша. За его спиной можно было разглядеть какое-то темное помещение с металлическими стеллажами.

«Кормовой зарядный погреб главного калибра! — подмигнул мне Гоша. — Закрываем, а то сюда сопровождающий идет».

Закрыли, после чего мне оставалось только ждать прибытия высочества в город имени себя. Время ожидания я потратил на покупку и расстановку мебели. Под конец я просто сидел, как на чемоданах, и ждал. А потом шагнул из снежно-слякотного марта в солнечное начало сентября.

ГЛАВА 14

На днях должен был заболеть Николай, и в связи с этим я ваял своеобразный прибор. Он представлял собой небольшую эбонитовую коробку с тремя кнопками, двумя лампами и стрелочным вольтметром пятьдесят второго года изготовления. Его функции заключались в том, что при нажатии на первую кнопку загоралась синяя лампа, а вольтметр начинал показывать три вольта. При нажатии на вторую загорались обе лампы, внутри громко щелкало реле, вольтметр зашкаливало. При нажатии на третью прибор выключался. Зашедший ко мне Гоша некоторое время пытался понять смысл этого устройства, но, видимо, не смог, потому что спросил:

— Это что?

— Прибор для охмурения Витте,— объяснил я.— Вот смотри, заболит Николай, и Витте поедет в Крым. Георгиевск как раз по дороге, и что-то мне интуиция подсказывает, что он нас навестит. Поэтому я и хочу показать ему портал — примерно как Николаю, то есть чтоб клиент ничего не понял. Надо, чтобы в его глазах открытие портала было результатом работы какого-то устройства, вот этого например.

— А не мелковато ли оно для такой цели? — усомнился Гоша.

— Это только пульт управления, а само устройство в подвале занимает десять... нет, мало — сто двадцать кубометров. Связь... эх, рано еще Витте про радиоканал говорить, придется к коробке провода приспособить.

А на следующий день проездом в Крым нас действительно посетил Витте. Это у него чутье такое или хорошие информаторы, интересно? Николай толком еще и разболеться не успел, а этот уже в пути. И ведь

не поленился потерять день на визит к нам, наверняка имеет планы использовать Гошу, остается попробовать понять какие. На сей раз беседа министра с высочеством шла под диктофон. Но Сергей Юльевич даже не дал мне времени прослушать запись — сразу после Гоши он отправился ко мне. Вот так просто пришел в заводоуправление, спросил, где тут кабинет госпожи на Найденова, и сообщил, что хочет попасть к нему на прием. И таки попал. Мы поздоровались. Я с интересом смотрел на министра финансов. Разумеется, я внимательно прочитал его биографию, видел портреты, но там как-то не отразилась одна деталь — размеры министра. Они впечатляли.

Витте мялся. Это он хочет меня убедить, что будто бы не знает, с чего начать разговор? Ну-ну, подыграем...

— Сергей Юльевич, вы не стесняйтесь. Если хотите что-нибудь спросить — я к вашим услугам.

— Меня очень интересуют ваши многочисленные изобретения, Георгий Андреевич. И я хотел узнать, как ваши дальнейшие планы связаны с Россией. Это просто один из эпизодов богатой биографии или...

— Или. Я рад, что наконец вернулся на родину, и все мои планы сейчас связаны именно с ней.

— Замечательно! В таком случае можете рассчитывать на мою полную поддержку в реализации ваших начинаний.

Ага, теперь бы только понять, это он планирует нечто вроде повторения истории с Мамонтовым или стелет соломки на случай, если Николай таки сыграет в ящик? Хотя, наверно, не «или», а «и». Может, слегка обострить ситуацию?

— Сергей Юльевич, наверняка вас интересует еще один вопрос. Вы его зададите прямо или обойдемся без поднятия этой темы?

— Пожалуй, не обойдемся. Прямо так прямо. Скажите, на чем основано ваше огромное влияние на Георгия Александровича?

— Да просто нравится он мне,— решил немного повеселиться я.— Хороший такой мальчик, честный, немного наивный, но не дурак. Вот и советую ему иногда по жизни, мне не жалко.— Витте с невозмутимым видом ждал продолжения. Ладно, вот оно: — Как вы, наверное, в курсе, Георгий год назад был тяжело болен. Жить ему оставалось совсем чуть-чуть. Но тут ему повстречался некий горный старец. Он вылечил цесаревича. За один день. По поводу изложенного у вас сомнений нет, надеюсь?

— Нет. По моим сведениям, все именно так и было.

— Так вот. Горный старец не хотел, вылечив, бросать Георгия на произвол судьбы. Но и появляться в обществе он не хотел тоже. Оно ему противно, знаете ли. Да и других дел хватает.

— Я его понимаю,— кивнул Витте,— продолжайте.

— Да, собственно, уже почти все. Старец попросил внука и ученика, который в это время как раз собирался в Россию, связаться с Георгием и предложить ему свою помощь. Я связался и предложил. Цесаревич с благодарностью принял. Так и живем.

Витте перевел дух. Ведь наверняка допускал, что именно я этот старец и есть! Да и сейчас, скорее всего, до конца эту мысль не отбросил.

— Так сколько же лет старцу?

— Не меньше ста двадцати. А вот насколько больше — я не знаю, дедушка не любит распространяться о своей молодости.

— Вы сказали — ученика... А как далеко, если не секрет, зашло ваше ученичество?

— Оно закончилось. Именно поэтому я и решил переселиться в Россию. То есть я могу практически

то же, что и старец, ну, может, чуть похуже и не так быстро.

— Э-э-э... не будет ли с моей стороны нескромностью попросить вас продемонстрировать что-нибудь из своих способностей?

— Не будет. Вон, кстати, сюда его высочество идет. Спрошу у него и, если он тоже не против, продемонстрирую. А вы что думали? Не только он меня слушает, но и я его.

Через две минуты Гоша был в кабинете.

— Георгий Александрович,— обратился я к нему,— я тут признался господину Витте, что являюсь внуком горного старца... — Хорошо, что как раз вчера мы с ним на эту тему побеседовали.— Сергей Юльевич просит продемонстрировать ему чего-нибудь этакое.

— Я не против,— с ходу врубился в ситуацию Гоша,— только, пожалуйста, пусть «что-нибудь» будет без пиротехнических и прочих эффектов. Простенькое, вроде портала.

— Согласен. Значит, портал в коттедж. Открываю!

Я нажал сначала первую, а потом вторую кнопку на заранее выложенном на стол охмурителе.

Все-таки русский язык хорошо приспособлен для выражения сильных эмоций. Потому что словом, например, «изумление» состояние Витте можно было описать весьма приблизительно. Придерживаясь протокольной точности, следовало сказать, что он радикально охренел! И продолжал оставаться в этом состоянии.

— Сергей Юльевич, ну что вы стоите? Идите за мной.

Витте сделал три неверных шага и встал посреди гостиной. Портал за его спиной схлопнулся.

— Присесть не желаете? Или лучше сначала подойдите к окну.

За окном шел снег — в нашем времени был конец марта.

— Г-где мы? — понемногу обретая дар речи, спросил министр.

— Горбеево озеро. Не знаете? Это около ста километров на север от Москвы.

— А почему снег?

— Потому что это другой мир. Вы, возможно, слышали гипотезу, что наш мир далеко не единственный? Вот вам ее наглядное подтверждение.

— И ч-что теперь?

Вите озирался, пытаясь найти портал, через который мы только что прошли. Естественно, ничего даже отдаленно похожего он не увидел.

— Ну можно, например, на лыжах покататься... хотя погода мерзкая. А что вы дрожите, вам холодно? Извините, но ваш визит был внезапным, отопление я не включал. Или вы уже обратно хотите?

— Да, есл-л-ли можно.

— Ну не бросать же вас тут? Пойдемте. Хотя... минутку.

Вчера я не только собрал охмуритель, но и, сбегав в коттедж, малость изменил картинку на настенном экране. Теперь там был красный силуэт человека на черном фоне.

— Вот сюда, пожалуйста, встаньте.— Я показал министру на резиновый коврик перед экраном. Щелкнуло, и силуэт изменил цвет на зеленый.— Все, можно и назад.

Вите вздрогнул — перед ним снова был портал. С той стороны Гоша, изображая занятость, что-то черкал на листке бумаги. Министр с несколько несоответствующей титулу поспешностью метнулся в мой кабинет. За ним прошел я.

— Вы уже вернулись? — оторвался от своего заня-

тия Гоша.— Тогда прошу извинить, у меня дела. До свидания, Сергей Юльевич.

Я подошел к столу и выключил охмуритель.

Витте перестал дрожать и понемногу приходил в себя. Осмотрев кабинет, он, видимо, убедился, что мы вернулись именно туда, откуда уходили. Потом он откашлялся и с некоторой даже торжественностью сказал:

— Прошу меня простить, господин Найденев, поначалу я несколько сомневался в ваших словах. Но теперь, разумеется, все сомнения исчезли.

На его лице стало постепенно проступать некоторое недоумение.

— Странно, печень совершенно не болит. Последнее время она меня постоянно донимала, а тут...

Ага, еще одно подтверждение лечебно-тонизирующих свойств перехода.

— Это вам от меня что-то вроде небольшого подарка,— объяснил я.— Экспресс-ремонт, так сказать. Помните экран и коврик?

— Вы так и цесаревича вылечили?

— Не я, а дедушка, и не так, а гораздо сложнее. Все-таки последняя стадия туберкулеза — это серьезнее, чем первая цирроза.

— Очень рад был познакомиться с вами! — Витте встал.— Надеюсь, наша следующая встреча не заставит себя долго ждать.

— Вполне возможно, у меня тоже появилась мысль съездить в Крым.

— Ремонтировать? — прищурился Витте.

— Да,— вздохнул я.

Сергей Юльевич тоже вздохнул и начал прощаться.

Я пошел к Гоше послушать запись. В общем, можно было понять, что Витте предлагает подумать, что из

производимого в Георгиевске может закупать казна, и сообщить ему, а он поспособствует, чтобы процесс шел как по рельсам. Еще он спросил, не собираемся ли мы создавать акционерное общество, чтобы оперировать не только собственным капиталом, но и привлеченным, в том числе и из-за границы. В конце беседы он как малозначительный курьез преподнес: оказывается, Алиса считает, случись что с Николаем — и на престол сядет она.

— Очень любезный господин! — с некоторой иронией подытожил Гоша.

— Ага, в долги хочет нас загнать, — высказал я свое видение ситуации. — Чтобы потом, по обстановке, либо явиться перед нами спасителем и благодетелем, либо утопить. Мое мнение — хрен ему, а не долевое участие. Лучше с Цеппелином совместные дела активизировать.

— А Ники пусть сам выздоравливает или подлечим, чтоб побыстрее?

— Лучше подлечить. Через портал его, потом разовую дозу лекарства и далее поливитамины. Если сразу встанет на ноги, это будет эффективно. Ну и перед сеансом терапии Антон Палыча малость потренируемся.

Вечером я беседовал с Машей — после визита Витте возникли некоторые мысли.

— Тут у нас Ники серьезно приболел, — начал я, — и вырисовываются довольно интересные возможности. Дело в том, что Алиса уверена — в случае смерти мужа царствовать будет она.

— А морда не треснет?

— Вот именно это ей Витте и объяснит, как придет. Кандидат на престол Гоша. После него — Михаил. Потом Кирилл, если не ошибаюсь. Женщина может сесть на трон только при отсутствии претенден-

тов-мужчин. Претендент может выбыть, например женившись на особе более низкого происхождения...

— А, то есть теперь Алиса, въехав в проблему, захочет поженить нас с Гошей?

— Думаю, да. И мне интересно твое мнение на этот счет.

— Мы уже обсудили это и решили: только когда все кончится. Если победой здесь — тогда и подумаем, как это устроить. А если поражением — и устраивать ничего не надо будет, что в нашем мире, что в этом, где-нибудь в Аргентине.

— Вот и замечательно. Но Аликс этого говорить не стоит, понятно. Значит, так, на невеликокняжеский брак пусть у нас будешь не согласна ты. Нехай тебя титулом пожалуют. А вот кто потом не согласится даже и на великокняжеский — надо подумать.

— Пусть Гоша начнет кочевряжиться, а то, если опять я, это просто какая-то сказка о рыбаке и рыбке выйдет. А царица меня будет утешать, расписывать Гоше, какую роковую ошибку он делает... Нормально. Так, значит, у нас предвидится бархатный сезон в Крыму? Надо мне в нашу Москву сбегать, за купальниками...

— Я же вроде тебе привез!

— Дядя, ты лучше сам это, которое привез, надень и посмотри, как будешь выглядеть. А мне и смотреть не надо, все сразу понятно. И крема для загара у меня нет.

— Ты хочешь сказать — против загара?

— Дядя Жора, вот себе ты можешь закупить чего хочешь и мазаться хоть против загара, хоть против поноса. А мне нужно именно то, что я сказала! Ну может, и еще чего-нибудь, так сразу не вспомнишь... Да не волнуйся ты, мне полдня точно хватит.

— Тогда уж и Алисе возьми прокладок там или косметики какой...

— Ну дядя Жора! Ты еще вибратор посоветуй, до кучи. Я уж как-нибудь сама разберусь.

— Только...

— Да понимаю я, чтобы год изготовления на видном месте не торчал. Будут ей подарки, не волнуйся. Да, кстати, а поляроиды бывают в ретро-стиле? Я имею в виду не сам аппарат дарить, а снимки. Ведь неприлично даже как-то: сам великий Найденов до сих пор не изобрел цветной фотографии! А возиться с проявкой-печатью я не умею, да и ты вроде тоже.

— Ладно, посмотрю.

— Да, кстати. Тебя ведь небось тоже будут Алисе представлять? Как дядю и тем более как внука. Вот и тебе тоже почва для размышлений. Сразу намекаю, что средство от запаха пота или геморройные свечи в качестве подарков не подходят.

Через день мы — все трое — выехали в Крым. Как только поезд тронулся, я и Маша перешли в Москву 2009-го, в гараж. Сутки, пока будет ехать поезд, Маше нужны были на приобретение барахла и подарков, а мне — на подготовку второй встречи императорской четы с горным старцем. Из соображений использовать портал как лекарство на сей раз встреча должна будет проходить в моем загородном доме, поэтому надо создать соответствующую обстановку. Я поехал искать атрибуты. Маша убежала по магазинам и довольно быстро, еще и ночь не наступила, вернулась с парой сумок «мечта челнока». Утром сумки и Маша были закинута в Гошин вагон, который уже подъезжал к Крыму, а я, посетив дорогой салон на предмет приобретения длинной седой бороды (между прочим, куда лучше настоящей получилась! Вывод — доверяй-

те профессионалам), ждал вызова от высочества в оборудованной соответствующим образом комнате коттеджа. Там уже стоял стол со всякими колбами и ретортами, шиномонтажный стенд (в гараже он мешал, я его сюда вывез), здоровенный плазменный экран и маленький голопроектор, умеющий показывать одну картинку — схематическое изображение земного шара, вокруг которого бегают буквы «терраэлектроника». Подумав, в добавление к имеющемуся я притащил навороченный кухонный комбайн. Затем некоторое время я выбирал сюжеты для висящего на стене экрана. Остановился на брачных играх носорогов, но звук убрал, а вместо него наложил «Лунную сонату». Инфразвук решил не использовать, а то он хоть и слабенький, но неизвестно, как подействует на больного. Огляделся — вроде все. Тьфу ты, я же в домашнем! Надел джинсовое пальто, причесался, вставил контактные линзы. Теперь оставалось только ждать сигнала от Гоши. Чтобы убить время, я начал собирать из имеющейся химпосуды самогонный аппарат.

ГЛАВА 15

Закрылась дверь за выходящим врачом, и у постели умирающего Николая остались только императрица и великий князь Георгий.

«Приехал, — думала императрица, — сразу приехал, как узнал о болезни брата. Сказал, что старец тоже знает и готов помочь. Но в этот раз придется вместе с Ники идти к нему... Зачем? За исцелением или гибелью? Ведь Георгий — наследник, а старец — его покровитель! Господи, спаси и сохрани рабов твоих Николая и Александру...»

Великий князь осмотрел колесики, по его настоя-

нию приделанные к кровати больного. Поднял глаза на императрицу:

— Пора. Горный старец ждет нас.

Только что кровать стояла вплотную к стене — и вдруг за ней оказалась странно обставленная небольшая комната. Георгий поднатужился и вкатил лежачего больного туда. Императрица, как сомнамбула, шагнула следом.

Горный старец поднялся от стола, где в нагромождении колб что-то булькало, и подошел к изголовью самодержца. Серый прямоугольник на стене вдруг ожил и оказался живой картиной. В углу взвыл и завертелся какой-то механизм.

Старец положил руки на голову больного, постоял так, потом поднял взгляд на Александру:

— Он выздоровеет. Хотя вы — вы оба! — этого и не заслуживаете. Как он мог объедаться ананасами в Ливадии, когда его народ голодает? А что подумала ты про Георгия — единственного, кто захотел и смог вам помочь? Если бы не его просьбы, вас бы здесь не было.

Старец подал императрице пузырек с какой-то жидкостью и баночку с желтыми таблетками.

— Лекарство выпить сразу, как только больной придет в сознание. Таблетки есть по три штуки в день, пока не кончатся. А теперь оставьте меня.

Старец вернулся к химическому столу и, взяв оттуда пробирку с чем-то мутным, понюхал. На его лице проступило отвращение.

Императрица, увидев, что Николая уже укатили в его спальню, опроретью кинулась следом. Мгновение — и на месте прохода в обиталище старца снова была стена.

Николай пошевелился и открыл глаза. Александра метнулась к нему:

— Ники, любимый, ты пришел в себя?

— Лекарство,— напомнил Георгий.

— Да, Ники, выпей вот это. Подожди, я помогу тебе.

Больной выпил. Было видно, что ему стало лучше, он уже не казался умирающим. Великий князь отошел от кровати.

— Ну вот, все в порядке. Пожалуй, я пойду.

— Жорж, подождите! — Императрица шагнула к нему и вдруг упала на колени: — Умоляю, простите меня за те черные мысли!

— Да ладно, ваше величество,— улыбнулся Георгий, став вдруг чем-то неуловимо похожим на горного старца,— подумай, мысли. Я же понимаю, как вам было тяжело. Не берите в голову!

Александре показалось, будто он хочет что-то добавить, но цесаревич повернулся и вышел из спальни.

Когда гости с пациентом вышли, я выбросил пробирку с результатом перегонки дешевого портвейна — получившееся было даже гаже, чем исходный продукт. Сунул контактные линзы в контейнер, надел очки, снял пальто и, взяв растворитель, сел отклеивать бороду.

Следующим утром я навестил Гошу с Машей в Ливадии. Пока неофициально, то есть мы просто открыли портал в Гошины апартаменты. Там на них вдвоем с Машей было пять комнат, прислугу туда не пускали, так что никого мое появление не взволновало. Мне пересказали новости.

Николаю стало заметно лучше, но он пока лежит. Однако явно с подачи Алисы отдал распоряжение, что все Гошины желания, а тем более указания для obsługi и охраны, строго обязательны к исполнению. Гоша

не замедлил тотчас отдать первое распоряжение: все это касается также и Маши.

Море теплое, народу никого на три километра в каждую сторону, Маша загорает, Гоша учится нырять с маской и ластами.

Алиса устроила врачу, что-то вякнувшему про шарлатанов, форменный скандал с истерикой.

Через полтора часа надо было идти, Алиса с Николаем пригласили Гошу с Машей на завтрак.

Витте здесь, но на публике не показывается.

Я сказал, что, раз уж меня на завтрак не звали, пусть принесут чего-нибудь сюда. А потом я опять отправлюсь в коттедж на Торбеевом озере — хочу посмотреть и послушать, что будет на этом самом завтраке. Маша удивилась — мы ей, как оказалось, не сообщили, что когда мы с Гошей находимся в разных мирах, то можно просто смотреть на происходящее глазами друг друга. Высочество вышел распорядиться, чтобы мне подали завтрак.

Через час я полулежал в полудреме после сытной еды — самое удобное состояние для приема межмировой трансляции. Настроился, закрыл глаза...

— Здравствуй, Жорж,— приподнялся на постели Николай,— представь нам, пожалуйста, свою очаровательную спутницу.

— Госпожа Мария Александровна Островская — лучший пилот в мире,— тоном дворцового заявил Гоша.— Для друзей — просто Маша.— Упомянутая поклонилась.— Маша, позволь представить тебе моего брата Ники, он тут у нас император. И его супругу Александру Федоровну, она императрица.

Оба величества изумились.

«Гоша, ты что? От разговора со мной еще не отошел?»

«Все учтено могучим ураганом, Маше не хочется

обзывать их величествами, теперь не обратят внимания».

Первой сориентировалась императрица.

— Для друзей просто Аликс,— улыбнулась она.

Компания расселась за столик рядом с кроватью больного. Тот чувствовал себя немного не в своей тарелке — видимо, еще не выбрал линию поведения. А вот Алиса, похоже, уже выбрала.

— Маша, мы все восхищены вашими удивительными полетами,— сообщила она,— и гордимся, что их совершила русская. Вот только... позвольте дать вам несколько советов?

— Конечно, а то я здесь, как бы это сказать, новенькая.

— Вы тут вчера загорали на пляже... Не подумайте, я ни в коей мере это не осуждаю, но просто высший свет и загар — вещи не совсем совместимые, так считают.

— Аликс, я же пилот. А у пилотов на лице всегда должен быть загар.

— Потому что они там, в вышине, ближе к солнцу? — блеснула эрудицией Алиса.

— Типа того,— не полезла в дискуссию Маша.— Так вот, мне кажется, и Георгий тоже так считает.— Николай заморгал.— Что если лицо одного цвета, а тело другого — это некрасиво. А кроме того, вы представляете, я недавно беседовала с горным старцем.— Оба величества замерли.— И он мне сказал, что загар очень полезен для здоровья! Так что высшему свету придется или изменить свое мнение, или обойтись без меня.

— Э-э-э... Маша,— Николай с трудом подбирал слова,— вы часто встречаетесь со старцем?

— Довольно редко,— опустила глаза Маша,— прадедушка всегда очень занят.

В наступившей тишине громко звякнула выпавшая из руки Алисы вилка.

— Так, значит, тогда инженер Найденов... — через минуту смогла выдать императрица, — тоже... его родственник?

— Дядя Жора — внук. Любимый внук и ученик.

— Скажите, Маша, — заинтересовался Николай, — а горный старец, он очень строг?

— У-у, — развеселилась племянница, — еще как! Чуть что не так — сразу палкой поперек хребта!

«Гоша, пни ее, заразу, пока еще чего похлеще не наболтала!»

«А по-моему, все в порядке!»

Но, видимо, Гоша все же решил несколько уменьшить напряженность:

— А вот я этого не заметил. Мы, правда, со старцем виделись мало, но он всегда был очень добр ко мне.

— Вы этого заслуживаете, Жорж, — вздохнула Алиса. — И как вы думаете, почему господин Найденов не приехал сюда с вами?

— У него много дел на заводе, да и потом, он же вам не представлен и его никто не звал.

— Но мы ничего не знали, — сказал Николай. — Я могу сегодня же послать ему приглашение посетить Ливадию.

— Лучше это приглашение передам ему я, так будет быстрее, — предложил Гоша.

— Значит, через несколько дней он сможет приехать?

— Наверное, сможет, и даже скорее — поезд от Георгиевска идет сутки с небольшим, так что, если его ничего не задержит, он будет тут завтра к обеду.

Гоша сделал задумчиво-возвышенное выражение лица и, помолчав пару минут, выдал:

— Я воззвал к горному старцу и сообщил ему о ва-

шем желании видеть его внука. Старец согласился, что это нужно, и передал господину Найденову, чтобы тот немедленно ехал в Крым.

Алиса икнула.

— Ну прямо офигение в Тавриде,— шепнула Маша на ухо высочеству.

— Наверное, надо срочно выделить ему соответствующие апартаменты,— забеспокоился Николай.

— Не волнуйся, Ники, Георгий Андреевич совершенно не обращает внимания на такие мелочи, так что пусть он просто поселится у нас.

— Жорж, подскажите, какие у господина Найденова любимые блюда, надо предупредить повара,— очнулась Алиса.

— Селедка с шампанским,— улыбнулся Гоша.

«Высочество, кончай хохмить над старшими! А то скажу, что тебе неделю ничего, кроме огурцов с молоком, нельзя, типа диета от старца».

Конец завтрака получился скомканным, видимо, слишком много информации зараз свалилось на головы их величеств.

Когда Гоша с Машей направились к морю, я уточнил:

«Ну значит, завтра днем выезжаешь встречать меня. Только в каком-нибудь закрытом шарабане, прямо туда портал и откроем. Заодно в карете прокачусь, до сих пор как-то не удосужился, а то потом их и не будет».

«Мотоцикл не возьмешь?»

«Можно, пригодится. Тогда выбери место, по дороге остановишься, отойдешь в сторонку, и откроем портал. И чтоб там было где обогнать вас, а потом попасться навстречу».

Ливадия оказалась неплохим местом. Главное — малолюдным. Дворец стоял примерно в полукиломет-

ре от моря, почти на вершине не то холма, не то горы. Я прокатился к морю. Туда-то «мотоцикл» георгиевского производства прошел нормально, а вот обратно я еле влез — сказалось отсутствие коробки передач. Для хоть сколько-нибудь гористой местности эта модель не годилась.

Вечером состоялся визит к Николаю. Император уже встал, и лишь некоторая изможденность облика и экономные движения говорили о недавней тяжелой болезни. После представления я вручил подарки — вагтермановский письменный набор Николаю и складной китайский зонтик Алисе. Он, кстати, произвел более сильное впечатление.

Николай сразу предложил общаться без чинов.

— Георгий Андреевич, прошу к столу, вот ваша любимая сельдь. И передайте при случае мою глубочайшую признательность вашему деду. В редкие минуты просветления я думал, что мой жизненный путь здесь и закончится.

— Не вы одни, — кивнул я, — но у горного старца было на этот счет свое мнение. Естественно, именно оно и оказалось правильным. А вашу благодарность я в ближайшее же время передам.

— Кстати, я видел, с какой огромной скоростью вы пронеслись на своем мотоцикле мимо дворца. Это не опасно?

— Если умеешь ездить — нисколько. Да и скорость была не очень велика, пятьдесят километров в час. Не хотите попробовать?

— После окончательного выздоровления было бы неплохо... — заинтересовался Николай.

— Ники! — встрепенулась Алиса и укоризненно посмотрела на меня. — Это господин Найденов умеет летать и ездить на чем угодно, но ты ведь можешь разбиться!

— Ну что же вы так, Александра Федоровна, не доверяете способностям своего мужа. Прекрасно он научится. Я подготовлю для него специальный образец, более совершенный и безопасный. — Еще один китайский мопед придется избавлять от всего лишнего. — И кстати, зря вы думаете, что я умею ездить на чем угодно. На лошади, например, вот совершенно не умею. Как-то не доводилось.

— О, у нас тут неплохая конюшня, — оживился Николай. — И если вас это заинтересует, могу лично дать несколько уроков.

Я уже давно собирался хоть слегка научиться пользоваться четвероногим транспортом, так что с благодарностью принял предложение. Вообще было заметно, что императорская чета рада была любому повороту разговора в сторону от горного старца, — видимо, эта тема вызывала у них слишком сильные эмоции. И вообще удачно Николай влез с лошадьми — ученика трудно считать потусторонним существом, очень неплохо будет очеловечить мой, так сказать, образ.

— Кстати, если хотите, для прогулок по морю можно построить небольшой моторный катер. Он сможет развивать скорость до сорока узлов.

— Очень интересно, — воодушевился Николай. — А насколько он будет небольшим?

— Тонны две-три водоизмещением. Ну может, пять... — прикинул я.

Ничего особенного в моем предложении не было — я имел в виду аэроглизсер-катамаран. Два наших мотора-четверки с запасом обеспечат необходимую тягу.

Еще я обратил внимание — дворец не телефонизирован, и сообщил императору, что наш завод уже приступил к выпуску необходимого оборудования. Эта идея больше заинтересовала Алису. Выслушав мои подробные объяснения, что телефоны нашего произ-

водства существенно превосходят изделия господина Белла, она прониклась идеей. «Видимо, способность часами висеть на трубке заложена в женщин изначально», — подумал я.

Потом наступил перекур. Николай предложил мне попробовать его «Лаферм», я в ответ достал портсигар с сигаретами «Союз— Аполлон» и предложил ему.

— Делаются специально для меня, — пояснил я. Закурили. Обоим чужое не понравилось, но опять же оба были воспитанными людьми и промолчали. После перекура разговор перешел на общественное мнение в вопросах моды.

— Знаете, Маша, — призналась Алиса, — я бы, может быть, тоже попробовала надеть купальный костюм, разумеется, не такой смелый, как у вас, но увы. Среди придворных дам сразу начнутся такие пересуды...

— Простите, Александра Федоровна, — встрял я, — но неужели в Сибири мало места? — Ее величество с удивлением посмотрела на меня, а я продолжил развитие своей мысли: — Ну вот представьте себе. Вы, императрица, соизволили посчитать какое-то явление модным. Значит, на сегодняшний день именно оно самое модное и есть! И при чем тут мнение каких-то придворных шмакодявок? А если они позволяют себе его иметь, да к тому же отличное от вашего, то какие они тогда придворные? В Сибирь! И пусть там обсуждают что хотят. С чукчами.

Алиса победно посмотрела на мужа, видно, между ними уже были подобные разговоры.

— Если бы все было так просто... — вздохнул Николай.

— Уверяю вас, Николай Александрович, — я пристально посмотрел на императора, — ничего особенно сложного тут нет. Достаточно всего лишь твердо ре-

шить поступать именно так. Кстати, один мой знакомый, английский физик Мерфи, как-то сказал: «Жизнь далеко не так проста, как вам кажется. Она гораздо проще!»

ГЛАВА 16

Ранним утром конца сентября из ворот ангара был выкачен первый в Гошином мире боевой самолет «Тузик». Кажется, мы успеваем хоть как-то испытать его до начала настоящей осени, все-таки на совершенно новом самолете летать лучше, когда погода хорошая, потому как все остальное может быть плохо и само по себе. Не ухмыляйтесь, самолет был в какой-то мере новым не только для того времени — и в нашем мире схема подкосного высокоплана в военной авиации почему-то не получила распространения. Разумеется, у нее есть недостатки. Лобовое сопротивление достаточно высокое, почти как у биплана. Прочность крыла при равном весе чуть меньше, чем у того же, будь он неладен, биплана. Но при всем этом такой самолет имеет одно достоинство — простоту. Узел крепления крыла не то что прост — он примитивен. Это обеспечивает не только технологичность производства, но и удобство сборки-разборки в полевых и прочих неудобных условиях. К примеру, чтобы присоединить к самолету крылья, в данный момент потребовались четверо механиков и пять минут времени.

Я лично проверил тросы и тяги управления, влез в кабину (все-таки удалось сделать этот процесс не совсем геморройным), покачал ручкой, педалями, затем дал команду на запуск движка и прогрел его. Сначала — рулежка в дальний конец аэродрома. Не очень удобно, карбюратор верхней пары цилиндров торчит

как раз там, куда надо смотреть, приходится выворачивать голову. Ладно, потом попробуем поправить. Подлет. Вроде все нормально. Подлет чуть повыше и посадка на три точки. Что за ерунда — «козел»¹!

Не сильный, но шасси надо проверить. После перекура и проверки шасси повторяю операцию — на сей раз «козла» удалось избежать, но вообще это не дело, пожалуй, придется вводить какое-то демпфирование в шасси. Наконец нормальный полет. Блин, как же приятно лететь на человеческом самолете после этих ублюдочных «Святогоров»! Ручку от себя, разгон, горка, вираж... Все, для первого полета достаточно. Сажусь, снова получается небольшое подпрыгивание. Глушу мотор.

— Ну как? — с надеждой спросил подбежавший Гоша.

— Летает неплохо, а вот садится, мягко говоря, так себе. Вроде все по расчетам, но почему-то при посадке получается недостаточный угол, надо костыль укорачивать. И резинки-амортизаторы снабдить демпферами, а то скачет, гад. Как, интересно, без них вообще обходились?

— Дядя, а мне полетать?

— Брысь! Сказал же — после первого полета полная проверка с частичной разборкой. Катите его в сарай, да и парашют тоже туда захватите. Гоша, можно снять оцепление аэродрома.

До вечера я успел приделать к шасси демпферы примерно как у первых «Макак» — два рычага с муфтой трения между ними. Костыль был спилен почти под корень, несмотря на возражения Гольденберга. Он утверждал, что при возросшем в результате этого угле атаки возможен срыв потока.

¹ «К о з е л» — в авиации так называют грубую посадку, когда после первого касания земли самолет еще несколько раз подпрыгивает.

Несколько совершенных на следующий день обычных полетов не выявили никаких дополнительных косяков. Настало время испытать главное, для чего создавался этот самолет,— пикирование.

Набираю три километра высоты, закладываю вираж для создания положительной перегрузки, приближаю газ, прицеливаюсь носом в ясно видимое «Т»... Смотрю скорость: 140, 160, 200... Пора выводить. Навалилась перегрузка. Эх, где мои семнадцать лет... В глазах потемнело до того, что я уже просто ничего не видел. Сердце застучало с переборами. И в довершение всего где-то в хвосте началась вибрация — сначала небольшая, но она с каждым мгновением усиливалась, собака. Я бы покрылся холодным потом, если бы успел, но в этот момент организм решил потерять сознание.

В себя я пришел, похоже, через пару секунд. Самолет уже почти выровнялся, движок чихал на холостом ходу, и только встречный поток не давал ему заглохнуть. Ватной рукой я подвинул сектор газа и начал с величайшей осторожностью заходить на посадку.

Подбежавшие зрители начали было поздравлять меня, но восторги как-то подозрительно быстро утихли. Я попытался вылезти из кабины — и не смог. Кое-как меня вытащили оттуда и поставили вертикально. Маша подала мне зеркальце. Я глянул — ну и ну! Глаза красные, под ними синяки, вся рожа в отеках...

— Самолет в ангар,— сказал я,— сегодня полетов больше не будет. Квадр сюда и через час казачонка ко мне в кабинет.

Через час я более или менее пришел в себя, но внешность по-прежнему больше подходила для исполнения роли вампира или, на худой конец, потомственного алкоголика. Чтобы не смущать казачонка, я

вместо обычных очков надел зеркальные. В результате полразговора он только на них и пялился.

— Значит, так, Михаил, — начал я, — это, как ты понимаешь, самолет совершенно не такой, не «Святого-гор». Тот может летать только горизонтально.

— Я видел, как может новый! — не смог сдержать восторг казачонок.— Вы меня позвали, чтобы я тоже на нем полетал? — Тут он испуганно замолк — а вдруг ошибся?

— Да,— вздохнул я.— Но прежде чем согласиться...

— Урр-ра-а-а!!! — завопил ефрейтор.

— Не ори!

— Извините, господин Найденов...

— Слушай дальше. Просто летать мало. Надо научиться пикировать — это то, что я делал час назад. А самолет не испытан — у меня вот началась какая-то тряска. Поэтому сначала Маша научит тебя пользоваться парашютом. Учти, это очень опасно...

Зря я это сказал. Казачонок надулся и сообщил, что он готов помереть во славу отечества хоть сейчас.

— Ладно. Тогда так: тот «Тузик», что уже готов, он одноместный. Двухместного ждать еще неделю. Попробуй сразу подняться один, я объясню особенности. И без фокусов! Увидишь, что не получается, сразу скажи. Завтра с утра начнем, а сейчас дуй к Маше на инструктаж.

Проверка самолета не выявила никаких неисправностей. Вопрос, что тряслось, оставался открытым. На душе у меня скребли кошки. Тут еще Маша явилась с предложением попробовать как-то со «Святого-гора» организовать Мишке хоть один учебный прыжок...

— Ну ты головой же думай! — вздохнул я.— Даже если он непонятно как и поместится там с парашю-

том, то куда ему прыгать? Сзади винт. Вперед, с разбега, рыбкой?

Следующим утром самолет снова был на аэродроме. Мишка залез в кабину, качнул рулями и элеронами, дал команду на запуск. Сначала рулежка. Я внимательно наблюдал — так, поднял хвост... держит ровно, молодец... слегка дает газ, самолет уже еле чиркает колесами по траве... прибирает газ, опускает хвост. Нормально.

После рулежки и подлетов я решил выпускать его самостоятельно.

— Набираешь триста метров, летишь до леса, над ним разворачиваешься и садишься. Крен не больше тридцати градусов. Ясно?

— Ясно!

— Отдохнуть перед полетом не хочешь?

Казачонок одарил меня взглядом, в котором ясно читалось глубокое соболезнование моему возрасту.

— Ладно, лети.

Через неделю ни один из двухместных «Тузиков» так и не был готов, а вот ефрейтор, как ни странно, освоил совершенно новый для него самолет. Правда, летал он самозабвенно, по шесть-семь вылетов в сутки. На третий день он освоил глубокие виражи и горки. На пятый с третьей попытки смог изобразить боевой разворот, от которого он самостоятельно дошел до мертвой петли, что и продемонстрировал над аэродромом. «Во, блин, у нас уже свои воздушные хулиганы появились», — прокомментировала Маша. Пора было выпускать его на пикирование...

— Слушай сюда, Миша. От тебя сейчас требуется точность и аккуратность. Надо понять, что и почему вибрирует в хвосте. Начинаешь с угла сорок пять градусов, пикируешь три секунды, выходишь. Потом пятьдесят точно так же и далее через пять. В одном поле-

те — четыре пикирования. Потом садишься, самолет проверяется, и дальше. Если скорость превысит двести, выводишь сразу, не ждешь трех секунд. Если начнутся вибрации и ты не успеешь увидеть где, все равно немедленно садись. Вопросы?

— Все ясно! — браво вытянулся ефрейтор. — Разрешите лететь?

— Разрешаю.

Мишка ловко впрыгнул в кабину, поправил зеркала, которые я привинтил к бортам для удобства наблюдения за хвостом... Через минуту первый летчик-испытатель Российской империи ушел в свой первый испытательный полет.

Поначалу ничего криминального не было. Мишка дисциплинированно набирал три километра высоты, пикировал под определенным углом, снова забирался вверх, снова пикировал... И опять наземный осмотр ничего не дал. Во втором полете ефрейтор после второго пике не стал набирать высоту, а пошел на посадку.

— Оно затряслось, но я ничего не успел увидеть, — виновато сказал казачонок. — Как раз на двухстах началось и почти сразу кончилось... Можно мне чуть побольше разогнаться? Тогда точно рассмотрю!

«Или убьешься», — мрачно подумал я.

Осмотр снова ничего не дал. Ну что мне было делать?

— Летишь, пикируешь с углом семьдесят. Разрешаю задержаться в пике на лишнюю секунду. Давай.

И снова Мишка кругами набирал высоту. Вот еле заметный с земли крестик самолета свалился на крыло и с нарастающим воем помчался вниз...

«И-раз, и-два, и-три, и-четыре», — считал про себя я. Ну как он там? Выходит? Выходит!!!

У Мишки не хватило терпения дожидаться конца

пробега — он выключил двигатель и, встав в кабине еще катящегося по инерции самолета, радостно заорал:

— Видел! Я все видел! Я все сейчас расскажу!

Я подбежал к самолету. Выскочивший из кабины испытатель азартно завопил:

— Весь фюзеляж вертелся! Вот здесь начиналось, а вон там было уже о-го-го! И хвост вот так... — Он показал руками как.

По его словам получалось, что задняя часть фюзеляжа входила в крутильный резонанс. Но ведь рассчитывали же его на жесткость! Хотя были у меня смутные подозрения насчет шпангоутов... Под этим заграничным псевдонимом прятался всего лишь прямоугольник из четырех сосновых реек с диагональной вставкой — такая же рейка, пятая. Я еще подумал, что интуитивно мне бы здесь гораздо больше понравился крест, но Миронов утверждал, что все просчитано. Я пошел в КБ.

— Расчет крутильной жесткости фюзеляжа дайте-ка мне,— попросил я буквально с порога. Мне дали. По мере вникания в цифры я медленно, но верно зверел и под конец этого процесса со всей возможной вежливостью осведомился: — Саша, ты откуда вот эту циферку взял?!

— Из справочника, модуль упругости сосны на сжатие... — пробормотал растерявшийся Миронов.

— Да? А что эта доска гораздо раньше изогнется, чем начнет сжиматься, ты подумал? — Я схватил со стола линейку и сжал ее с торцов. Естественно, она выгнулась дугой.— Вот такой эксперимент трудно было произвести? В общем, так: садитесь и считайте, что получится, если диагональные рейки заменить крестами. Хоть теперь сможете это по-людски сделать или опять за вами подтирать придется?

С усилением шпангоутов справились за день, и опять Мишка полетел пикировать. Раз за разом он снова набирал высоту — значит, все в порядке. Под конец угол дошел до девяноста градусов — нареканий не было. Испытания на этом заканчивались. Правда, осталось еще неопробованное устройство для вывода бомбы за пределы винта, но оно еще и не было готово. Зато подоспели два двухместных учебных «Тузика». Я наконец смог слетать с казачонком, оценить его технику. Все было нормально, только после «Святогора» Мишка при любом движении ручки вперед прибирал газ, что здесь было необязательно, и излишне осторожничал в кренах. Я даже почувствовал нечто вроде гордости — до чего у меня вредная этажерка получилась! Прирожденный пилот из тех, что встречаются один на тысячу, — а Мишка безусловно им был — и то не может сразу избавиться от приобретенных на ней некорректных навыков.

Дальше пошли полеты с грузом, и здесь реальная картина практически не отличалась от расчетной. Имея на борту полтораста килограмм песка, «Тузик» мог долететь до Тулы, сделать над ней круг и вернуться на аэродром. Кстати, полеты над населенными местами производились на высоте не ниже двух километров — из соображений, чтоб кто не надо разглядел поменьше лишнего.

Я посчитал, что настало время раздачи слонов. За выдающиеся успехи (в приказе эта фраза была растянута на полстраницы) авиатору Михаилу Ефимовичу Полозову присваивалось внеочередное звание сержант и выдавалась премия в пять тысяч рублей. Лично от себя я подарил ему мотоцикл. Теперь бывший ефрейтор шастал в парадном мундире, по пышности напоминающем дембельский прикид времен моей юности, то есть везде эполеты, аксельбанты и прочая

хрень. Следовало задуматься о специальных авиационных значках и медалях.

Гоша тоже довольно быстро освоил новую технику, просто потому, что почти не летал на «Святогорах». Один из «Тузиков» оснастили девятьсот двенадцатым «Ротаксом». Теперь это был личный аэроплан главнокомандующего Императорским военно-воздушным флотом. Этот самолет уже мог пролететь без посадки до тысячи километров, а с дополнительным баком вместо пассажира — и больше. Впрочем, летал он мало, потому что и бензин, и масло для него приходилось таскать через портал. Но второй химзавод уже получил лабораторную партию тетраэтилсвинца, и до промышленного производства этого антидетонатора оставалось немного.

Пора было думать о расширении имеющейся летной школы, где народ будет учиться на «Святогорах», и о создании новой, где будут уже настоящие самолеты. Эта должна находиться подальше от столиц, но в то же время не очень далеко от железной дороги и большого водоема; мы с Гошей рассматривали окрестности Царицына.

— Я припоминаю, наш свежеиспеченный сержант родом как раз оттуда, — предположил Гоша и послал вестового за Мишкой. Вскоре под окнами послышался треск мотоцикла, и искомый казачонок возник в дверях.

— Проходи, садись, чаю будешь? — сразу сбил его с парадного настроения Гоша. — И кстати, откуда ты родом?

— Из Иловли, ваше высочество, это в восьмидесяти верстах от Царицына.

— В отпуск не хочешь съездить? — осведомился я.

— Я что, плохо летаю? — забеспокоился Мишка.

— Наоборот, очень хорошо. Вот я себе представляю

такую картину: геройский авиатор Полозов приехал на побывку в родные края. В мундире, с медалями... надо, кстати, срочно вручить пяток, на мотоцикле... — Казачонок начал на глазах надуваться от гордости. — С бумагами за личной подписью августейшего атамана всех Казачьих войск... — «Сбавь обороты, а то он сейчас лопнет», — шепнул Гоша, а я продолжал: — Как ты думаешь, это произведет впечатление?

— Думаю, произведет, — солидно сказал геройский авиатор, но не выдержал тона: — Ух! Да мне вся Иловля завидовать будет!

— Вот и замечательно. Ты в процессе отпуска распиши знакомым и незнакомым прелести службы в авиации. И присмотришь к своим сверстникам, кого можно к нам пригласить? Главное, чтобы хотели учиться. И в личный казачий авиаотряд его высочества попасть. И между делом, если будет время, съезди, приглядишься к левому берегу Волги, где там можно летную школу построить. Примерно уже представляешь, что для этого надо. Большую школу, на пару сотен курсантов.

ГЛАВА 17

Решение об организации нового летного центра сразу потянуло за собой много проблем, главной из которых были горюче-смазочные материалы. Пока у нас летало несколько «Святогоров», вполне обходились покупкой трех — пяти бочек бензина в месяц, но теперь стало ясно, что без собственной нефти нам дальше никак нельзя. Вопрос, где брать, решил быстро — в Грозном. «До покупки Баку мы еще не доросли», — с сожалением констатировал Гоша. «Да и нефть там похуже», — согласился я. Оставался вопрос — *как*

брать. Оказалось, что я прилично недооценивал высочество.

— Я тут прикинул,— сказал мне Гоша,— и вижу, что затевать нефтедобычу на каком-то незанятом месте мало того что дорого, так еще и довольно долго. К весне точно не успеем, значит, надо присосаться к чему-то готовому. Можно в принципе войти в долю.

— Нельзя,— сказал я.— Это нефть, а не фанера. Если возникнут разногласия с компаньоном...

— Вот-вот, и я тоже так думаю. Самым крупным и технически оснащенным нефтекомплексом в Грозном является компания Ахвердова. Но тут вот в чем дело: выкупить ее за реальную стоимость — это не меньше четырех миллионов, мы не можем. Нет у нас таких свободных средств. Так что, несмотря на возможные возражения с твоей стороны, я вынужден предложить не совсем этичные методы.

— Замочить все руководство и по подложному завещанию приобрести имущество? — с интересом спросил я.

— Как говорил один весьма неглупый человек, «Киса, я чту уголовный кодекс». У Ахвердова сейчас не то чтобы серьезные финансовые трудности, но недостаток оборотных средств ощущается. Мы с Машей уже прикинули, как это усугубить...

— Вот те раз, и чего же здесь неэтичного? — изумился я.— Вы же потом этого предпринимателя не без штанов оставите! И потом, вы в своем плане твое положение учли?

— Какое отношение оно имеет к нефтедобыче?

— Блин, да самое непосредственное. Является к какому-то средней паршивости заводчику сам великий князь, атаман и наследник престола и чисто по-атамански говорит: нравится мне твой прииск... а нефтезавод там есть? Вот, значит, и нефтезавод тоже. И пе-

ред тобой, уважаемый, два пути. Или продать мне все это за весьма символическую сумму, а в обмен получить мою полную поддержку в любых начинаниях, не идущих поперек моих интересов, для умного человека тут открываются такие возможности... Или упереться рогом в землю, ненадолго. Потому что надолго не получится. Вот только не знаю, нужно перед этим его финансовые трудности усугубить, и если да, то до какой степени.

— Это надо сначала лично о нем справки навести. Значит, пусть СБ срочно займется.

— Сделаем,— пометил я в склерознике.— И надо заранее где-то железнодорожные цистерны надыбать, а то вон к нам бензин приходил в бочках.

— Это я уже думал,— кивнул Гоша.— Но все же, возвращаясь назад, хотелось уточнить твои позиции. Ты считаешь, что нефтекомплекс должен стать полностью моим или допустимо участие старых владельцев в качестве акционеров?

— Может, мое мнение и неправильное, не экономист я, но мне кажется так. Участие в прибылях вполне даже допустимо. Участие в принятии стратегических решений — нет. Есть же какие-то акции, чьи владельцы не имеют права голоса? Вот их им и надо впарить.

— Прибыли-то будут хорошие,— заметил Гоша.— Поставка авиабензина казне да плюс еще ты мотоциклы уже почти до серии довел, а там и до автомобилей недалеко. Ты не думай, мне не жалко... я им, пожалуй, в качестве компенсации это и предложу. Правда, тут сразу Нобели со своей бакинской нефтью полезут конкурировать...

— А мы с Густавом так подберем степень сжатия движков, поставляемых армии и флоту, чтобы они на бакинском бензине детонировали, а на нашем —

нет, — предложил я. — Ну а уж визг поднять о поставке недоброкачественной продукции — это дело техники.

— Ладно, кроме нефти есть еще один вопрос. Я, когда в последний раз был в твоём мире, много чего про технику скачал из Интернета и теперь читаю. Вот нашел очень интересный материал. — Гоша протянул мне флешку. — Вечером почитай, мне интересно твоё мнение.

Вечером я почитал. Потом не поверил своим глазам и перечитал еще раз. После этого я некоторое время сидел и тупо соображал — что лучше, выдрать остатки волос на своей пустой башке или сразу начать колотиться ею о стену?

Представьте себе, что вы инженер по ремонту подвижного состава в каком-нибудь московском депо. Сможете ли вы, если вдруг понадобится, построить на собственные средства небольшую подводную лодку — минный заградитель? Это при том, что в Интернете полно соответствующих материалов, достать движки — совершенно не проблема, и сварочные аппараты продаются на каждом хозяйственном рынке. И чтоб эта лодка нормально плавала, хотя бы по Москве-реке, исправно доныривала до дна и оставляла там метровые железные шары? Не факт, что такое у вас получится, далеко не факт.

Железнодорожный техник Михаил Налетов сделал это в 1904 году. За восемь месяцев, причем в... осажённом Порт-Артуре!

Я ведь довольно обстоятельно интересовался историей техники — и не слышал о нём ничего. Да почему же именами каких только козлов не называют улицы и города, памятники ставят иногда таким уродам, а тут...

Дальнейшее чтение меня совсем расстроило. Налетов таки сумел пробить проект и довести дело до по-

стройки минного заградителя «Краб». Но его кинули с вознаграждением, потом объявили, что разработанные им мины нулевой плавучести вовсе не его и под конец отстранили от доводки лодки. Я с мстительным удовольствием выписал имена всех причастных к этому свинству. Не будем ждать, пока им представится практическая возможность нагадить. Уже сейчас трудно сделать их жизнь весьма насыщенной — всякими неприятностями, разумеется, — а ее конец перенести на поближе и оформить с фантазией. Вот пусть на этом наш шестой отдел СБ и потренируется, с пользой для человечества.

Утром я не утерпел и заявился к Гоше на завтрак, что делал редко из-за своей свиной сущности.

— Он правда гений или я чего-то не понимаю? — поприветствовал меня Гоша. — А то как-то непонятно, почему о нем почти ничего не известно. О Можайском вон всего сколько...

— Похоже, да. Надо срочно его разыскать. Скорее всего, он сейчас в Дальнем.

— Найдем. А что он у нас строить будет — все те же минзаги?

— Вопрос «что» зависит от ответа на другой — «где». В Питере от английских и французских агентов не продохнуть. В Николаеве немцы сидят давно и прочно, маскируясь под бельгийцев. Во Владике японских шпионов едва ли не больше, чем русских моряков.

— Думаешь, в Царицыне или Георгиевске? А зачем оно нам нужно на Каспии?

— Есть такая вещь, чугунок называется. Последнее время ее стали именовать железной дорогой.

— И по ней перевозить подводные лодки?!

— Был прецедент во время Второй мировой — проект «Малютка». В почти собранном виде они перево-

зились по ЖД и оказались довольно эффективны, между прочим. Так что срочно надо разыскать этого Налетова и позвать сюда. Тут дело, мне кажется, настолько важное — я даже подумываю сам к нему съездить.

— Жора, ну ты что — это месяц как минимум, когда и здесь дел невпроворот. Я думаю, что мое официальное приглашение, подкрепленное соответствующей суммой, сработает не хуже. Ты, кстати, заметил, что он даже свою учебу не закончил, так как надо было кормить мать и брата?

— Да уж такое трудно не заметить. В общем, пишем письмо вместе. Думаю, про меня он тоже слышал.

Гоша достал свой фирменный бланк с титулами, взял паркер и начал быстро писать. Потом подвинул бумагу мне:

— От себя добавь, что считаешь нужным.

Еще до обеда шестой отдел получил это письмо с наказом — сверхсрочно найти адресата и вручить. О результатах немедленно телеграфировать. А мы с высочеством продолжили обсуждение вопроса «где».

— Я бы все-таки предпочел Владивосток, — заявил Гоша. — В любом случае там нужен нормальный судоремонтный завод, это ясно.

— Где деньги, Зин? На паршивый нефтепромысел и то не хватает.

— Во-первых, на завод надо меньше. И частями. Кстати, которое по счету тебе приглашение пришло устроить авиашоу в Штатах? Не отвечай им пока ничего.

— Хочешь по возможности оставить биржевые колебания на том уровне, как они у нас были?

— Разумеется, пока отличия несущественные. А там скоро нечто вроде небольшой лихорадки приключится, если не прощелкаем, на три завода хватит.

— Если деньги будут, я тоже за Владик. Неподалеку построить городок, обнести колючей проволокой, вход только через КПП строго по пропускам... — размечтался я.— Желтых на работу не брать. О любых контактах с ними жители обязаны будут немедленно доложить в шестой отдел.

— Ты серьезно?

— Вполне, иначе японцы обо всем происходящем там будут знать лучше тебя. А тут при приеме на работу пусть каждый подписывает бумагу, что с режимом секретности ознакомлен и с санкциями за его нарушение тоже. Придется еще асфальтовый заводик построить... Хотя что это я, там же море рядом.

— Думаешь, найдутся желающие?

— Если платить втрое против обычного, предоставлять жилье, питание и возможность карьерного роста, то почему бы и нет?

— Так, завод, база морской авиации, мастерские... — Гоша стал черкать в своем блокноте.— У тебя в компе спутниковые карты этих территорий есть? Место надо поискать.

— А чего его искать? До нас нашли и назвали Находкой. Кстати, надо циркуль взять и на карте обвести кружок соответствующего радиуса, что это, дескать, твои земли. Думаю, Николай не откажет в такой мелочи. А легенда на первое время — это мы там твою загородную резиденцию строим.

— Значит, разрабатывать и делать по узлам где-то здесь, в Георгиевске...

— Ну да, торпеды же все равно тут надо собирать. Так что недалеко, на Оке, придется еще судостроительный заводик начинать возводить. Также с режимом секретности. Ему на оборудование наспекулируете в Штатах? Чтобы там станки и купить.

— Вот когда наспекулируем, тогда и поделим шку-

ру. А мне пока просто интересно: приехал к нам, предположим, техник Налетов, ты, значит, ему сразу говоришь — надо сконструировать подводный минаг! А что это такое, спрашивает техник... Тринклера ведь мы нашли якобы как автора перспективного двигателя.

— Я ему скажу примерно так. У нас, дорогой Михаил Петрович, есть своя система поиска талантливых людей. Про ее детали не спрашивайте, потому что кроме нее у нас есть еще система сохранения секретов. И чем бы вы хотели заняться, учитывая, что через несколько лет может разразиться серьезная война на Дальнем Востоке?

— Все-таки ты считаешь ее неизбежной, — помрачнел Гоша.

— Я считаю ее вероятной, а раз так, готовиться надо именно как к неизбежной, иначе придет толстый полярный зверь. И потом, Николай вот слегка прижал Безобразова, с нашей подачи. Последнюю новость хочешь? Сандро¹, гад, там теперь заправляет! Только что кредит получил. Вот, мне шестой отдел раскопал, ознакомься. И Витте на словах против обострения отношений с Японией, а сам не только всячески способствует развитию Дальнего, но и имеет там свой интерес.

— Да, я был о Сандро лучшего мнения... Неужели он не понимает последствий?

— Боюсь, что прекрасно понимает. Ведь посмотри, что было в нашей истории. Он не высывался, на виду был Безобразов. Потом Сандро якобы возмутился этой бездумной экспансией и отошел в сторонку. И чем же он, по-твоему, занялся? Начал свое крым-

¹ С а н д р о — великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя Николая II и его приятель. Сволочь. Кто не верит, может почитать его мемуары, только внимательно, с карандашом в руках.

ское поместье расширять! Миллиона этак на два. Откуда с реки Ялу можно было наворовать такие деньги?

— Так ты считаешь...

— Да, я считаю, что он их не воровал. Ему дали те, кто заинтересован в Русско-японской войне. Тут мы просто слегка ему игру подпортили, и он вынужден действовать не так скрытно. Да, извини, мне пора — я на одиннадцать Тринклера к себе позвал.

С Густавом надо было кое-что уточнить по доводке нашего самого мощного двухтактника, восьмицилиндрового Т-4. Но главное — пора было уже ориентировать его на четырехтактные движки.

— Георгий Андреевич, я уже подумал на эту тему, — сразу начал Густав. — И, как мне ни хотелось бы применить верхневальную схему газораспределения, кажется, лучше этого не делать.

— Ну-ка подробнее, — заинтересовался я.

— У нас проблема с точными станками и людьми, которые могут на них работать. Я пока не очень себе представляю, как мы и один-то распредвал сделаем. А уж потребуются их пять-шесть на мотор... Потом, такая схема дает преимущества только на высоких оборотах. Значит, необходим редуктор. Линейный нехорошо, планетарный в смысле технологичности даже хуже распредвала. Кроме сложностей в изготовлении это еще и вес. Лучше уж сделать низкооборотный движок большого объема, а привод коромысел клапанов снизу штангами. И вот я еще насчет чего с вами хотел посоветоваться... Вы говорили, что двухтактные двигатели — это тупик. По трем причинам: картер является частью механизма распределения, значит, неизбежны трудности с многоцилиндровыми моделями, смазка растворенным в топливе маслом и вылетание части несгоревшей смеси в трубу. Так?

— Так. И что?

— Два из этих недостатков можно исключить, а третий уменьшить. Вот, смотрите... — Он разложил эскиз.— Имеем две форсунки, воздушную и топливную. Когда поршень в нижней точке, включается воздушная. Это продувка. Поршень пошел вверх, форсунка закрылась. Это сжатие. В конце хода поршня включается топливная форсунка. Это впуск. Топливо — керосин или нефть, только не бензин. В верхней точке — воспламенение от сжатия, для облегчения этого тут калильная свеча. Дальше — поршень идет вниз, рабочий ход. В конце рабочего хода открываются выпускные окна цилиндра. Так как перепускных нет, выпускные могут быть гораздо ниже, но по всей округности, что уменьшит выброс несгоревшей смеси. Как вам такой мотор?

— Значит, в темпе соображаете, сколько денег и времени нужно для постройки одноцилиндровой модели большого объема, литров на десять — двадцать, если получится. И как можно быстрее строите. Найдите себе помощников, конкурс можно среди студентов объявить... Мне это представляется очень перспективным, но работы по авиационному четырехтактнику тоже тормозить нельзя. Да, ваш новый двухтактник, мне кажется, должен иметь вот такую промежуточную конструкцию между шатуном и поршнем.— Я быстро набросал крейцкопфную схему.

— Да, мне тоже так кажется,— улыбнулся Тринклер и развернул второй эскиз, где было изображено то же самое.

«Вот ведь как удачно получилось,— думал я.— Теперь проблема судового дизеля упрется только в станки и квалифицированную рабочую силу. Станки купим. Силу... Тоже надо купить. Во-первых, у Нобелей в Питере должно быть какое-то количество рабочих соответствующей квалификации — надо переманить.

Если не хватит... из забугорья добавим. Американцев. У них рабочие очень даже вполне, а внешней разведки пока нет, значит, вероятность нанять шпиона минимальна. И пусть заодно наших пэтэушников учат».

— Густав, еще раз благодарю вас за плодотворную идею. Если понадобится какая-нибудь поддержка — в любое время. Вот только я вам еще хотел сказать... Вы только не обижайтесь, а дослушайте до конца. По моим сведениям, к вам ищет подходы немецкая разведка. Скорее всего, будут сначала предлагать перебраться в Германию.

— Господин Найденов,— возмущенно сказал Тринклер,— даже если оставить без рассмотрения вопрос о моей национальности, то есть что я считаю себя русским, но неужели вы считаете меня лишенным элементарной порядочности? Более того, не вздумайте предлагать мне в связи с этим увеличить жалованье — я сочту такие действия оскорблением. Извините за резкость.

— Так все замечательно,— обрадовался я.— Ничего такого мне и в голову не приходило, я просто хотел попросить вас об одной услуге. Когда вас начнут уговаривать, не посылайте их сразу, а просто заломите неусуветную цену. Например, миллион одновременно, миллион в год жалованья и титул герцога.

— На барона не соглашаться? — хмыкнул Густав.

— Ни в коем случае, вы что, какой может быть барон! Так вот, после этого вам, скорее всего, предложат за хорошие деньги поделиться технической информацией. Тут тоже задирайте цену, но не до небес, чтоб в принципе могли и согласиться. Нужно же с ними кое-чем поделиться, эскизами ротативного двигателя например. Или помочь с материалом для лепесткового клапана, а то они из-за такой мелочи никак не могут наш движок скопировать, как бы с расстройства

четырёхтактными не занялись. Да, если вам вдруг начнут угрожать или шантажировать... Мы вас в обиду не дадим, будьте уверены. Но для большего спокойствия возьмите себе еще слугу-денщика, этот господин сейчас придет. Можете ему доверять, он как раз обязан обеспечивать вашу безопасность.

ГЛАВА 18

Когда руководишь крупным предприятием, всегда возникают какие-то сюрпризы. Как-то вдруг внезапно выяснилось, что кроме авиазавода, моторного завода, фармацевтики и приборов на мне висит и оружейная мастерская. В свое время Гоша положил немало сил на то, чтобы заполучить Федорова. Тот ведь был офицером, и предлагать ему просто так идти служить на частный завод не стоило. Пришлось соблазнить его должностью начальника оружейных мастерских Особого казачьего отряда. Помню, когда он приехал, были некоторые недоразумения: он сразу понял, что находится практически в моем подчинении, а я — лицо мало того что гражданское, так еще и с неясным подданством. Но Гоша показал Федорову бумагу, в которой он, высочество, наследник и атаман, уполномочивал меня действовать от его имени, и объяснил, что отсутствие у меня воинского звания — дело временное, надо дождаться утверждения авиационных чинов. Федоров вынужден был смириться, но своим присутствием он мне, мягко говоря, не надоедал. И вот теперь секретарь сообщил мне, что поручик Федоров пришел с докладом.

— Здравствуйте, господин Найденов,— сказал он, заходя.— Великий князь Георгий приказал мне оборудовать оружейную мастерскую, пригодную для разра-

ботки новых видов стрелкового оружия, и доложить вам. Мастерская готова к приемке, вот документы.

— Она готова к приемке или к работе? — Я, не открывая, отодвинул его папку в сторону.

— К работе она тоже готова, — прищурился Федоров, — но мне пока никто не соизволил объяснить, в чем конкретно будет заключаться эта работа.

— В разработке новых, в основном автоматических, образцов стрелкового оружия для Особого казачьего отряда, — пожал плечами я.

— Где и когда я смогу получить технические задания?

— Где? Ну наверное, в вашем кабинете, если он у вас есть. А насчет «когда» — так это вам виднее, когда вы их напишете. Вы знаете о специфике отряда, в общих чертах знакомы с его задачами, вы оружейник. Так и думайте, чем вооружить казаков, учитывая, что наши финансовые и производственные возможности позволяют гораздо больше, чем в среднем по армии.

Вообще-то уже было решено, что нам нужна немного модернизированная укороченная мосинка, пистолет-пулемет наподобие ППШ и пулемет вроде СГ-43, но с трехногим станком, а не на колесах. Однако мне хотелось посмотреть, что предложит сам Федоров.

— Давайте уточним, — сказал Федоров. — Вы предлагаете мне самому решить, что делать. С кем, на каких этапах и в какой форме согласовывать работу?

— Со мной. На этапе выбора патрона — прямо сейчас. Их два: маузеровский пистолетный 7,62x25 и русский винтовочный 7,62x54. Для применения каких-то других потребуются очень серьезные обоснования. Далее — когда решите, что именно вы конструируете, желательно поставить в известность меня. Вот примерно так.

— Раз вы назвали маузеровский патрон, это говорит о том, что сам пистолет Маузера вас не устраивает. Чем? И кого вы собираетесь вооружать пистолетами?

— Маузер-96 не устраивает меня, во-первых, своей несуразной сложностью. Это какие-то швейцарские часы, а не оружие. Во-вторых, десять патронов в магазине мало. Надо не меньше двадцати, и магазин сделать съёмным. В-третьих, нужна возможность стрельбы очередями, то есть в автоматическом режиме. Зато вес можно увеличить до четырех килограмм, хотя лучше уложиться в три.

Федоров с сожалением посмотрел на меня.

— Вы хотите карманный пулемет, — констатировал он. — Скажите, господин Найденов, а вы имеете представление о конструкции и весе пулемета Максима, например?

— Представление очень даже имею. Вес — большой, конструкция — сложная. Знаете что? Давайте вернемся к этому разговору вечером, я к тому времени успею сделать действующий макет такой штуки. Вот тогда вы и выскажете свое квалифицированное мнение.

— Он что, у вас уже готов?

— Нет. Более того, у меня даже нет законченного проекта, только общий принцип. Но к вечеру все будет готово, если вы мне сейчас найдете трехлинейку, надо половину ствола от нее отпилить. Вы, кстати, можете присутствовать при работе.

Федоров смотрел на меня как на сумасшедшего.

— Через полчаса я приду к вам с отрезком ствола, — сказал он. — Какую он должен иметь длину? И где будут происходить работы?

— В моей личной мастерской, это на первом этаже. Четыреста миллиметров. Жду вас.

Федоров ушел, а я метнулся к Гоше.

— Ты что-то в Интернете хотел посмотреть? Пошли.

— Что за срочность такая? — удивился Гоша, проходя в гараж Москвы 2009 года.

— Да что-то у меня с Федоровым отношения не складываются, вот решил его удивить малость. Надо в автозапчастях пружин закупить и труб разного диаметра, чтоб прямо у него на глазах соорудить автомат.

Все-таки общая работа сближает. В двенадцать я начал растачивать в стволе патронник. В полпервого Федоров спросил, чем он может помочь, я попросил его согнуть из стали-полуторки магазин патронов на двадцать и дал пружины для примерки по месту. Пока он возился с магазином, я на резьбе загнал ствол в трубу, изображающую из себя ствольную коробку. Потом по месту сделал в ней прорезь для ручки затвора, который в этой конструкции был объединен с бойком, овал для выброса гильзы и две дырки для качалки-экстрактора с другой стороны. Выточил сам затвор-боек — два соосных цилиндра из латуни. Сунул его в коробку, проверил, как ходит. К этому времени подошел магазин. Я приложил его к ствольной коробке снизу, обвел чертилкой и по месту прорезал окно. Получилось удачно, он входил туда с легким натягом. Знаете, есть в оружейном деле такое понятие — неотъемный магазин. Так вот у меня он вышел аж сверхнеотъемным — я его приварил. Сунул сзади в коробку затвор, через прорезь ввернул в него болт. Вставил туда же пружину, сжал ее и ввинтил в торец коробки стальную заглушку. Подумав, приварил и ее тоже — чтоб не сорвало отдачей. Взял получившееся творение, присмотрелся... Рукоятка не мешает. Еще пара касаний электродом — и она появилась. Изогнул гвоздь буквой «П», сточил наискось концы, вставил в

дырки и примотал получившийся экстрактор резиновой к ствольной коробке.

— Вот и все, — сообщил я. — Теперь осталось это зарядить и пойти до ужина подстрелить кого-нибудь.

Федоров в недоумении взирал на нелепую конструкцию.

Я перевернул «автомат», один за другим затолкал в магазин патроны, вставил туда пружину, потом деревянную затычку и зафиксировал ее двумя саморезами. Оружие было готово к бою.

Собственно говоря, это изделие представляло собой ремейк моего сделанного лет сорок с чем-то назад автоматического самопала. Разумеется, маузеровские патроны были недостижимой мечтой, та хреновина стреляла мелкашечными. Сейчас я сохранил конструкцию, только внес поправку на примерно вдесятеро более мощный патрон.

— У вас при мастерских вроде тир есть? — спросил я. — Ну так пора туда пойти.

В тире я взял самопал левой рукой за магазин и выпрямил ее — аллах его знает, куда эта конструкция будет плеваться гильзами, лучше держать подальше от рожи. Указательным пальцем правой оттянул болт затвора и, не отпуская его, оставшимися четырьмя обхватил покрепче рукоятку. Потом отпустил болт.

Очередь грохотала секунды полторы. Под конец, несмотря на все мои усилия, ствол задрало в потолок, но и в мишень попало немало.

— Вот такое примерно оружие было бы неплохо иметь, — сообщил я Федорову. — Разумеется, с нормальным спусковым крючком, чтобы можно было отсекать очереди нужного размера, с отъемным магазином... с экстрактором получше («А то гильза за шиворотом — это нехорошо», — подумал я, ерзая лопатка-

ми), ну и вообще доработанное. Но не намного сложнее данного макета.

— Это можно сделать довольно быстро! — заметил Федоров, чей скепсис практически улетучился. — А что у вас за настольные станки в мастерской, какой фирмы?

Китайский токарный, кырпыровский¹ фрезерный и неизвестной породы сверлильный — вот что у меня там стояло. Плюс самодельный сварочный трансформатор.

— Сделано по моим чертежам, спецзаказ, — сообщил я. — Так что оснастить вашу мастерскую именно такими не получится. А вот сварочный аппарат могу презентовать, вдруг и найдете ему применение. И можете подумать насчет оснащения имеющихся у вас станков электроприводом, с моторами я помогу.

На следующий день работу моей автострелялки посмотрели Гоша с Машей. После чего Гоша пошел с Федоровым в его мастерскую, а Маша сказала, что у нее ко мне есть разговор. Я обратил внимание, что была она несколько серьезнее, чем обычно.

— Я тут почитала кое-что про историю войн, — начала она. — И вот ведь что получается: техническое преимущество вовсе не является обязательным условием победы.

— А еще Волга впадает в Каспийское море, — кивнул я. — Даже если бы никаких других войн, кроме арабо-израильских, не было, то и их бы хватило для иллюстрации твоего вывода. Как правило, победу определяют хорошее снабжение, нормальное управление на всех уровнях и моральный дух войск. Это

¹ Московский станкостроительный завод «Красный пролетарий» известен также как «Кыр Пыр».

очень приблизительно, конечно, только самое необходимое.

— Так что же мы тогда на автоматы, самолеты силы тратим?

— А вот расскажи-ка мне, что ты знала о Русско-японской до начала нашей эпопеи в Гошином мире?

— Ну, — задумалась племянница, — это была ненужная России война, в которую ее втравила придворная клика во главе с бездарным царем... Бездарные генералы во главе с Куропаткиным проиграли все сухопутные сражения, а такие же адмиралы во главе с Рождественским и еще не помню с кем — все морские... А в тылу от генерал-адмирала и ниже воровали все подряд миллионами... Разве что в начале войны было светлое пятнышко — «Варяг».

— Вот-вот. А теперь представь себе, что Гоша — наместник Дальнего Востока, я — тоже какая-нибудь шишка... Всю систему нам в порядок не привести, она сгнила сверху донизу. Что-то сделаем, наверное, чтоб проиграть войну не с таким счетом — пол-Сахалина, например, не отдавать. Но каким в этом случае окажется общественное мнение? Войну проиграли бездарный брат царя Георгий и его прихлебатель Найденов! Так что пусть руководство останется прежним. А наша задача — сделать так, чтобы все поняли: в этой позорно проигранной войне было-таки не одно, а несколько светлых пятен, лучей, так сказать, света... Это действия героических Гошиных казаков, летчиков и моряков. Во главе которых стоял тот самый Гоша весь в белом и его верные помощники — мы с тобой. И кстати, на всякий случай запомни, что фамилия адмирала — Рождественский. Лишнюю букву «д» к его фамилии Новиков-Прибой в своей «Цусиме» приделал.

— Но тогда общественное мнение должно быть готово к такому развитию событий! А то дедушка Ленин все равно про прогнившее самодержавие начнет выступать...

— А зачем, по-твоему, информбюро на твоих штанах тренируется?

Про себя я подумал, что тренироваться надо начинать не только ему. Пора заказать Федорову десяток Мосинок прецизионного изготовления, патроны ручного снаряжения, а прицелы — это уж я сам. Хотя... лучше не Федорову и не Мосинки. Надо остановиться на девяносто восьмых маузерах, это будет прогрессивнее и в техническом, и, так сказать, в идеологическом плане. И радиолампы надо сделать поминиатюрнее и поэкономичнее, а то пока у меня приемник радиовзрывателя и суток проработать не может.

Через две недели Федоров показал мне свой образец пистолета-пулемета. Он уже имел отъемный тридцатипатронный магазин, причем тот вставлялся в длинный, приваренный к ствольной коробке приемник, так что хват рукой был именно за него, а не за магазин. Естественно, появились нормальный спусковой крючок и предохранитель, фиксирующий затвор в заднем положении. Ход затвора увеличился — это немного снизило темп огня, но главное — теперь окно для выброса гильз перед выстрелом было закрыто. «Это он молодец, — подумал я, — а то через мою открытую дыру действительно грязь набивалась бы».

Мы постреляли. Я отметил некоторое неудобство смены магазинов — их приходилось вытаскивать. Лучше пусть их при нажатии на что-нибудь пружина выталкивает, предложил я. Федоров, неосторожно схватившись за ствол, пришел к выводу о необходимости защитного кожуха.